

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА

Трудное признание

Хейки Линдпере

Хейки Линдпере, доктор философии, родился в 1949 году в Таллинне. Трудовую карьеру начал штурманом торгового судна. Интерес к юриспруденции вскоре привел его в Тартуский университет, который он закончил в 1976 году с дипломом юриста. Дальнейшая его деятельность в качестве правоведа, преподавателя и практикующего юриста была связана с международным и морским правом. В 1989 году в качестве эксперта по международному праву Х. Линдпере консультировал эстонских депутатов Съезда народных депутатов СССР, добивавшихся и добившихся признания секретных протоколов к заключенному в 1939 году советско-германскому пакту о ненападении юридически несостоятельными и недействительными. Обо всех перипетиях этого процесса и рассказывает представляемая книга. В настоящее время Х. Линдпере – профессор публичного морского права Эстонской морской академии.

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА

Трудное признание

Обзор событий и воспоминания **Хейки Линдпере** об учреждении и работе Комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке секретных протоколов, приложенных к пакту Молотова-Риббентропа (ПМР).

Интервью Хейки Линдпере с **Игорем Грязиным** о деятельности комиссии по ПМР.

Интервью с профессором **Юрием Афанасьевым**.

Эндель Липпмаа об истории заключения ПМР и об участии в работе комиссии.

Эдгар Сависаар: С верой в Эстонию.

Аннели Рыйгас: Авторучка как оружие. Трудный путь Москвы к признанию сделки между Гитлером и Сталиным.

Перевод с эстонского:

Татьяна Верхоустинская

Редактор русской версии:

Владимир Сергеев

Верстка и дизайн:

Энно Пийр

Напечатано в

Puffet Invest OÜ

Второе издание и первый перевод на русский язык: 2009 г.,
Институт внешней политики, пл. Исландии, Таллинн 15049, Эстония;
www.evi.ee

©2009 Перевод на русский язык, Институт внешней политики

ISBN 978-9949-18-674-7

Все права защищены. Запрещено – копирование, воспроизведение, перепечатка дигитальным, механическим или иным способом, а также распространение и использование любых материалов, размещенных в данной книге, без предварительного письменного согласия издательства, которому принадлежат все авторские права. При использовании ссылка на правообладателя и источник заимствования обязательна.

ПАКТ МОЛОТОВА–РИББЕНТРОПА

Трудное признание

Хейки Линдпере

EESTI VÄLISPOLIITIKA INSTITUUT
ESTONIAN FOREIGN POLICY INSTITUTE

2009

Содержание

Предисловие	7
I. Создание Комиссии Съезда народных депутатов СССР и обзор ее деятельности.	18
1. Предыстория.	18
2. 2 июня 1989: образование комиссии по ПМР.	20
3. 5 июля: заседание в представительстве Эстонии в Москве.	26
4. 11 и 12 июля: снова заседания в эстонском представительстве.	31
5. 19 июля: заседание в Центральном Комитете КПСС.	40
6. 9 августа: комиссия выходит из-под контроля председателя.	44
7. 4 ноября: заседание в Центральном Комитете КПСС.	48
8. 14 декабря: заседание в Кремле.	51
9. 23 и 24 декабря: Рождество на Съезде в Кремле.	54
10. Подводя итоги.	57
II. Деятельность комиссии по ПМР в ретроспективе: воспоминания и размышления некоторых людей, связанных с её работой.	59
Интервью с Игорем Грязиным.	59
Эндель Липпмаа. Совместный протокол Сталина и Гитлера.	77
Эдгар Сависаар: С верой в Эстонию.	92
Интервью с Юрием Афанасьевым.	109
Аннели Рыйгас: Авторучка как оружие.	117

III. Приложения

139

1. Запись беседы Народного Комиссара иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом.	139
2. Посол Шуленбург – в МИД Германии. Телеграмма	142
3. Телеграмма А. Гитлера И. В. Сталину.	143
4. Письмо Секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина Рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру. 21 августа 1939 г.	145
5. Риббентроп – в МИД Германии. Телеграмма от 23 августа	145
6. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенный 23 августа 1939 г.	147
7. Секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР	147
8. Посол Шуленбург-Риббентропу. Телеграмма от 26 ноября 1940	148
9. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР. Об отношении к пакту Молотова-Риббентропа. 18 мая 1989	149
10. Состав комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года.	151
11. Срочная телеграмма. Председателю Верховного Совета СССР товарищу М. С. Горбачеву от 9 августа 1989	152
12. От Комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 года	152
13. Не дать прикриты отсутствие правды. Заявление квалифицированного большинства (3/4) членов комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора от 23 августа 1939 г.	154
14. От комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года (Пояснительная записка от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР)	156
15. Выступления Э. Липпмаа и Э. Сависаара на Втором Съезде народных депутатов СССР, 23 декабря 1989 года	159
16. Из доклада председателя Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года А. Н. Яковлева 23 декабря 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР	160
17. Выступление А. Н. Яковлева 24 декабря 1989 года на Съезде народных депутатов СССР	162
18. Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года».	165
19. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР. О государственном статусе Эстонии. 30 марта 1990 г.	166
20. Постановление Верховного Совета Эстонской Республики. О государственной независимости Эстонии. 20 августа 1991 г.	167
21. О признании независимости Эстонской республики. Государственный Совет СССР, 6 сентября 1991 года	168

Предисловие

Рождественские дни в Москве 20 лет назад явились свидетелями важнейшего для трех Прибалтийских стран события, об адекватной оценке и значимости которого для восстановления независимости в сегодняшней Эстонской Республике, к сожалению, говорят и пишут не слишком много. Настоящее издание позволяет не только представить все известное нам по данной теме, но и дает возможность увязать это знаменательное событие с восстановлением независимости Эстонии, провозглашенным 20 августа 1991 года. Основанием для Постановления Верховного Совета Эстонской ССР о восстановлении государственной независимости Эстонии послужило Постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 30 марта 1990 года «О государственном статусе Эстонии» (см. Приложение 19) и волеизъявление населения Эстонии, четко выраженное на референдуме 3 марта 1991 года.

В июне 1991 года, когда я только что вернулся из США после 10-месячной магистратуры в Университете Беркли, меня пригласил к себе премьер-министр Эстонской Республики Эдгар Сависаар, и настоял на том, чтобы я срочно написал книгу-обзор того, как и с какими трудностями, преодолевая какие препятствия, удалось добиться признания недействительным секретного протокола к пакту Молотова–Риббентропа.¹ Срочность объяснялась приближением 23 августа – очередной годовщины пакта. Всего лишь за девять дней была подготовлена рукопись, включившая также интервью народных депутатов Игоря Грязина и Энделя Липпмаа, и книга на эстонском языке была выпущена издательством «Olion» к назначенному сроку.

* * *

Постановление Съезда народных депутатов СССР² от 24 декабря 1989 года «О политической и правовой оценке советско-германского пакта о ненападении от 1939 года»³

-
- 1 Вне пределов СССР договор (пакт) о ненападении между СССР и Германией, подписанный в Москве 23 августа 1939 г. (правильнее – 24 августа, поскольку он был подписан во втором часу ночи с 23 на 24 августа) традиционно именовали «пактом Сталина-Гитлера», но, чаще – «пактом Молотова–Риббентропа» (ПМР) по фамилиям наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова и министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, подписавших его. *Прим. ред.*
  - 2 В соответствии с поправкой к Конституции СССР, принятой в декабре 1988 г., высшим органом государственной власти стал Съезд народных депутатов СССР, правомочный решать все вопросы, относящиеся к компетенции Советского Союза. Верховный Совет СССР стал постоянно заседающим законодательным, распорядительным и контролирующим органом государственной власти.
  - 3 Постановление Съезда народных депутатов было озаглавлено именно так, хотя на самом деле речь в нем шла о политической и правовой оценке секретного протокола, приложенного к советско-германскому пакту о ненападении. *Прим. ред.*

можно смело считать крупнейшей победой эстонской дипломатии после второй мировой войны. Историческая значимость факта отнюдь не исчерпывается содержанием названного постановления. Мы должны понимать, что победа была одержана не просто в борьбе противоположных интересов, но в борьбе с превосходящими силами, в условиях, когда наша сторона явно была слабее. Тем ценнее инициатива, доведенная делегатами Съезда от Эстонии до логического завершения, их конкретные предложения, собранная ими доказательная база, тактические планы и шаги. Во многом помогли латыши и литовцы, и – что особенно важно – прогрессивно настроенные русские. Так что инстанции, фактически формировавшие и курировавшие внешнюю политику Советского Союза, вынуждены были сдаться, проимперски настроенные ретрограды оказались бессильны перед правдой. Представляется, что подробное раскрытие и увековечение исторического опыта необходимо, поэтому представляем читателям обзор пройденного пути.

Текст секретного протокола ГМР официально впервые был опубликован в 1948 году Госдепартаментом США⁴. Советский Союз немедленно откликнулся грубо тенденциозной пропагандистской брошюрой «Фальсификаторы истории»⁵ и существования протокола не признал. В тоталитарном обществе такого рода официальная точка зрения была обязательна для всех историков. Поскольку состоявшееся 23 августа 1939 года разделение Восточной Европы между Германией и Советским Союзом официально отрицалось, советская пропаганда изыскивала иные обоснования действиям И. Сталина, предпринятым в соответствии с секретным протоколом: нападение на Польшу объясняли необходимостью защитить украинцев и белорусов; советско-финскую войну – ответом на нападение финнов, а оккупацию прибалтийских государств и изменение летом 1940 года их государственного строя – произошедшими там по воле народа революциями.

Если наличие секретных протоколов и можно было отрицать, то заключение самого пакта не отрицалось. С одной стороны, ему давалась положительная оценка, с другой – утверждалось, что страны Запада поставили СССР в безвыходное положение, и заключению пакта альтернативы не было. Из пропаганды эти утверждения

---

4 Nazi-Soviet Relations, 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Washington. 1948;

5 Фальсификаторы истории (Историческая справка). Москва: Госполитиздат. 1948.

Эта «историческая справка», была отредактирована лично И. Сталиным. *Смотри подробнее:* Печатнов В.О. «Стрельба холостыми»: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны, 1945–1947. – Сталин и холодная война. Москва: Институт всеобщей истории РАН. 1988, с. 198. *Прим. ред.*

проникли в работы историков и вплоть до середины 1980-х годов оставались там единственно возможными. Во второй половине 1980-х годов в Советском Союзе произошли перемены в сторону либерализации, названные «перестройкой» и «гласностью». Между прочим, они принесли с собой и перемены в области исторических исследований. В оккупированной Эстонии секретный протокол впервые был опубликован уже в 1988 году, однако, согласно официальной точке зрения Москвы, его по-прежнему не существовало.

Стремление Генерального секретаря КПСС Михаила Горбачева реформировать хиреющую экономику государства повлекло за собой существенные внутривнутриполитические изменения. Формально верховная законодательная власть в Советском Союзе принадлежала Верховному Совету СССР, а верховная исполнительная власть – Совету Министров СССР, но в действительности главную роль в управлении государством играла Коммунистическая партия, и все важные политические решения принимало Политбюро ЦК КПСС. Чтобы придать системе хотя бы внешне более демократический облик, в декабре 1988 года в Конституцию СССР были внесены поправки, на основании которых в марте следующего года прошли выборы в новый представительный орган – Съезд народных депутатов СССР. И хотя выборы еще не были демократическими, все же впервые появилась возможность выбирать из нескольких кандидатов. Теоретически пределы власти Съезда народных депутатов были достаточно широки, например, он мог вносить поправки в Конституцию и выбирать членов Верховного Совета СССР.

В издании 1991 года я процитировал Пеэтера Райдла, который в заметках для газеты «Rahva Hääl», отправленных из Москвы 24 декабря 1989 года, писал: «Стыдно перед всем миром: Съезд боится правды». Накануне, 23 декабря, второй Съезд народных депутатов СССР провалил принятие постановления «О политической и правовой оценке советско–германского пакта о ненападении от 1939 года». И это несмотря на то, что интенсивно работавшая полгода комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года представила съезду свои заключения и рекомендации, возглавлявший комиссию Александр Яковлев⁶ сделал дельный доклад, а эстонская сторона подготовила и раздала народным депутатам дополнительные материалы: сборник документов

---

6 Александр Николаевич Яковлев (1923-2005)- известный советский и российский политик и ученый, академик РАН. С 1986 по 1990-секретарь ЦК КПСС. Возглавил комиссию Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. *Прим. Ред.*

о событиях 1940 года в Эстонии, а также обращение группы депутатов от Прибалтики и копии секретных протоколов, верифицированных (удостоверенных) зарубежными архивами, и наиболее важных телеграмм из переписки Министерства иностранных дел германского Рейха.

Лишь 24 декабря, после того, как Министерство иностранных дел СССР представило документы из своего спецархива, подтверждающие существование секретных протоколов, удалось принять постановление, осуждающее их.

С аналогичными трудностями столкнулась и комиссия. Надежды на то, что в связи с 50-летием пакта Молотова-Риббентропа выводы комиссии будут опубликованы непосредственно к 23 августа 1989 года, не оправдались, хотя основания к тому имелись: к 20 июля подавляющее большинство членов комиссии договорились о формулировке заключения. Противостояние высшего руководства Советского Союза оказалось настолько мощным, что выводы комиссии не были опубликованы. Недоверие к истинным устремлениям центрального руководства усугублялось – и небезосновательно: достаточно вспомнить пресловутое заявление ЦК КПСС от 26 августа 1989 года о положении в Прибалтике⁷, а также прозвучавшие тогда из уст м. Горбачёва (и звучащие до сих пор) заверения в том, что Латвия, Литва и Эстония в 1940 году якобы добровольно присоединились к Советскому Союзу согласно воле их народов.

Не отрицая всего того положительного и впервые официально заявленного в Советском Союзе, что содержит в себе вышеупомянутое постановление съезда, мы видим, что по многим пунктам историческая правда была высказана не до конца. В нем отсутствует ясно выраженное летом 1989 года подавляющим большинством членов комиссии желание продолжить работу с тем, чтобы вынести оценку дальнейшим событиям, в том числе и случившемуся в 1940 году в Прибалтике. Постановление от 24 декабря говорит о каких-то неопределенных «третьих странах» и «других государствах», суверенитет, территориальную целостность и независимость которых Советский Союз обязывался уважать при любых обстоятельствах, и в отношении которых И. Сталин и его приближенные использовали секретные протоколы для выдвижения ультиматумов и оказания давления, нарушая взятые на себя правовые обязательства по отношению к этим государствам. То, что в пункте 7 постановления Съезда прибалтийские государства прямо названы не были, являлось для людей знающих несущественным политическим компромиссом, уступкой силам мракобесия со стороны тех, кто желал улучшить

---

7 Заявление ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики. Советская Эстония 29 августа 1989 г; Молодежь Эстонии 29 августа 1989 г. *Прим. Ред.*

международный имидж Советского Союза или же искренне добивался восстановления исторической правды. Альтернативой был бы отказ принять постановление.

Великодержавные интересы руководства Советского Союза, его страх перед фактическим выходом Прибалтики из состава Советского Союза, в сущности, превратили постановление от 24 декабря в политическую декларацию без каких либо вытекающих из нее правовых последствий. Сохранение *status quo* (существующего положения) любой ценой, будь то давно опровергнутая ложь о «социалистических революциях в Прибалтике» или же согласно доктрине «*rebus sic stantibus*» (если обстоятельства остаются без изменения)⁸ по существу ведет лишь к правовому нигилизму. Подобное применение двойных стандартов, когда среди народов мира пропагандировалось уважение к принципам свободного выбора и самоопределения, и одновременно прибалтийским народам отказывали в удовлетворении их оправданных требований и проблема Прибалтики трактовалась, как исключительно внутренняя проблема Советского Союза, едва ли способствовало укреплению доверия демократических государств к внешней политике Советского Союза.

Жизнь идет своим чередом, и хотя много времени и энергии тратится впустую, сегодняшнее противостояние так или иначе будет сломлено. Процесс освобождения Прибалтики цивилизованным способом уже не остановить. Да и Россия становится демократичнее. Отступает былая незыблемая вера в такие базового характера ошибочные представления советской системы, как утверждение, что государственная власть может быть бесконтрольна, главное, чтобы она была в руках правильной партии, или что изменением экономической системы можно уничтожить страсть к наживе. Свободный выбор, как основная гарантия развития цивилизованных народов, для России жизненно важен не меньше, чем для Прибалтики. Применение же тех или иных силовых методов просто ускорит процесс освобождения, поскольку под их воздействием формируется все более действенная поддержка Прибалтики со стороны мировой общественности и правительств развитых государств.

Настоящая книга (имеется в виду эстонское издание 1991 года) не претендует на исчерпывающий обзор интересующего нас исторического периода, она касается трудностей, так сказать, родовых схваток, сопровождавших рождение Постановления от 24 декабря 1989 года «О политической и правовой оценке советско-германского

---

⁸ Принцип, согласно которому каждый международный договор действует до тех пор, пока обстоятельства, при которых он был заключён, остаются без изменения. В соответствии с этим принципом, в случае изменения обстановки, договор утрачивает своё прежнее значение и может быть расторгнут односторонним актом заключившего его государства. *Прим. ред.*

договора о ненападении от 1939 года». Надеюсь, по прочтении книги у читателей создастся подробная картина того, какими методами и аргументами люди, формировавшие и защищавшие внешнюю политику государства под руководством аппарата ЦК КПСС, пытались оправдать решения и действия сталинского руководства, какими приемами правового нигилизма пытались противостоять аргументам, выдвинутым депутатами от Прибалтики, и доказательным материалам, представленным, в основном, эстонскими депутатами. Такого рода анализ актуален и, хочется думать, поучителен, если иметь в виду консультацию между руководимой Ю. Нугисом полномочной делегацией Эстонской Республики и руководимой Н. Лаверовым не имеющей полномочий делегацией Советского Союза, которые некомпетентные люди пытаются называть переговорами.⁹

Даже поверхностное знакомство с закулисной стороной работы комиссии должно было бы рассеять наивные представления некоторых читателей, будто решение признать существование секретного протокола к ПМР, и осудить его, было принято уже раньше, до событий августа 1987 года. Выдвинув такого рода гипотезу (газета «Edasi» за 30 марта 1990 г.), Юри Пылд и Кайдо Яансон пришли к выводу о том, что «при признании наличия секретных протоколов и осуждении их, намерения прибалтов и Москвы совпали, хотя цели у сторон и были разные. Создается впечатление, что и сейчас намерения Прибалтики и Москвы находятся в одном русле. В Литве же есть желание двигаться быстрее, чем может Москва». На деле советское руководство еще ничего не признало, в том числе и политически, не говоря уже о правовом аспекте, невзирая на Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года. Иначе не было бы отказа от дальнейшего обсуждения и совместной оценки протокола и событий, последовавших за ним и переговоров с прибалтийскими республиками; а возможность их выхода из состава Советского Союза не рассматривалась бы исключительно на основании соответствующего, хотя и сомнительного с точки зрения права, закона СССР. На мой взгляд, мы имеем дело всего лишь с косвенным признанием, доказательством того, что ПМР прямо связан с событиями 1940 года в Прибалтике, и именно опасение, что это выйдет наружу, блокирует все возможные конструктивные шаги Кремля.

---

9 В конце марта 1991 г. делегация Эстонии во главе со спикером парламента Эстонии Юло Нугисом провела консультации с советской делегацией, которую возглавлял заместитель премьер-министра СССР Николай Лаверов. На консультациях делегация Эстонии настаивала на праве выйти из СССР с формулировкой «восстановление независимости», а советская сторона – на заключении нового Союзного договора или на выходе Эстонии из СССР в соответствии с принятым в апреле 1990 г. законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзных республик из СССР», предусматривавшим настолько усложненную процедуру выхода, что он становился практически невозможным. *Прим. ред.*

Настоящий сборник может послужить неплохим пособием при выработке и подготовке аргументации к возможному обсуждению вопроса Прибалтики на какой-нибудь международной конференции или вынесении спора на международный арбитраж. Это, естественно, в том случае, если сама жизнь не внесет серьезных корректив во внешнюю политику Советского Союза.

Обзор работы комиссии содержит также собственные авторские правовые оценки как представленных материалов, проектов, заключений специалистов, так и некоторых заявлений членов комиссии. Определенное право на это автору дает его положение и деятельность помощника-эксперта с первого июльского заседания и вплоть до завершения работы комиссии при четырех избранных от Эстонии членах комиссии – народных депутатах Игоре Грязине, Марью Лауристин, Энделе Липпмаа и Эдгаре Сависааре.

* * *

Признание существования секретного протокола ПМР и осуждение его со стороны Съезда народных депутатов СССР ожидаемых политических последствий не принесло, но каким было влияние этого факта на исторические труды в России? Важнейшим достижением, безусловно, стало то, что существование секретного протокола больше не отрицается. В начале 1990-х годов российская историография стала приближаться к западным трактовкам, касающимся этой темы, оправданий ПМР в работах по истории стало меньше. Подобные представления распространились и за рамки академических исторических трудов. Так например, весной 1995 года в Москве в связи с 50-летием окончания советско-германской войны, которую в России называют Великой Отечественной войной, была открыта выставка архивных документов, где экспонировались тексты договоров, заключенных в 1939-1941 годах между Советским Союзом и Германией, и связанные с ними документы. Оправдание ПМР существенно сократилось даже в школьных учебниках. К сожалению, в начале нового тысячелетия подобные тенденции в России сошли на нет, и все чаще происходит возврат к сформулированному ещё в 1948 году отношению к этим документам. Начиная с академических трудов по истории и вплоть до школьных учебников, вновь повторяется утверждение о том, что у Советского Союза не было иного выхода, кроме как заключить пакт, и виноваты в этом все остальные государства. Как положительный факт рассматривается то, что государственная граница была отодвинута к былым рубежам царской России, а при описании всех этих действий всячески избегают слова «оккупация». Вообще не рассматривается вопрос о том, какие возможности ПМР предоставил Германии, и что это означало для остальной Европы. Раздел Польши между двумя диктаторами принес с собой страдания многим, так, например, польские евреи вскоре оказались в гетто.

Не имея надежного тыла, Германия не смогла бы провести в 1940 году успешное наступление на Западном фронте, которое привело к полной оккупации Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга и частичной оккупации Франции.

Но Эстония шаг за шагом продолжала идти к восстановлению своей независимости. Вспомним, что за месяц до постановления о признании секретного протокола к ПМР недействительным, Москва уже дала официальную оценку событиям 1940 года. 16 ноября 1989 года Верховный Совет Эстонской ССР принял Постановление «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году»¹⁰, в котором акции сталинского руководства Советского Союза против Эстонской Республики квалифицировались как агрессия, военная оккупация и аннексия, а «Декларация о вступлении Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик», принятая Государственной Думой Эстонии 22 июля 1940 года, признавалась юридически недействительной, поскольку она не основывалась на свободном волеизъявлении эстонского народа.¹¹ В этом постановлении была поставлена задача восстановить Эстонию в качестве субъекта международного права. Как любопытный нюанс можно отметить тот факт, что по настоянию некоторых депутатов Верховного Совета к резолютивной части названного постановления было добавлено следующее пояснение: «Принятие настоящего Постановления не истолковывается как применение статьи 69 Конституции Эстонской ССР». Эта статья устанавливала право на выход из Союза ССР.¹²

В Москве категорически отрицали необходимость правовой оценки этих событий со стороны Советского Союза (читай – боялись), хотя на признание ПМР недействительным пойти пришлось. Из Эстонии той же зимой в Москву, в Верховный Совет СССР был направлен ряд предложений начать переговоры о восстановлении независимости Эстонии. Например, одно предложение внесло республиканское собрание народных депутатов Эстонской ССР всех уровней, состоявшееся в годовщину Тартуского мира 2 февраля 1990 года в Таллинне, где за решение проголосовало 2973, 101 воздержался, против

---

10 1940. aasta sündmused Eestis. Dokumente ja materjale. Koost. A. Kõörna, J. Lepp, H. Lindpere, L. Meri, E. Truuväli. Tallinn: Olion.1990, lk.3 ja 4;

1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Сост: А. Керна, Ю. Лепп, Х. Линдпере, Л. Мери, Э. Труувяли. Таллинн: Олион, 1989, стр. 3, 4.

11 В интересах исторической правды следует отметить, что выработке этого постановления во многом способствовали выводы комиссии в составе: председатель Юхан Кахк, члены: Андрус Порк, Хейки Линдпере, Эрик-Юхан Труувяли и Пеэтер Варес, образованной 27 июля 1989 г. распоряжением nr.1-107 вице-президента Академии наук Эстонии Арно Кёэрна.

12 Хотя это пояснение и было явно лишним, потому что из Союза, вступление в который в 1940 г. было нелегитимным, и не требовалось выходить, но, вероятно, для некоторых депутатов, с точки зрения результатов голосования, оно было необходимо.

проголосовали всего 16 депутатов. Те же цели преследовало и заявление от 14 февраля 1990 года, принятое избранными от Эстонии депутатами Верховного Совета СССР.¹³

3 марта 1990 года в Эстонии прошел референдум, на котором население страны выразило твердое желание восстановить Эстонскую Республику. Это дало полновесный мандат для принятия 30 марта 1990 года Постановления Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии», в котором государственная власть Союза ССР в Эстонии признавалась незаконной с момента ее установления и провозглашалось начало восстановления Эстонской Республики, *restitutio ad integrum*, (восстановление первоначального положения), объявлялся переходный период, который должен был завершиться формированием конституционных органов государственной власти Эстонской Республики.

Последовали 17 месяцев всевозможных событий, в том числе вселявшие тревогу январские дни 1991 года в Риге, Вильнюсе и Таллинне, установление дружеских отношений с российским президентом Борисом Ельциным¹⁴, противостояние, на наше счастье, Б. Ельцина с М. Горбачевым – обо всем этом лучше напишут историки.¹⁵ Сложилась своего рода патовая ситуация, когда у нас не доставало реальных средств для восстановления независимости. Умело использовав исторический момент, выпавший нам в связи с попыткой государственного переворота в СССР, Верховный Совет Эстонии принял 20 августа 1991 года единственно правильное решение – Постановление «О государственной независимости Эстонии» (см. Приложение 20). Это постановление начинается с констатации континуитета (непрерывности государства как субъекта международного права) Эстонской Республики, а пункт 1 резолютивной части гласит: «Подтвердить государственную независимость Эстонской Республики и добиваться восстановления дипломатических отношений Эстонской Республики». Следующий пункт устанавливал

---

13 Заявление Верховному Совету СССР от избранных в Эстонии народных депутатов о политических и экономических переговорах между Союзом ССР и Эстонской ССР для восстановления самостоятельности Эстонского государства. «Вестник», № 5, март 1990 г.

14 13 января 1991 года части Советской армии и спецназа с целью смещения власти Литвы, объявившей о восстановлении своей независимости, применяя танки, захватили Вильнюсскую телебашню, Национальное радио и телевидение, убив 14 человек и ранив около тысячи. Вечером 20 января 1991 года, в Риге рижский ОМОН, подчинявшийся приказам из Москвы, взял штурмом местное МВД, в результате перестрелки было убито четыре человека. Аналогичного трагического развития событий в Эстонии во многом помог избежать приезд 12 января в Таллинн председателя Президиума Верховного совета РСФСР Б. Ельцина, подписавшего договор об основах межгосударственных отношений между Эстонией и Россией, осудившего действия центральных властей и обратившегося с призывом к советским войскам не вмешиваться во внутренние дела трех балтийских стран. *Прим. ред.*

15 Sava Saar E. Peaminister. Eesti lähi ajalugu 1990–1992. Tartu: Kleio; 2004, lk. 445–490.

разумный компромисс для выработки Конституции Эстонии в лице Конституционной Ассамблеи (состав ее формировался путем делегирования на равных основаниях высшим законодательным органом государственной власти Эстонской Республики – Верховным Советом Эстонской Республики и представительным органом граждан Эстонской Республики – Конгрессом Эстонии) и вынесения ее на референдум. Также устанавливалось, что выборы в парламент на основе новой Конституции должны пройти в течение 1992 года.

Последовал каскад установления или восстановления дипломатических отношений.¹⁶ Одна лишь Российская Федерация, подписывая 24 октября 1991 года соответствующий протокол, твердо осталась на позиции, что Эстонская республика – это новое государство, с которым дипломатические отношения следует установить, а не восстановить (вероятно, из-за неприемлемости акцептирования Тартуского мира). При этом стоит напомнить, что уже 24 августа 1991 года Борис Ельцин издал указ о признании Эстонской Республики, в котором рекомендовал сделать то же самое и Советскому Союзу (М. Горбачеву). Вне сомнения, в восстановлении независимости Эстонской Республики более важную роль, чем постановление Съезда о признании ПМР недействительным, сыграло постановление Государственного Совета СССР¹⁷ от 6 сентября 1991 года «О признании независимости Эстонской Республики» (см. Приложение 21), которое свидетельствует о прекращении длившейся 50 лет аннексии. Между прочим, Министерству иностранных дел СССР было поручено поддержать вступление Эстонской Республики в ООН – тем самым гарантировалось, что СССР, как постоянный член Совета безопасности ООН, не станет препятствовать стремлению Эстонии стать полноправным членом всемирной организации. В международном плане субъектность Эстонии была восстановлена, в рамках же внутригосударственных Эстонская Республика была восстановлена в свете Постановления Верховного Совета от 30 марта 1990 года принятием Конституции в 1992 году и последовавшими за этим выборами в парламент и вступлением в должность правительства республики. **Без постановления Съезда народных депутатов СССР о признании ПМР недействительным наша конечная цель могла бы остаться не достигнутой.**

---

16 Согласно анализу Линнара Лийвамяги, к середине 1991 года о «восстановлении дипломатических отношений» с Эстонской Республикой сообщили 20 государств, об «установлении дипломатических отношений» – 13 государств и о «готовности установить дипломатические отношения» – 46 государств. – см. *ibid.*, с. 733–735.

17 Создан 5 сентября 1991 г. в качестве высшего органа власти СССР на переходный период для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик. Просуществовал несколько месяцев до распада СССР. На первом заседании 6 сентября была признана независимость трёх прибалтийских республик: Латвии, Литвы и Эстонии. *Прим. ред.*

Теперь всем стало ясно, что постановлением о признании ПМР недействительным мы не добивались от Съезда народных депутатов извинений за действия сталинского руководства в 1940 году и после этого, но это постановление явилось для нас необходимым шагом на пути восстановления независимости мирными средствами.

P. S. Во втором, 2009 года издании, я предоставил Игорю Грязину и Энделю Липпмаа возможность дополнить свои интервью 1991 года, а также ответить на 13-й вопрос о том, как соотносится постановление Съезда о признании ПМР недействительным с нашими устремлениями по восстановлению независимости, и оба этой возможностью воспользовались. Помимо того, дали интервью Эдгар Сависаар (в 1991 году, будучи премьер-министром, он из-за своей загруженности не имел возможности в сжатые сроки ответить на предложенные вопросы) и журналистка Аннели Рыйгас, которая внимательнейшим образом наблюдала за нашей деятельностью на Съезде и освещала ее в прессе. Включено в книгу и интервью, взятое 7 февраля 1990 года у Юрия Николаевича Афанасьева¹⁸ – заместителя председателя комиссии Съезда, человека передовых взглядов, доктора исторических наук. Выражаю им свое глубокое уважение и благодарность!

Кроме того, удалось дополнить приложения некоторыми архивными материалами и другими источниками, за что я приношу особую благодарность академику Энделю Липпмаа.

И наконец, я забыл дать в первом издании книги заслуженную оценку вкладу председателя комиссии Александра Яковлева, поэтому, пользуясь возможностью, исправляю свою недоработку. Влияние, которое оказала речь А.Яковлева на принятие Съездом народных депутатов СССР постановления, осуждающего секретные протоколы, не стоит недооценивать, а его меткое замечание о том, что Пакт утратил силу больше в моральном и политическом смысле, чем в юридическом и стало последним шагом, предопределившим общую нашу победу.

Хейки Линдпере, 16 мая 2009 года

---

¹⁸ Юрий Николаевич Афанасьев (род в 1932 г.) – известный советский и российский историк (доктор исторических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, действительный член Академии гуманитарных наук, действительный академик Академии гуманитарных исследований) и политик. С декабря 1986 г. – ректор Московского историко-архивного института (в 1991 г. был преобразован в РГГУ). На первом Съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.) вошел в число лидеров оппозиционной по отношению к официальной власти Межрегиональной депутатской группы. *Прим. Ред.*

I. Создание Комиссии Съезда народных депутатов СССР и обзор ее деятельности

1. Предыстория

18 мая 1989 года Верховный Совет Эстонской ССР принял Постановление «Об отношении к Пакту Молотова – Риббентропа», которое осуждало эту преступную сделку и подчеркивало необходимость признать пакт о ненападении вместе с секретными протоколами к нему, недействительным с момента его подписания.¹⁹ Одновременно Постановлением было решено «ходатайствовать перед Съездом народных депутатов СССР об образовании специальной комиссии с участием народных депутатов СССР, избранных от Латвии, Литвы и Эстонии, и специалистов для выработки и опубликования в течение июня историко-юридической, политической и этической оценки пакта Молотова-Риббентропа и последовавших за ним и связанных с ним событий (см. Приложение 9). Постановление принималось в обстановке, когда часть эстонского общества искренне верила в перестройку и реализацию идеи хозрасчетной Эстонии, в относительно скорое и решительное восстановление исторической правды.²⁰ Однако это постановление явилось в то же время и результатом давления эстонской общественности. По мере того, как все острее ощущалась опасность сохранению эстонцев как народа на своей исконной территории, о чем всё чаще говорилось открыто, постепенно становилось все больше тех, чьи взоры были обращены не к Эстонской ССР, а к приближающемуся 50-летию ПМР.

---

19 Здесь помимо выявления логической связи ПМР и 1940 года обратим внимание на еще один принципиальный нюанс, а именно: в Эстонии договор о ненападении рассматривается в неотъемлемой связи с секретным протоколом, без заключения которого рождение первого как кардинальный поворот во внешней политике Советского Союза, по мнению многих специалистов, был маловероятен. Позднее мы убедимся, что и в последнем заключении комиссии, и в постановлении Съезда это положение было проигнорировано в стремлении уберечь от осуждения, по крайней мере, сам договор о ненападении. Это была часть большой политической игры, отдаленной целью которой было сокрытие истинных внешнеполитических интересов и устремлений сталинского руководства и переключение основного внимания на «вынужденное положение», якобы определившее решение Сталина пойти на заключение пакта.

20 Например, в заявлении Союза трудовых коллективов Эстонии в связи с пактом Молотова–Риббентропа сказано: «Не дав справедливой оценки сделкам этих двух держав и не сделав из этого соответствующих выводов, не получим возможности для разрешения всех узловых вопросов обновления общественной жизни». «Edasi» 21 апреля 1989 г.

Помню официальную реакцию на события августа 1987 года в Хирве-парке, деятельность MRP–AEG (Эстонская группа по обнародованию пакта Молотова–Риббентропа), но делать уже было нечего – вступительный аккорд прозвучал. Не перечислить всех последовавших акций и отклики на них в печати. В качестве примера можно отметить, что газета «Rahva Hääl» 10 августа 1988 года в статье доктора исторических наук Хейно Арумяэ изложила содержание секретного протокола, журнал «Aja Pulss» в номере 16 опубликовал полный текст ПМР с секретным протоколом, в газете «Noorte Hääl» за 19 и 21 августа события августа–сентября 1939 года осветил Кюлло Арьякас. Значительный толчок к развитию событий в Эстонии сообщили организованные 21–23 августа 1988 года инициативным центром Народного фронта политические собрания «Сталинская политика и Эстония», проведенные в Пярнуском театре, в тартуском театре «Ванемуйне» и Городском холле Таллинна. Журнал «Таллин» в № 6 за 1988 год опубликовал обстоятельную статью историка Хейно Арумяэ «Август 1939-го: как это было? К вопросу о заключении советско-германского договора о ненападении и подписании его секретного дополнительного протокола», к которой были приложены как сами секретные протоколы, так и некоторые документы МИДа Германии, которые сопровождали подписание договора о ненападении.

Особенно плодотворным следует считать знакомство с ректором Московского историко-архивного института профессором Юрием Афанасьевым. Ю. Афанасьев, вместе с которым выступили Ааду Муст, Кюлло Арьякас, Микк Титма и Эдгар Сависаар, прямо заявил, что ПМР как исторический факт невозможно рассматривать иначе, как совершенную за счет малых государств сделку, открывшую Гитлеру путь ко второй мировой войне. Можно сказать, что впервые российский историк признал в Эстонии, что говоря о том, что произошло в 1939–1941 годах в Прибалтике, неуместно вести речь о «революционной ситуации» или «мирной революции», фактически это была осуществленная Советским Союзом военная оккупация, состоялась политическая акция Сталина.²¹

Эти мысли нашли мощный отклик как на съезде Народного фронта Эстонии в октябре 1989 года, так и на Балтийской Ассамблее 13–14 мая 1989 года²². Статья 2 принятого

---

21 «Noorte Hääl», 23 августа 1988 г.

22 13–14 мая 1989 г., в Таллине проходила Балтийская Ассамблея Народного Фронта Эстонии, Народного Фронта Латвии и Литовского движения за перестройку "Саюдис". В Обращении к главам государств–участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Генеральному Секретарю ООН и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Ассамблея выразила уверенность, что правительство СССР в текущем году осудит политику СССР 1939–40 гг. в отношении трех балтийских государств и объявит несостоятельными и утратившими с момента подписания силу договоры от 23 августа и 28 сентября 1939 совместно с секретными протоколами. С 1991 г. Балтийская ассамблея действует как структура по сотрудничеству парламентов Латвии, Литвы и Эстонии. *Прим. ред.*

на этом форуме соглашения о совместных целях и планах сотрудничества народных движений Латвии, Литвы и Эстонии устанавливает: «Соглашающиеся стороны безоговорочно осуждают секретные протоколы к договору Молотова–Риббентропа и последовавшие за ним политические последствия для государственного суверенитета Латвии, Литвы и Эстонии, осуществленные Советским Союзом с нарушением международного и общечеловеческого права. Участники соглашения единодушны в том, что присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к Союзу ССР явилось следствием их аннексии, по-прежнему лишенной достаточного юридического обоснования».²³

Между прочим, за день до вышеупомянутого постановления Верховного Совета Эстонской ССР от 18 мая 1989 г. Игорь Грязин и Хейки Линдпере опубликовали в газете «Молодежь Эстонии» оценку ПМР и событий 1940 года в Эстонии, придя к выводу, что «вступление» Эстонии в Советский Союз юридически несостоятельно²⁴.

Еще не прошло совместное заседание Совета уполномоченных Народного фронта Эстонии и региональных правлений 8 июля 1989 в Пыльва, на котором Верховному Совету Эстонской ССР было предложено признать недействительной *ex tunc* (с момента принятия) принятую 22 июля 1940 года Государственной Думой Эстонской Республики «Декларацию о вступлении Эстонии в Союз ССР» и, чтобы заручиться в данном вопросе поддержкой народа, было предложено объявить сбор подписей.²⁵

Еще не прозвучали в Пыльва комментарии Марью Лауристин, что «в Москве идет окопная война» и что «ПМР стал у нас мифом вроде ИМЕ (как будто 23 августа изменился статус Эстонии!). ...У наших оппонентов подготовлен контрпроект, согласно которому они готовы аннулировать ПМР и многое другое, готовы доказать, что весь этот пакт был совсем незначительным явлением, т. е. исторически неизбежен. Предстоит серьезная борьба за то, чтобы в проекте были серьезно аргументированные политические консеквенции».²⁶

2. 2 июня 1989: образование комиссии по ПМР

В стенограмме заседаний Съезда народных депутатов от 1 июня 1989 отмечено, что по поручению Президиума Съезда слово было предоставлено народному депутату

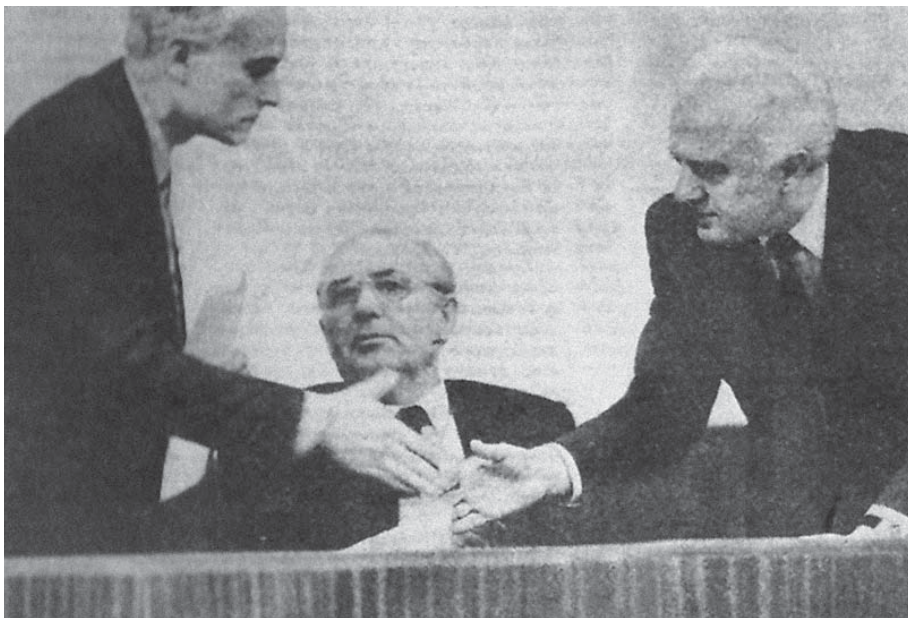
---

23 Vaba Maa, № 12, июль 1989,

24 И. Грязин, Х. Линдпере. В разгаре лета 1940-го. Молодежь Эстонии 17 мая 1989.

25 Noorte Hääl, 12 июля 1989; Молодежь Эстонии 15 июля 1989; Советская Эстония 14 июля 1989.

26 Vaba Maa, № 13, август 1989.

Член комиссии Эндель Липпмаа, Председатель Верховного Совета СССР Михаил Горбачёв и министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе

Кадр из документального фильма Юхана Ааре «Эстонцы в Кремле», 2006

Энделю Липпмаа, представлявшему Эстонскую ССР Он внес три следующих предложения: а) образовать комиссию, которая проанализировала бы договоры, заключенные в 1939 году с нацистской Германией (Э. Липпмаа предложил также персональный состав комиссии во главе с писателем Чингизом Айтматовым); б) обязать Министерство иностранных дел СССР и другие ведомства и архивы предоставить комиссии все необходимые материалы; в) комиссия должна представить свое заключение Верховному Совету СССР к концу текущего года и опубликовать результаты проделанной работы.

Последний пункт Э. Липпмаа обосновал так: «Остается вопрос: почему такая спешка? Потому, что 23 августа этого года исполняется 50 лет соглашению с Гитлером о разделе Европы. И поэтому мы должны кое-что делать сразу. Кроме того, были предложения сразу денонсировать этот пакт с момента подписания. Это неплохое предложение, но многие наши депутаты не знают текста, во-первых, а во-вторых, этого мало. Надо делать выводы из этого. Одной недействительности мало. Из этого вытекает многое, поэтому комиссию надо все-таки создать Этот проект составили депутаты

от эстонской делегации с активным участием Литвы, Латвии, но и, прежде всего, Президиума Съезда».²⁷

Последовали дебаты, в ходе которых состав комиссии претерпел изменения. По предложению М. Горбачева председателем был назначен секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев. Комиссия все же была образована, и это означает, что съезд от решения проблемы напрямую не уклонился. Однако понятно, что для тогдашнего советского руководства политический и юридический анализ и объективная оценка противоправной деятельности сталинского руководства в 1939–1941 годах стали бы чрезвычайно горькой пилюлей, поскольку то, что внушалось народу, оказалось весьма далеким от правды.

На следующий день, 2 июня, Съезд утвердил состав комиссии (состав комиссии приведен в Приложении 10) и она могла приступить к работе.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что все прошло достаточно гладко. Однако многие детали требуют уточнения, а первоначальный оптимизм – переоценки. Во-первых, заседания съезда перевалили за середину срока, отведенного регламентом на работу, а никакой реакции на предложение Верховного Совета Эстонской ССР от 18 мая не последовало. Снова пришлось брать инициативу в свои руки. Э. Сависаар, И. Грязин, Т. Кябин и др. разработали проект образования комиссии и предложили ее состав. Э. Липпмаа окончательно уточнил состав комиссии, ему удалось сделать это очень быстро, потому что, сидя за столом Президиума, он имел возможность консультироваться с сидевшими за тем же столом представителями других республик. Это было своего рода достижение: несмотря на позднейшие изменения, удалось обеспечить то, что в комиссию вошли в основном, представители творческой интеллигенции, в большей части своей настроенные достаточно прогрессивно.

Во-вторых, конечно, хорошо, если есть «свой человек в Гаване»²⁸, т.е. Э. Липпмаа в Президиуме, но в данном случае этого было недостаточно. То, что проект «попал» к М. Горбачеву, наглядно показало, чье принципиальное согласие требовалось для того, чтобы дать делу ход. Подготовленное Т. Кябиным выступление вместе с поддержкой народных депутатов от Литвы и России не состоялось. Это означает, что лишь после того, как была достигнута договоренность с М. Горбачевым, в повестке дня, как следует из стенограммы, появился отдельный пункт.

---

27 Съезд народных депутатов СССР. Информационный бюллетень № 8, ч. I. 1989, с. 62–63.

28 Отсылка к роману известного английского писателя Грэма Грина «Наш человек в Гаване». *Прим. ред.*

Теперь же эстонский читатель впервые узнает, как удалось достичь этой договоренности сначала в беседе Э. Липпмаа с М. Горбачевым и Э. Шеварднадзе прямо за столом Президиума Съезда и далее в разговоре с М. Горбачевым и А. Яковлевым в столовой высшего разряда Кремлевского Дворца съездов. (Во Дворце съездов имелись столовые трех разрядов: для рядовых депутатов – столы с пластмассовыми скатертями и за еду надо было платить; для членов Президиума – белые скатерти и бесплатная еда; для высшего руководства – разноцветные скатерти, масса фруктов, преимущественно импортных, и деликатесы, естественно, все бесплатно. – Х. Л.)

До этих бесед Э. Липпмаа вручил М. Горбачеву текст секретного протокола от 23 августа (см. приложение 7) – подчеркиваю, простую копию, сделанную не с микрофильма, без удостоверяющих подлинность архивных печатей. Это копия до сих пор не опубликованного документа и если проанализировать его заглавие и содержание, то становится ясно, что это проект секретного протокола, представленного, по требованию немцев, И. Сталиным!²⁹

Выходит, **решающим фактором в согласии включить пункт о ПМР в повестку дня работы Съезда, стало желание советских руководителей высшего звена отвлечь внимание съезда от кровопролития в Тбилиси.**³⁰ Э. Липпмаа уже продолжительное время занимался тем, что внимательно сравнивал магнитофонные записи важнейших выступлений на съезде с официальными стенограммами, и на основании расхождений между ними определил ахиллесову пяту высшего руководства. (Такая же метаморфоза произошла и с зачитанным И. Грязиным текстом секретного протокола, который в стенограмме вылился скорее в пересказ).

В-третьих, назначение Александра Яковлева председателем комиссии имело не только положительное значение. Он, без сомнения, личность прогрессивная, и это сыграло свою роль в том, что комиссия вообще пришла к каким-то результатам; при каком-нибудь другом председателе мы могли бы вести ожесточенные споры, однако результат, вероятно, остался бы недостижимым. С другой стороны, комиссия оказалась теперь под непосредственным контролем Политбюро и тем самым утратила известную

---

29 Из заглавия этого проекта следует, что это протокол к Договору о ненападении, следовательно, они составляли единое целое, секретный протокол был непременным условием заключения договора, как такового. Это был удар по тем, кто пытался отделить секретный протокол от договора.

30 9 апреля 1989 г. подразделения Советской Армии разогнали митинг в Тбилиси. Во время разгона митинга были убиты 19 человек и сотни ранены. На первых же заседаниях первого Съезда народных депутатов СССР, по требованию депутатов, была создана комиссия для расследования этого инцидента, получившего очень широкий резонанс как внутри СССР, так и за его пределами. *Прим. ред.*

независимость. К тому же А. Яковлев, понятное дело, был чрезвычайно занят, и это обстоятельство позволяло аппарату ЦК КПСС создавать проволочки с созывом собраний.

Первое заседание комиссии состоялось поздним вечером того же дня, когда было оглашено Постановление Съезда о создании комиссии, т. е. 2 июня, в 23.30, в Грановитой палате Кремля. Были определены заместители председателя, образованы подкомиссии и определены рабочие направления. При этом важно знать, что на том собрании А. Яковлев согласился рассматривать вещи в более широком контексте, чем сделка 23 августа 1939 года, вплоть до депортаций. Возможно, этим и объясняется первоначальный оптимизм Э. Сависаара. Позднее от этой идеи отказались, и, возможно, лишь будущие историки установят, под чьим влиянием председатель комиссии изменил свое мнение. Во всяком случае, впоследствии, на заседании комиссии 4 ноября в кабинете А. Яковлева, когда представители Прибалтики настаивали на продолжении работы и анализе событий 1940 года, в словах А. Яковлева, заявившего, что пусть тогда кто-нибудь другой руководит этим, прозвучало определенное раздражение. Чувствовалось, что вызвано это было не общением с членами комиссии.

Проект постановления Съезда народных депутатов СССР об образовании комиссии по правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, так называемого пакта Молотова – Риббентропа и секретного дополнительного протокола к пакту, зачитанный Э. Липпмаа, председательствовавший на этом заседании съезда Б. Патон предложил поставить на голосование. Но тут слово потребовал депутат В. Яровой, директор завода «Двигатель», председатель ОСТК ЭССР³¹, ярый сторонник сохранения империи, открыв, таким образом, прения. Он очень эмоционально воззвал к съезду, вызвав аплодисменты: «Товарищи депутаты! Вокруг этого пакта идет очень много разговоров и по стране, и особенно в Прибалтике. В течение полутора лет практически идет обработка коренного населения вокруг этого пакта, вызывается недоверие эстонской части населения. В результате неэстонская часть превратилась в «оккупантов», в «колонизаторов» и неизвестно в кого. Я считаю, та комиссия, которая составлена по инициативе эстонских депутатов, должна быть отстранена от рассмотрения данного вопроса, поскольку они заинтересованы в решении этого вопроса». **NB!** Подумать только, что он фактически сказал: он же попросил не выводить правду на свет божий (правду как таковую он и не оспаривал!).

---

31 Объединенный совет трудовых коллективов Эстонской ССР – организация, созданная по приказу из Москвы и объединявшая предприятия союзного подчинения с преимущественно русскоязычным персоналом. *Прим. ред.*

Последовал ряд выступлений-предложений, встреченных аплодисментами и – нередко – шумом в зале. Академик Ж. Алфёров назвал ПМР «позорным явлением нашей истории», однако высказал мнение, что ПМР стал недействительным вследствие нападения Германии 22 июня, в связи с чем можно бы ограничиться только формулированием отношения к этому договору. В. Иванов, заведующий сектором Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, нашел, что следовало бы согласиться с предложением трех республик. В. Семенов секретарь Гродненского областного комитета Компартии Белоруссии в сущности постарался принизить значение вопроса и предложил направить его на рассмотрение только что сформированного Верховного Совета. Второй секретарь компартии Литвы В. Березов призвал поддержать создание комиссии, поскольку депутаты от Прибалтики не могут вернуться домой, не разрешив этого вопроса. Секретарь ЦК Компартии Латвии И. Кезберс также выступил за создание комиссии.

Затем Игорь Грязин зачитывает текст секретного протокола, пункт за пунктом, вызывая в зале возмущенный ропот. До принятия решения остается еще четыре выступления.

Э. Инкенс, старший редактор главной редакции телевизионно-информационных передач Государственного комитета Латвийской ССР по телевидению и радиовещанию, как бы отвечая Ж. Алфёрову, замечает, что ПМР еще не ликвидирован (вернее, его последствия – ХЛ), и приводит в качестве подтверждения этого соглашения, заключенное 30 июля 1941 года в Лондоне между правительством Советского Союза и правительством Польши (в эмиграции).³² Ю. Болдырев старший инженер Центрального научно-исследовательского института судовой электротехники и технологии г. Ленинграда в ответ на требование В. Ярового констатирует, что съезд имеет право включить в состав комиссии дополнительных членов, если посчитает это нужным, а не давать ответ тем народным депутатам, которых уже предложили включить в состав комиссии.

Непосредственно перед М. Горбачёвым выступал известный русский историк и писатель депутат Рой Медведев, который, между прочим, заявил, что советские историки, не стесняясь, пишут о том, что Средняя Азия, Северный Кавказ и Сибирь были завоеваны, но вместе с тем: «... до сих пор в наших официальных исторических трудах, в наших статьях, в наших публикациях, появляющихся в Москве, мы пишем о

---

32 30 июля 1941 года в Лондоне было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и правительством Польской Республики (в изгнании). В пункте первом соглашения говорилось что: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу...». *Прим. ред.*

том, что Эстония, Латвия и Литва добровольно присоединились к Советскому Союзу, что это была народная революция, что никакого насилия и никаких угроз не было и что это было полное, добровольное волеизъявление литовского, эстонского и латышского народов. Это неправда. Это, конечно, была акция, когда шла уже империалистическая война и когда у всех, не только у Советского Союза, но и у Германии, Японии, Англии, Франции, не было никакого уважения к правам малых стран и народов, они решали свои проблемы, не считаясь с нейтралитетом Бельгии, Голландии, Финляндии и других стран. Поэтому комиссия должна быть создана, и мы должны, наконец, дать правильную оценку этим договорам».

Обсуждение завершил М. Горбачёв, в чьей тогдашней поддержке я не сомневаюсь. Что с того, что в его выступлении можно заметить и некомпетентность, и поддержки (например, что присоединение Прибалтики к Союзу было плодом народного волеизъявления, или что наибольшие сомнения вызывает подпись В. Молотова под секретными протоколами «немецкими буквами»...), и сомнения в существовании секретных протоколов³³ или в том, способна ли комиссия вообще быстро и, так сказать, с первой попытки достичь результатов. Именно тон, выбранный профессиональным политиком, оказал влияние на тот съезд. Именно сомнения человека, который, казалось бы, уверенно держит руку на политическом пульсе, плюс назначение в комиссию члена Политбюро А. Яковлева, на мой взгляд, многих лишили сомнений в том, нужна ли вообще комиссия. Предложение прошло без голосования.

3. 5 июля: заседание в представительстве Эстонии в Москве

Миновал июнь, председатель так и не дал понять, собирается ли он созывать комиссию. Запланированный срок получения первых результатов миновал. В очередной раз пришлось брать инициативу в свои руки. По почину Э. Сависаара – одного из заместителей председателя – комиссия была созвана 5 июля 1989 года в представительстве Эстонии в Москве. Этот шаг подвергся критике со стороны всегда присутствовавшего на месте и всегда подчеркнуто вежливого Валентина Александрова – консультанта

---

³³ Ещё в 1987 г. заведующий Общим отделом ЦК КПСС В. Болдин, отвечавший и за хранение особо секретных документов, познакомил М. Горбачева с оригиналом секретного протокола и подписанной И. Сталиным и И. Риббентропом секретной картой, на которой была проведена будущая советско-германская граница. *Смотри подробнее:* Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. Москва: Республика. 1995, с. 261–262; *Прим. ред.*

международного отдела ЦК КПСС, который был экспертом-помощником В. Фалина в вопросах, связанных с комиссией ПМР.

Однако В. Фалин со своими товарищами в этот упущенный июнь не бездействовал. К концу месяца каждому члену комиссии прислали для ознакомления массу (свыше 1700 страниц) второстепенной важности документов, сотни писем, в которых «возмущенные советские граждане» стремились помочь комиссии «оставаться на ленинских, на социалистических позициях». Около 1500 страниц содержали переписку между СССР и Германией, а также другими европейскими государствами по вопросам внешней политики. Эти материалы предполагалось опубликовать в сборнике «Накануне мировой войны (сентябрь 1938 – сентябрь 1939)». Этот во многом дефектный материал предназначался, вероятно, лишь для того, чтобы члены комиссии могли убить время. Из этих материалов можно было уяснить, что германская сторона всё время настаивала на улучшении отношений с Советским Союзом и заключении договора, а прибалтийским государствам то сулили совместные гарантии, то вопрос оставляли открытым. Представлены были всего две серьезные телеграммы от 21 августа 1939: одна от Гитлера Сталину с просьбой принять в Москве полномочного посла И. Риббентропа (см. Приложение 3), из пункта 5 которой выясняется намерение Гитлера сразу же по достижении соглашения начать войну с Польшей; и вторая – с согласием Сталина принять министра иностранных дел Германии 23 августа 1939 (см. Приложение 4). Договор о ненападении в этих материалах был приведен без секретного протокола.

Кроме того, В. Фалин представил членам комиссии также: 1) ничего не говорящую запись беседы политического обозревателя журнала «Новое время» Л. Безыменского с бывшим ответственным работником Министерства иностранных дел Германии К. Шнурре, к тому времени уже очень старым человеком; 2) обзор доктора исторических наук В. Сиполса (38 страниц) «Советский Союз и безопасность в Прибалтике», в котором автор, начав обзор событий с 1919 года, лишь на предпоследней странице доходил до касающегося Прибалтики пункта секретного протокола и утверждал, что тем самым Германия в одностороннем порядке взяла на себя обязательство в случае войны с Польшей не вторгаться в Латвию, Литву, Эстонию и Финляндию, что отвечало интересам как названных государств, так и Советского Союза (NB! Сталин как благотворитель!); 3) обзор докторов исторических наук А. Орлова, О. Ржешевского, В. Сиполса и кандидата исторических наук Л. Безыменского (41 страница) «Политическая предыстория советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года», написанный крайне тенденциозно, до обзора важнейших событий так и не доведенный.

Но эстонцы не ограничились одним только созывом комиссии 5 июля. Э. Сависаар продумал с организационно-тактической стороны все. Поскольку заседание должно было начаться в 15.00, то в 11.00 мы собрались втроем – Э. Сависаар, Э. Липпмаа и я – в помещении для заседаний в цокольном этаже эстонского представительства, чтобы обсудить и согласовать возражения на предполагаемые аргументы команды В. Фалина. Дело в том, что Игорь Грязин беседовал с В. Фалиным³⁴ и по телефону сообщил Э. Сависаару в Таллинн об основных проблемах. Нам следовало готовиться к тому, что будут выдвинуты следующие аргументы: **1.** У Советского Союза не было альтернативы. **2.** В то время разделение сфер интересов было в порядке вещей. **3.** «Сфера интересов» особого значения не имеет, под этим понималось только то, что немцы на эти территории не пойдут. **4.** Вторая мировая война началась до ратификации ПМР Советским Союзом (фактически до обмена ратификационными письмами в Берлине. – Х.Л.). **5.** Визит начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Франца Гальдера в Таллинн 25–29 июня 1939 года явился фактом, серьезно угрожавшим безопасности Советского Союза. **6.** Благодаря ПМР сохранился нейтралитет Швеции. **7.** Запад был готов признать сложившиеся в Европе границы и т. д.

Помимо того, что мы продумали контраргументы, мы обсудили также программу намеченного Э. Сависааром на 11–12 июля двухдневного семинара-совещания. В ходе него с помощью эстонских историков и юристов мы предполагали обсудить подробно не только ПМР, но и позднейшие соглашения 1939–1941 годов с тем, чтобы раскрыть перед членами комиссии всю правду и опровергнуть существующую официальную позицию Москвы. Тем более, что на международной научной конференции «Правовая оценка договоров Германии и СССР от 23 августа, 28 сентября 1939 г. и от 10 января 1941 г.», проходившей в Таллинне 30 июня – 1 июля 1989 года, обсуждались интересовавшие нас проблемы, многие члены комиссии по ПМР присутствовали на этой конференции и выступали на ней.

5 июля состоялось заседание комиссии по ПМР, на котором присутствовали, помимо председательствующего, также Ю. Афанасьев, Ч. Айтматов, Г. Арбатов, М. Вульфсон, И. Грязин, И. Друце, В. Кравец, М. Лауристин, три члена от Латвии и Литвы,³⁵ а также эксперты В. Кулиш, В. Александров и Х. Линдпере. Открывая заседание, Э. Сависаар

---

34 В. Фалин защитил докторскую диссертацию именно на тему преддверия второй мировой войны, он был одним из тех, кто фактически формировал официальную позицию СССР по истории этого периода, и мы предполагали, что по существу он, вероятно, во второй раз будет защищать на комиссии свою диссертацию.

35 Так записано в протоколе заседания, к сожалению, имена их не уточнены.

напомнил, что заседание проходит в историческом зале, в котором представители правительства Эстонской Республики (К. Сельтер, А. Рей, Ю. Улуотс и др.) в конце сентября 1939 года обсуждали, что предпринять, прежде чем отправиться в Кремль подписывать договор о базах.

Он предложил три пункта повестки дня: 1) какие итоговые документы должна принять комиссия (И. Грязин); 2) о документах и материалах, необходимых для работы комиссии (Ю. Афанасьев); 3) о семинаре-совещании 11–12 июля (Х. Линдпере).

Игорь Грязин предложил разделить работу комиссии на два этапа, первый из которых завершила бы публикация заключения комиссии по случаю 50-летия ПМР, а затем, на втором этапе, комиссия подготовила бы проект соответствующего постановления Верховного Совета СССР.³⁶

Последовала дискуссия по самым различным вопросам. В. Кравец усомнился, можно ли отделить политическую оценку от юридической, к этому же вначале склонялся и И. Грязин, а потом эту мысль поддержала также М. Лауристин. В. Кравец сделал первую попытку разделить ПМР на две части: открытый договор и секретный протокол, который, возможно, следует признать юридически несостоятельным. Г. Арбатов выдвинул принципиальный вопрос: зачем вообще обсуждать эту тему? Если это, как пишут его избиратели, «чудовищная идея» получить основание для выхода Прибалтики или Бессарабии из состава СССР, то он в этом участвовать не собирается. Если же цель состоит только в том, чтобы прояснить белые пятна истории (т.е. решения без последовавших за ними правовых последствий – Х.Л.), то надо над этим работать. Г. Арбатов, одна из крупных фигур советской внешней политики, несколько позднее пошел еще дальше: он предостерег от последствий, к которым может привести выявление правды, и реакцию Прибалтики на это. Он сказал: «Я беспокоюсь за реакцию в Прибалтике, но, честно говоря, еще больше беспокоит меня, как реакция, возможный подъем великодержавного шовинизма. Надо найти разумный компромисс. Это означает, что нам следует отражать политические реалии, а не отрывать от них» (в политике это означает: где сила, там и правда. – Х.Л.). Против этого выступил М. Вульфсон.

Ю. Афанасьев вновь перевел разговор на цель работы комиссии и поддержал мысль И. Грязина, что, прежде всего, следовало бы подготовить проект заявления комиссии. Он сказал, что не сомневается в том, что аннулирование секретных протоколов

---

³⁶ Поначалу не планировалось ставить вопрос на II Съезде народных депутатов СССР, поскольку он должен был собраться лишь в декабре. Э. Сависаар, как председательствующий, предложил ориентироваться на 20–25 июля 1989.

не ускорит, но, напротив, замедлит центробежные процессы в Советском Союзе. Ч. Айтматов перевел речь на порочную личность И. Сталина и стал утверждать, что сделанные комиссией разоблачения не должны задеть чувства обманутых народов; и русский народ не должен испытывать чувства вины за правду о сговоре. Однако Г. Арбатов возразил: «На мой взгляд, в моральном плане Гитлера и Сталина можно поставить рядом, но не в плане политическом. Сталин панически боялся нападения Гитлера. Главное, что его подталкивало, это панический страх». Кто-то высказался в том духе, что договор и секретный протокол вещи совершенно разные. Комиссия же должна исходить из данного ей съездом мандата (т.е. вести речь только о договоре – Х. Л.).

По второму вопросу особых разногласий не было. Стараниями Ю. Афанасьева было принято решено обсудить проект заявления комиссии уже на следующем заседании, т.е. 11 июля.

Третий вопрос. Я доложил тематику семинара-совещания: 1) круг вопросов, касающихся оценки международного положения в 1939 году: имелись ли у Советского Союза альтернативы ПМР и существовала ли угроза безопасности СССР со стороны Прибалтики?; система договоров СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, выполнение их; 2) ПМР и последовавшие за ним соглашения вплоть до договора от 10 января 1941 года (по которому Германия фактически продала СССР часть территории Литвы); 3) ультиматумы Советского Союза правительствам стран Прибалтики в июне 1940 года и их связь с событиями июня-июля 1940 года в Латвии, Литве и Эстонии; 4) правопреемственность и континуитет государственной власти стран Прибалтики; 5) территориальные проблемы Польши – Литвы (как специфический вопрос согласно опыту проведенной в Таллине конференции). По просьбе В. Александрова последний пункт поначалу исключили из планов. Договорились, что семинар-совещание начнется в 10 часов утра 11 июля в эстонском представительстве.

В общих чертах о том периоде можно сказать следующее. Представители Москвы под руководством В. Фалина, завалив членов комиссии второстепенными материалами, постарались переключить их внимание с вопроса о фактических интересах двух тоталитарных государств на международное положение и, особенно, на «безвыходное положение», якобы серьезно угрожавшее безопасности Советского Союза. Информированность членов комиссии, а также наличие эффективного доказательного материала и умение пользоваться им были явно недооценены. Ни о какой юридической оценке фактов речи не шло, звучали утверждения, что практика разделения сфер интересов и аннексий в то время в международных отношениях, и особенно в условиях войны, были якобы явлением нормальным. Прослеживалось явное стремление аннигилировать (превратить в ничто, уничтожить. *Прим. ред.*) действовавшее тогда международное право,

не обсуждать договорные обязательства Советского Союза. Предпринимались попытки скрыть многие важные телеграммы, из которых следовало, что «сферы интересов» – это фактический дележ территорий других государств между двумя диктаторами (об этом свидетельствовали, например, две телеграммы от 23 августа 1939 года, в одной из которых содержался вопрос И. Риббентропа А. Гитлеру, можно ли уступить русским Лиепаю и Вентспилс, и во второй – положительный ответ последнего), а также сведения о том, что И. Сталин был проинформирован о том, где и как Германия нападет на Польшу, и т.п.

4. 11 и 12 июля: снова заседания в эстонском представительстве

Подготовка к заседанию комиссии 11 июля в эстонском представительстве в Москве, которое должно было начаться с упомянутого семинара, велась всесторонняя и всеми, за исключением литовцев. Члены комиссии от Латвии представили два документа: оценку ПМР и событий 1940 года в Латвии (10 пунктов) и подготовленное М. Вульфсоном 10-страничное заявление комиссии, представлявшее собой, в сущности, чистую беллетристику; в составленный тем же вечером первый совместный проект заключения комиссии из него вошел всего один абзац.

Доктор исторических наук москвич Василий Кулиш, привлеченный Ю. Афанасьевым в качестве эксперта, представил очень основательное и дельное заключение по ПМР (17 страниц). Трое единомышленников, Ю. Афанасьев, И. Грязин, В. Кулиш, сообща выработали проект заключения комиссии из пяти пунктов; забегаая вперед, можно сказать, что он стал одним из двух проектов, положенных в основу подготовленного к концу дня варианта заключения. Академик Г. Арбатов, который потом уехал в длительную зарубежную командировку, представил в письменном виде «некоторые соображения» по ПМР. Это был крайне тенденциозный опус, вообще не имевший под собой фактов. Единственное, чего он не отрицал, было существование секретных протоколов. И единственный пример, приведенный им в подтверждение того, что разграничение «сфер интересов» и ввод войск великих держав на территории других государств были обычной международной практикой, был ввод войск Советского Союза и Великобритании в Иран в начале второй мировой войны. В конечном итоге этот пример говорит не в пользу Г. Арбатова: как подчеркивала журналист Аннели Рыйгас,³⁷ прекрасно

---

37 Noorte Hääl, 13 июля 1989.

освещавшая работу комиссии, впоследствии оккупационные войска были выведены. Говоря о ПМР как о вынужденной оборонительной мере Советского Союза, принятой в чрезвычайных обстоятельствах, академик сказал: «И нам еще предстоит разъяснить им (т.е. прибалтам – Х.Л.), что было здесь вынужденным и исторически оправданным, а что нет». Во всяком случае, реноме Г. Арбатова в моих глазах сильно пострадало, полагаю, что не оправдал он и надежд той группы товарищей, о которой теперь пойдет речь.

Условно я назвал бы ее «командой В. Фалина». В расчете на тактику проволок никакого проекта заключения она не подготовила, а продолжала представлять членам комиссии всё новые материалы. И хотя эти материалы были тщательно подобраны, в соответствии с определенной концепцией, в деталях проявились и первые «разоблачения», что должно было подтвердить основательность работы, проделанной с материалами.³⁸ Всех козырей в эстонском представительстве на стол еще не выкладывали, изучали противника и его карты. Зато коллектив экспертов «команды В. Фалина», призванный задавать тон на нашем семинаре, был представительный: три доктора исторических наук (Александр Орлов, Олег Ржешевский, Вилнис Сиполс), один кандидат исторических наук (Лев Безыменский), начальник историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР Феликс Ковалев и уже упомянутый Валентин Александров.³⁹ Читатель наверняка уже обратил внимание на то, что ни одного юриста в команде В. Фалина не было, экспертами были исключительно историки. Такой состав позволяет придать делу нужное направление и, что важнее всего, нещадно аннигилировать право, особенно международное право. Больше всего боялись именно юридической оценки, ее старались избежать.

Мы в Эстонии тоже подготовились основательно. Вместе с академиком Э. Липпмаа мы вдвоем составили 9 июля обоснованный проект заключения комиссии (9 страниц), завершало его ставшее крылатым латинское выражение «ex tunc» (с самого начала, с момента принятия). Этот проект стал вторым документом, положенным в основу при вы-

---

38 На этот раз был представлен список из 18 документов, переданных послом ФРГ в СССР Андреем Майер-Ландрутом МИДу СССР, а также справка, составленная Л. Безыменским о судьбе секретных протоколов и сделанных с них микрофильмов (из личного бюро Риббентропа). Между прочим, были присовокуплены некоторые чрезвычайно важные (однако уже известные нам) телеграммы (в русском переводе) из корреспонденции германского министерства иностранных дел, в которых есть прямые ссылки на секретный протокол от 23 августа 1939 г. Одних только этих фактов было бы достаточно, чтобы подорвать основы конструкции, сооруженной командой В. Фалина. Это наглядный пример того, что по существу не давалась оценка даже фактам, представленным собственной стороной.

39 В списке экспертов значились еще два доктора наук: историк Александр Чубарьян и юрист Рейн Мюллерсон, однако в работе они фактически не участвовали.

работке первого совместного проекта заключения комиссии. На заседание в эстонское представительство прибыли все члены комиссии от Эстонии, в качестве экспертов оказывали поддержку Юри Ант, Кюлло Арьякас, Юри Пылд и я.⁴⁰

Заседание 11 июля началось в 11 утра с представления экспертов и предложения Ю. Афанасьева вместо проведения семинара приступить к обсуждению проектов, чтобы выяснить разногласия в подходах, которые имелись у нас с командой В. Фалина. Ю. Афанасьев внес вполне оправданное предложение: поскольку представлено, по крайней мере, три заслуживающих внимания проекта заключения, можно было бы сразу же приступить к их обсуждению, а семинар провести при необходимости. Нас это предложение устраивало вполне.

«Ситуация накалилась практически уже во время первого заседания. Ну что делать, если с одной стороны приводятся факты, суровые, но достоверные; другая же сторона в ответ только изворачивается и с трудом подыскивает оправдания...»⁴¹ – писала присутствовавшая на месте Аннели Рыйгас. К счастью, арбитрами были не московские «эксперты», а члены комиссии. Вообще-то нашим экспертам и не пришлось особо брать слово, потому что члены комиссии от Прибалтики, особенно эстонцы, были оппонентами хорошо информированными. Личный архив академика Э. Липпмаа (он приходил на заседания, по крайней мере, с двумя громадными портфелями) не только поражал своей едва ли не идеальной полнотой, но и тем, что копии важнейших документов были верифицированы государственными архивами Германии или США.

Титулованные эксперты из команды В. Фалина, которым вначале было представлено слово, отнюдь не собирались пересматривать свои общего плана оценки, которые подверглись бомбардировке конкретными фактами. Ожесточенная дискуссия напоминала попытку убедить «снежного человека» в том, что факты надо рассматривать в комплексе, отделяя важные от маловажных или несущественных. Оказалось, что один лишь глава фалинской команды понимает содержание представленных Э. Липпмаа иноязычных документов (обнаружилось это не сразу, а только на второй день, потому что поначалу они просто молчали; для них, естественно, стали делать перевод). Выяснилось, что эксперты Советского Союза, специалисты по истории второй мировой войны не владеют ни английским, ни немецким языком! Это невероятно, если учесть

---

40 В интересах исторической правды здесь следует отметить, что мы добивались также подключения к работе Хейно Арумяэ и Кайдо Яансона, однако безуспешно: первого нам не удалось убедить, со вторым не удалось связаться.

41 Noorte Hääl, 12.июля 1989.

фактический потенциал Советского Союза, и свидетельствует всего лишь об одном: раз отобрали экспертов, не владеющих языками и зашоренных застойными штампами, значит, недооценивают противника, его информированность.

Несмотря на противодействие людей В. Фалина, день завершился первым совместным проектом заключения, который составили В. Кулиш, М. Вульфсон, Э. Липпмаа и я. В основу легли вышеупомянутые проекты Ю. Афанасьева – И. Грязина – В. Кулиша и наш с Э. Липпмаа. Получился вполне завершённый документ, во многом более острый, чем конечный результат. Так, в проекте было прямо заявлено, что инициатором заключения секретных протоколов был Советский Союз; что необходимо признать юридически несостоятельными советско-германские договоры и протоколы как от 23 августа 1939 года, так и от 28 сентября 1939 года; совершенно четко были выявлены связи между аннексией Прибалтийских государств и оценкой деятельности сталинского руководства. Было отмечено, что улучшение отношений с фашистской Германией отвечало политическим, экономическим и идеологическим интересам тогдашнего советского руководства; что Сталин, пытаясь выиграть время, в сложной международной обстановке выбрал путь, кардинально изменивший соотношение сил в Европе и позволивший Гитлеру развязать вторую мировую войну; что Сталин, удовлетворенный разделом Польши и территориальными уступками со стороны Гитлера, акцептировал ставку Гитлера на войну.

Конечно же, это был временный успех, зато теперь у нас было, что завтра положить в Центральном Комитете КПСС на стол председателю комиссии А. Яковлеву. Наивно было бы думать, что команда В. Фалина отступится так просто. Предполагая это, Э. Сависаар предпринял вечером еще один тактический шаг – встретился с московскими антисталинистами. В результате этого удалось пригласить на утреннее заседание доктора исторических наук Михаила Семирягу⁴². Он оказал В. Кулишу серьезную поддержку, и в конечном итоге мы смогли противопоставить экспертам из команды В. Фалина *честных русских историков*, что, в сущности, лишило первых возможности обвинить членов комиссии от Прибалтики в том, что их оценки предвзяты и своекорыстны.

Утром 12 июля, когда был роздан проект заключения комиссии, первым представили слово М. Семиряге. Выступление его прозвучало спокойно и убедительно. Его

---

⁴² Михаил Иванович Семиряга (1922–2000) доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук, профессор. В 1989 г. был ведущим научным сотрудником Института международного рабочего движения. *Прим. ред.*

пояснения относительно того исторического периода совпадали с оценками, представленными в нашем проекте. Профессор М. Семиряга подчеркнул, что ПМР был заключен не в результате какого-то сиюминутного решения: курс на сотрудничество с Германией советское руководство взяло уже раньше, в октябре 1938 года. Все это разрушало основную концепцию команды В. Фалина о вынужденном положении, из которого у Советского Союза имелся один-единственный выход. Естественно, многие эксперты В. Фалина загорелись и кинулись критиковать М. Семирягу. Особенно усердствовал латыш В. Сиполс.

Последовал второй серьезный удар! В. Кулиш поддержал М. Семирягу и заявил, что обсуждать надо не международное положение, которое все же предоставляло советскому руководству разные альтернативы, а его внешнеполитические цели и интересы, поскольку именно они определяли решения И. Сталина. Это было поистине незабываемое зрелище – другой стороне не оставалось ничего иного, как риторически вопрошать, советские ли люди присутствуют в зале!

Могу только снять шляпу перед смелостью В. Кулиша и М. Семиряги. Отметим здесь, что своими большими статьями в газете «Молодежь Эстонии» – первая в номере за 22 августа, и вторая в номере за 23 августа 1989 года – они внесли свой вклад в просвещение русскоязычных читателей в Эстонии.⁴³

Утреннее заседание закончилось тем, что присутствовавшие на месте члены комиссии пришли к убеждению, что за основу дальнейшей работы следует принять только что выработанный проект. В воздухе чувствовалось напряжение. К А. Яковлеву к 16.00 были приглашены только члены комиссии, причем заместителей председателя пригласили прийти на полчаса раньше. Экспертам сказали, что они уже имели достаточно возможностей высказать свою точку зрения; присутствие журналистов также посчитали нежелательным. Поэтому даю обзор вечернего заседания 12 июля не как участник, а на основании стенограммы.⁴⁴

А. Яковлев открывает заседание в своем кабинете в Центральном Комитете КПСС вступлением, которое можно свести к четырем следующим пунктам (два первых из них слишком прекрасны, чтобы быть правдой): **1.** Члены комиссии получают все имеющиеся документы вне зависимости от того, каким будет их решение. **2.** Начиная с 1924 года мы

---

43 Тайные переговоры. Интервью с д.и.н. В. Кулишом. Молодежь Эстонии 22 августа 1989; Парадокс. Интервью с д.и.н. М. Семирягой. Молодежь Эстонии 23 августа 1989.

44 Заслуживает внимания то обстоятельство, что названная стенограмма вместе со стенограммой заседания 19 июля и сопроводительным письмом В. Фалина была выслана Центральным Комитетом КПСС лишь 10 октября 1989 г.

находимся во власти мнений, а не фактов, как в школе, так и в науке. Теперь нам предстоит принять за основу факты такими, какие они есть. 3. Э. Сависаар высказал предложение закончить работу к 23 августа. Я не верю, что это возможно, разве только если заседать с утра до вечера. Может быть, стоит подумать о каком-нибудь заявлении для прессы, показать, в каком направлении работает комиссия. 4. Задача начавшегося заседания – обменяться мнениями по собранным материалам и высказанным соображениям. А. Яковлев отмечает, что занимался другими делами и поэтому ознакомился лишь с основными документами.

Первым взял слово И. Грязин. Он обратил внимание членов комиссии на опубликованную 11 июля в «Правде» статью «Федеративный союз», посвященную предстоящему Пленуму ЦК КПСС по национальным отношениям. Эта статья выбивает у комиссии почву из-под ног, ставит ее членов в положение, когда избиратели могут отозвать их за бездействие. И. Грязин увидел в публикации косвенную угрозу, намек на необходимость установить в Прибалтике чрезвычайное положение. Все это было высказано в поддержку той мысли, что до 23 августа надо что-то предпринять.

И. Грязина один за другим поддерживают М. Лауристин, З. Шличите, И. Кезберс, Ю. Афанасьев, Э. Липпмаа и снова М. Лауристин. Так З. Шличите подчеркивает, что состоявшаяся в Таллинне международная конференция юристов уже дала оценку ПМР, резолюция в Литве опубликована, то есть народ в курсе. В Вильнюсе на площади Гедиминаса проходят голодовки, все обвиняют комиссию в бездеятельности. Молчание усугубляет недоверие. Ю. Афанасьев связывает эту проблему с десталинизацией вообще, он считает, что экзамен на десталинизацию пройдут все руководящие органы Советского Союза. Так что общую оценку ПМР можно было бы дать уже на настоящей сессии Верховного Совета СССР, поскольку комиссия не совершит никакого открытия; затягивание работы комиссии подтверждает, что по ходу перестройки усиливаются нежелательные тенденции. М. Лауристин поддерживает Ю. Афанасьева, отмечая, что работа комиссии крайне важна для диалога между нашими народами, возможного в августе, если будут рассеяны сомнения, что Москва все-таки поддерживает сталинскую политику. А. Яковлев начинает излагать свои сомнения. Он рассуждает: выход из Союза ССР предусмотрен статьей 72 Конституции СССР, каждый народ решает сам (NB! – Х. Л.). Так что вопрос решает не комиссия, а Основной закон, причем как юридически, так и исторически. Он находит, что комиссии не следует отклоняться от реалий, сложившихся после второй мировой войны.

К. Мотека возражает: основой отношений между прибалтийскими республиками и Россией являются соответствующие тартуские мирные договоры 1920 года, а не

Конституция СССР, поскольку все понимают, что неправомочными актами правовое поле не создается. Таким образом, надо подвергнуть ревизии «вступление» трех прибалтийских республик в Советский Союз. Десталинизацию он считает самообманом: И. Сталин был «сыном партии», и ответственность лежит на партии, что и следует признать. Какое-то время можно обманывать народ, вводить его в заблуждение, но это невозможно делать все время. Совершено преступление, а нам внушают, что с этой реальностью надо считаться. Это неубедительно и не отвечает современной гуманной политике Советского Союза. Поэтому он просит, чтобы комиссия исходила именно из этого положения.

А. Яковлев откровенно признается, что это-то и заботит его больше всего. Он опасается, что, по результатам работы комиссии немедленно будет сделан вывод о том, что прибалтийские государства не входили в Союз, и поэтому он подчеркивает, что мандат комиссии ограничен одним только пактом Молотова-Риббентропа.

Помимо названных проблем обсуждались еще две. Во-первых, как воспримет заявление комиссии русский народ, и не надо ли его к этому подготовить; предложение писателей Ч. Айтматова и И. Друце обратиться к русскому народу с соответствующим заявлением встречает поддержку. Во-вторых, долго дискутируется тема, надо ли, чтобы Российская Федерация стала такой же союзной республикой, как и остальные, чтобы ее не отождествляли с Советским Союзом.

А. Яковлев вновь обращается к ПМР и высказывает свое очередное сомнение: может ли комиссия опубликовать свое заключение, предварительно не согласовав его с Верховным Советом? Получается, он сомневается в том, что сам высказал в своем вступительном слове (то есть, что теперь надо исходить из фактов), он не смог преодолеть систему, в которой в общественном сознании разрешено единственное правильное мнение – то, которое высказала высшая инстанция. Ю. Афанасьев поясняет, что Верховный Совет не должен утверждать заявления комиссии, напротив, комиссия сама должна предложить Верховному Совету проект постановления. Изменить заключение комиссии он не может, потому что оно подписано членами комиссии.

Все это долгое время В. Фалин молчит, наблюдает, лишь изредка роняет реплику-другую, хотя в этой области он, бесспорно, один из наиболее информированных специалистов. Между прочим, впоследствии выяснилось, что некоторые документы, касающиеся взаимоотношений Финляндии и Советского Союза, на финском языке из финских источников явились для него новостью, потому что финским он не владеет.

Под конец заседания, непосредственно перед тем, как А. Яковлев заявил, что работа будет продолжена в его кабинете ровно через неделю, В. Фалин выкладывает припасенный на сей случай козырь–заключение по ПМР специалистов солидного учреждения–Министерства иностранных дел СССР. Оно было послано с сопроводительным письмом Э. Шеварднадзе от 10 июля председателю комиссии А. Яковлеву в ответ на его просьбу от 23 июня. И хотя этот документ не содержит имен составителей, и под ним нет ни одной подписи, он нуждается в отдельном анализе, поскольку убедительно демонстрирует наличие послушных специалистов в считавшемся столь передовым МИДе, и то, что истинный перелом в этом ведомстве произошел намного позже, когда противостояние с представителями Министерства обороны СССР стало для некоторых сотрудников министерства непереносимым. Свою роль в принятии постановления Съезда сыграл один из хранителей архива Министерства иностранных дел Феликс Ковалёв, который уже на заседаниях, проходивших в эстонском представительстве, оставил благоприятное впечатление и во время разговоров в перерывах высказывал дельные соображения. Но об этом немного позже.

Заключение МИДа СССР было плохо составлено, изобиловало логическими несообразностями: высказывания «экспертов», составителей заключения, противоречили одно другому. Всех глупостей не прокомментируешь, вот лишь некоторые из них. Например, с одной стороны, утверждалось, что совокупность фактов не дает оснований осудить ПМР и признать его юридически несостоятельным, т.е. недействительным с момента заключения; подчеркивалось, что двусторонние соглашения, заключенные с Германией, утратили свою силу в связи с начавшейся между сторонами войной. С другой стороны, высказывалось убеждение в том, что есть только лишь политическая необходимость подтвердить аннулирование этих соглашений (в связи с началом войны, разумеется). Или другой пример. С одной стороны, высказывалось требование вынести оценку событиям 1939–1940 годов в Прибалтике обязательно отдельно от оценки ПМР, поскольку решения парламентов трех прибалтийских государств выражали убеждение трудящихся масс этих государств в том, что вхождение в состав СССР – единственная гарантия против фашистского рабства, а с другой – в конце документа говорилось: «Особенно острой критике в документе Верховного Совета должна подвергнуться применявшаяся И. Сталиным и В. Молотовым практика перенесения методов приказа и принуждения во внешнюю политику, в отношении с суверенными государствами, решение межгосударственных вопросов с помощью жестких ультиматумов, какими и были представленные в середине июня 1940 года Латвии, Литве и Эстонии ультиматумы». Есть же связь, ее признают! Правая рука не ве-

дает, что делает левая. Здесь поменялись местами причины и следствия: ПМР и другие соглашения с Германией родились тогда, когда от внешней политики М. Литвинова⁴⁵ и следа не осталось, а сам он был в мае 1939 года освобожден от должности наркома иностранных дел. Договор с агрессором явился *следствием*, присоединение к агрессивным планам фашистской Германии, служил *своекорыстным интересам*, и *причина* состояла в том, что Советский Союз был не жертвой обстоятельств, а грабителем, преследующим свою выгоду. Если же мы еще более внимательно вникнем в заключительную часть документа, то обнаружим: 1) утверждение в духе В. Молотова, о том, что якобы может существовать различная внешняя и внутренняя политика (особенно в условиях тоталитарного режима); 2) едва ли не одобрение сталинизма во внутригосударственных отношениях!

Кроме того, Советский Союз в этом заключении представлен большим другом и защитником Прибалтики, стремившимся не допустить захвата этих государств Германией в свои лапы. Опровергнуть подобное утверждение под силу едва ли не каждому, кто питает более или менее серьезный интерес к истории того периода. Я сделаю это на основе одного факта, который команда В. Фалина, несмотря на бдительность ее капитана, сама подкинула нам. А именно – в 1500-страничной пачке материалов, представленной членам комиссии в конце июня, содержались две телеграммы руководителя французской военной миссии в Москве военному министерству Франции (страницы 1368–1369 и 1390–1391). Они были опубликованы позднее и в официальных сборниках документов внешней политики СССР. Выясняется, что в ходе француско-советских военных переговоров делегация СССР предъявила требование «*sine qua non*» (т.е. непременно условие), чтобы Франция, в интересах предотвращения германской инвазии (нападения), акцептировала бы ввод советских войск в Польшу, Румынию, а также на территорию прибалтийских государств. Это ясно показывает, что у сталинского руководства было твердое намерение хотя бы превентивно оккупировать эти соседние государства. Когда же Франция и Англия не дали согласия на эти планы, И. Сталин окончательно повернулся лицом к Гитлеру. Отсюда вытекает еще один вывод: идея обозначить «сферы интересов» состояла не в том, чтобы пресечь захватнические

---

45 Литвинов Максим Максимович (1876–1951) советский дипломат, с 1930 по 1939 гг. был наркомом иностранных дел СССР. После того, как высшее руководство СССР взяло курс на сближение с Германией, М. Литвинов, известный своими антигерманскими настроениями, был в мае 1939 г. заменен В. Молотовым. Возможно, при этом учитывалась и личная неприязнь А. Гитлера к М. Литвинову, как еврею.
Прим. ред.

планы нацистов, советская сторона сама рассматривала это, как определение, куда каждая из сторон может ввести свои войска.

Отсюда еще один урок: внимательнейшим образом изучай карты противника, как знать, вдруг он допустил ошибку, вытащив не ту карту, или же она оказалась фальшивой.

5. 19 июля: заседание в Центральном Комитете КПСС

До начала официального заседания, которое должно было состояться после обеда в кабинете А. Яковлева в Центральном Комитете КПСС, в эстонском представительстве под руководством Э. Сависаара и Ю. Афанасьева состоялся небольшой «мозговой штурм» в узком кругу (без команды В. Фалина) с тем, чтобы оценить сложившуюся ситуацию и согласовать дальнейшую тактику. Договорились в качестве основы обсуждения предложить составленный только нами проект заключения; основным неразрешенным вопросом для предстоящего обсуждения посчитали вынесение общей оценки международного положения в августе 1939 года.

На это заседание собралось на удивление много членов комиссии. На месте были почти все, в том числе впервые – митрополит Алексей и Г. Еремей. Были и некоторые эксперты, а журналистов по-прежнему оставили в немилости. А. Яковлев открыл заседание соответствующим вступительным словом. Мы узнали, что имеется два варианта документа комиссии. Один подготовили товарищи (естественно, команда В. Фалина), другой – ранее подготовленный нами (интересное дело, но нас он товарищами не назвал) проект заключения, первую страницу которого И. Грязин оформил достаточно внушительно, придав ей сходство с резолюцией или декларацией международной организации.

А. Яковлев высказал следующие соображения. **1.** Мы должны представить такое заключение, которое Съезд и Верховный Совет примут (т.е. фактически это означало, что установление правды – вопрос второстепенный. – *Х. Л.*), не хотелось бы, чтоб его отклонили. К этому надо относиться реалистически, трезво и спокойно. **2.** Секретные протоколы существовали, но найти их оригиналы не удалось. Война с Германией денонсировала все эти соглашения – они прекратили свое существование. (Реплика Игоря Грязина: «С какого момента? Это существенно».) **3.** Попросим Верховный Совет СССР подтвердить этот факт. **4.** Давая оценку ПМР, мы не выходим за рамки мандата, данного нам Съездом; статус той или иной союзной республики – это компетенция советских законов, Конституции СССР, а не советско-германских соглашений.

5. В связи с ПМР не хотелось бы касаться вопросов Польши, Восточной Европы и Финляндии. 6. Не исключено, что при обсуждении вышеназванных проектов, комиссии не удастся прийти к единому мнению. На этот случай имеется запасной вариант – проект краткого заключения (подготовленный, естественно, своими товарищами, командой В. Фалина). 7. Ссылаясь на мнение англичан, А. Яковлев настаивал на изъятии из решения комиссии упоминания пакта Бриана-Келлога,⁴⁶ считая это отклонением от основного направления деятельности комиссии⁴⁷. 8. Закончил же он весьма откровенно: что важно в данном случае, так это договоры Советского Союза с прибалтийскими государствами, они были нарушены. Характеризуя период, предшествовавший второй мировой войне, он высказал мнение, что ни то, ни другое государство не действовало ни лучше, ни хуже. Свою мысль А. Яковлев донес, сославшись на английского политолога, якобы сказавшего, что не бывает ни вечных врагов, ни вечных друзей, вечны лишь национальные интересы⁴⁸. «Цинично, но, увы, такова реальность», - заметил А. Яковлев.

Затем начались дебаты, которые, в общем и целом, можно назвать бесконечными спорами о том, что и с какого именно момента объявить юридически несостоятельным. Между делом Ю. Афанасьев заявил, что, подавив в себе какую-то бы ни было скромность, предлагает принять за основу проект заключения комиссии, подготовленный в эстонском представительстве, и немедленно приступить к его обсуждению, однако его предложение даже не было услышано.

Также было отклонено ходатайство проявлявшего очень большую активность министра иностранных дел Украины В. Кравца о том, что заключение комиссии должно быть принято на основе консенсуса. Это было неприкрытое желание получить себе право вето и возможность, таким образом, тянуть с принятием заключения, а также максимально «кастрировать» результат.

Долгую полемику со стороны многих русских представителей, в том числе и А. Яковлева, митрополита Алексия и других, вызвал также термин «юридически

---

46 Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, известный также как Парижский пакт (подписан в Париже 27 августа 1928 г.), получил название по именам инициаторов заключения пакта – госсекретаря США Фрэнка Келлога и министра иностранных дел Франции Аристида Бриана. Участники договора подтвердили свои намерения разрешать все споры и конфликты, вне зависимости от их характера и происхождения, только мирными средствами. *Прим. ред.*

47 В работе над этим пактом и внедрением его в международную практику Советский Союз действительно участвовал. Отрицание этого пакта сегодня, помимо всего прочего, еще и неэтично.

48 Фраза «У нас (Англии) нет ни постоянных врагов, ни постоянных друзей, у нас есть только постоянные интересы...» принадлежит Генри Пальмерстону, в середине XIX в. занимавшему посты премьер-министра и министра иностранных дел Англии. *Прим. ред.*

ничтожный», как имеющий пренебрежительный оттенок. В конце концов, нашли подходящее определение: юридически несостоятельный и недействительный с момента подписания. Многие (и в первую очередь, А. Яковлев) встретили с облегчением тезис З. Шlichte, что ответственность за секретные соглашения несет только сталинское руководство, поскольку на ратификацию в Верховном Совете СССР 31 августа 1939 года был представлен один только договор о ненападении, без секретного протокола (то есть протокол был депутатам неизвестен и, следовательно, не утвержден). Я не уловил сути мысли В. Фалина, когда он, пытаясь ввести в заблуждение юристов, стал утверждать, будто в международной практике договоры и ратифицируются без атрибутов. Это ошибочное утверждение, да и по существу секретный протокол был для сторон значительно более важен, чем договор о ненападении.

Яснее ясного было, что проекты, представленные командой В. Фалина, неприемлемы ни для кого из прибалтийских членов комиссии. Однако некоторые из нас еще ждали, не припасен ли у них еще какой-нибудь козырь. В. Фалин значительно сократил число своих экспертов. Приглашен был начальник Генерального штаба Министерства обороны СССР маршал С. Ахромеев.⁴⁹ Члены комиссии сидели за длинным столом, мы – эксперты – за небольшими столами возле стены. За одним из таких столиков я и оказался вдвоем с С. Ахромеевым. При виде этого человека в маршальском мундире с тонюсенькой папкой в руках я понял, что это и есть козырь В. Фалина на сегодняшнем заседании. Правда, козырь оказался слабоват. Суть выступления С. Ахромеева заключалась в том, что комиссии не следовало бы признавать ПМР недействительным с самого начала, поскольку это может вызвать недовольство народа; он пытался доказать (как и В. Кравец до этого), что фактически ПМР явился крупной дипломатической победой Советского Союза. В то же время он признал, что если договор о ненападении и был необходим, то необходимости в секретном протоколе не было. В ходе долгих разъяснений маршал опирался на данные агентуры Главного Разведывательного Управления Генерального штаба (Рихард Зорге и др.), долженствующие подтвердить сложность внешнеполитического положения СССР в тот момент. Однако агентурные сведения, содержащиеся в маршальской папке, не представляли собой какой-либо ценности, ведь всем было известно, как отрицательно относился

---

⁴⁹ Маршал Сергей Федорович Ахромеев (1923–1991) занимал пост начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР в 1984–1988 гг. В мае 1989 г. он был назначен советником Председателя Верховного Совета СССР. *Прим. ред.*

И. Сталин к подобным докладам, не они определяли его поведение. На вопрос М. Лауристин, как маршал оценивает ввод советских войск в Эстонию 17 июня 1940 года, он ответил вполне откровенно: «Все, связанное с прибалтийскими государствами, было аморальным и юридически необоснованным актом».

В конце концов, приступили к обсуждению проекта заключения, подготовленного в эстонском представительстве, и в принципе удалось прийти к какому-то согласию по существенным вопросам. А. Яковлев сделал нам шаг навстречу, сказав, что уже сегодня подготовим окончательный текст и завтра разошлем его всем членам комиссии. З. Шличите возражала против того, чтобы послать проект по почте, поскольку в таком случае на доставку уйдет не меньше недели. Когда председатель комиссии еще раз подтвердил желание как можно скорее завершить работу, В. Фалин предложил создать небольшую группу для редактирования согласованного текста и назвал Ю. Афанасьева, И. Грязина и Э. Липпмаа. Ю. Афанасьев предложил включить в группу еще и В. Фалина. Это была очень правильная мысль.

И тут в официальной стенограмме начинается чистейшей воды ложь! Кто-то приписал В. Фалину слова «Это можно сделать и завтра», после чего А. Яковлев со словами: «Договорились. Сегодня-завтра. Поработайте над тем, чтобы высказанные соображения привести в надлежащую форму. Потом договоримся, как действовать дальше», как будто бы закрыл заседание.

На деле был сделан перерыв на 20 минут, во время которого четверо названных членов комиссии отредактировали текст заключения, и работа продолжилась. К сожалению, тогда не сочли возможным сразу же подписать заключение, частично из-за отдельных стилистических погрешностей, но, частично, из-за позиции А. Яковлева. Дело в том, что председатель комиссии заявил, что поскольку он является членом Политбюро, то не может поставить свою подпись, пока не согласует вопрос, то есть не получит «добро» в Политбюро. Поэтому договорились, что текст еще раз перепечатают, и назавтра редакционная группа плюс М. Лауристин завизирует его. А. Яковлев обещал в начале августа опубликовать документ в печати, правда, не как подписанное комиссией заключение, но как сообщение о заключении от имени комиссии.

Подобные фальсификации в стенограмме, на которые, кстати, Э. Сависаар обратил внимание председателя комиссии на заседании 4 ноября, сославшись на имеющуюся у нас звукозапись, должны послужить серьезным предупреждением нашим сегодняшним и завтрашним историкам: подобным «источникам» нельзя доверять, их непременно надо перепроверять, т. е. восстанавливать действительность при помощи других средств и источников.

К обеду следующего дня текст был готов, подписан Ю. Афанасьевым, И. Грязиным, М. Лауристин и Э. Липпмаа, свои инициалы собственноручно поставил и В. Фалин. Последнее я считаю особенно важным достижением, определенным козырем теперь уже в наших руках, если иметь в виду последующие события, а также знаком того, что ни он, ни председатель комиссии не ожидали отрицательного отношения М. Горбачёва как к тексту заключения, так и к проблеме в целом.

6. 9 августа: комиссия выходит из-под контроля председателя

Через несколько дней заместитель председателя комиссии Э. Сависаар информировал Верховный Совет Эстонской ССР о работе комиссии. Описывая возникшие проблемы, он все же был оптимистичен, заявив, между прочим: «На сегодняшний день и сама комиссия прошла экзамен на десталинизацию и добилась первых практических результатов. Выработана позиция комиссии, опубликования которой в ближайшие дни мы добиваемся»⁵⁰. Еще сохранялась надежда, что заключение комиссии будет официально опубликовано до 23 августа 1989 года.

Однако дни шли – и никаких признаков того, что председатель собирается созвать комиссию для подписания заключения, не наблюдалось. Молчал и В. Фалин. Не оставалось ничего иного, как внести в дело ясность, то есть в очередной раз самим проявить инициативу.

9 августа по инициативе Э. Сависаара и Э. Липпмаа ядро комиссии собралось в эстонском представительстве. Обсудили сложившееся положение, возможность рассылки заключения для подписания по почте, его публикации в прессе, а также выступлений членов комиссии по радио и телевидению. Решено было послать телеграмму отдохавшему на юге М. Горбачёву. Телеграмма, подписанная всеми присутствующими (см. Приложение 11), должна была непременно дойти до адресата, поскольку И. Грязин лично отнес ее в канцелярию М. Горбачёва в Кремле.

Там же мы размножили завизированное 20 июля пятью членами комиссии заключение и адресованную М. Горбачеву телеграмму, и разослали их с сопроводительным письмом за подписями заместителей председателя Ю. Афанасьева и Э. Сависаара

---

⁵⁰ Информация депутата Э. Сависаара о деятельности образованной Съездом народных депутатов СССР Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. «Советская Эстония» от 28 июля 1989 г.

всем членам комиссии с просьбой подписать заявление и незамедлительно вернуть его академику Э. Липпмаа на адрес Института химической и биологической физики АН ЭССР. Это был очередной сильный ход, который во многом способствовал достижению конечного результата.

Участием в этом «самовольном» заседании большинство членов комиссии как бы противопоставило себя председателю и горстке его подчиненных, вышло из-под прямого контроля Политбюро и заявило о своей независимости. Это было проявлением демократии на деле. Сбор подписей явился эффективным средством давления на горстку бюрократов в комиссии.

В ожидании ответов от главы государства и председателя комиссии шли дни, годовщина ПМР неумолимо приближалась. Бросалось в глаза, что во всесоюзной печати одна за другой публиковались статьи о ПМР, которые полуправдой и сокрытием важных фактов пытались настроить общественное мнение в противовес многим важнейшим выводам комиссии. Несомненно, это были штучки фалинской команды. Например, 6 августа «Советская Россия» опубликовала статью кандидата исторических наук Ю. Емельянова «Август 1939-го. До и после», 11 августа «Правда» предоставила целую полосу «круглому столу», в основном это были эксперты В. Фалина, «Аргументы и факты» в номере 32 (за 12–18 августа) напечатали работу кандидата исторических наук А. Якушевского «Противоречивый договор» и т. п.

Ясность в неясность внесло интервью А. Яковлева газете «Правда» 18 августа, озаглавленное: «События 1939 г. – взгляд с полувековой дистанции»⁵¹. Это был нечестный прием, особенно для того, кто прекрасно знал, как работает комиссия, с какой совокупностью фактов мы имеем дело. А. Яковлев все перевернул с ног на голову, он писал: «Комиссия ещё не подвела итогов. Все высказывания о её выводах есть личные мнения, кто бы с ними не выступал. И не уверен, приносит ли такая торопливость пользу делу...». Из этого интервью, для автора которого международное право в то время как бы и не существовало, веет попыткой разрушить связи, существующие между событиями, во что бы то ни стало оправдать действия И. Сталина, апеллируя к чувству патриотизма простого русского человека, например, такими «обоснованиями»: «Национальные интересы Советского Союза требовали активных действий. Коль скоро не удалось коллективно обуздать, то следовало позаботиться о том, как упредить, чтобы «польский поход» не стал прелюдией к

---

51 Rahva Hääl, 22. августа 1989; Советская Эстония 22 августа 1989 г.

захвату Прибалтики и реализации гитлеровских планов обеспечения «жизненного пространства», захвата Украины...». Опять эта старая песня о том, что якобы Советский Союз был пламенным защитником Прибалтики, а из разделения сфер интересов проистекали соответствующие односторонние права и обязанности только для германского рейха. «Польский поход» был *совместным* походом СССР и Германии, хотя А. Яковлев и утверждает следующее: «1 сентября Германия напала на Польшу. 17 сентября части Красной Армии вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии». Это же была тогда территория Польши! Суть интервью заключается в следующем абзаце: «Можно совершенно по-разному смотреть на договор от 23 августа, но и в этом случае следует признать, что ни договор, ни протокол к нему не определяли юридический и политический статус Литвы, Латвии и Эстонии. Изменение их статуса произошло в силу других обстоятельств. Ещё более надуманно искать какие-то взаимосвязи между нынешним положением трех республик и договором о ненападении».

Не оставалось больше ни малейших сомнений в том, что высшее руководство Советского Союза решило торпедировать работу комиссии, воспрепятствовать большинству членов комиссии выражать свое мнение во всесоюзных средствах массовой информации именно накануне годовщины ПМР. М. Горбачёв избрал конфронтацию, избрал путь зловещего заявления ЦК КПСС от 26 августа 1989 года. Подобное поведение в очередной раз подтвердило, что судьба народов Прибалтики действительно непосредственно связана с ПМР, она была решена пактом, она была запланирована и согласована с Гитлером, хотя и осуществилась она позже. На упомянутую телеграмму от 9 августа ответ так никогда и не пришел. Неизвестно, был ли то страх, или просто нежелание.

Мы внимательно следили за тем, как на имя Э. Липпмаа поступают подписи членов комиссии. Решение опубликовать по всей Прибалтике заключение комиссии по ПМР, завизированное 20 июля 1989 года, было принято в Таллинне. 22 августа газета «Noorte Hääl», а 23 августа газета «Kodumaa», опубликовала текст заключения членов комиссии, под которым уже стояло 20 подписей (см. Приложение 12), проект постановления появился и в русскоязычных изданиях.⁵² И как мы помним, под ним

---

⁵² 16 августа в газете Молодежь Эстонии было опубликовано интервью с Э. Липпмаа о работе комиссии; 23 августа в газете Советская Эстония – статья Х. Линдпере «была ли альтернатива договору СССР с Германией, в № 25 «Вестника Народного фронта Эстонии» за август 1989 г. был опубликован проект заключения комиссии. *Прим. ред.*

стояли также инициалы В. Фалина. Если учесть также, что удалось получить подписи Ч. Айтматова и митрополита Алексия (подпись последнего удалось получить лишь в зале заседаний во время второго съезда), то, подводя итоги, можно сказать, что подписаться под заключением отказались всего трое – А. Яковлев, Г. Арбатов и В. Кравец. Неужели эти трое из 26 такая сила, что можно утверждать, будто комиссия не пришла ни к каким выводам?

Состоялась впечатляющая «Балтийская цепь»⁵³, прошли всевозможные политические акции в годовщину ПМР в память независимости государств и народов трех прибалтийских государств. На манифестации «Балтийский путь» на границе Эстонии и Латвии 23 августа Э. Сависаар выразил в своей речи убеждение, что когда-нибудь Москве так или иначе придется ответить на вопросы, связанные с ПМР, и что «чем больше проволочек, больше затягивания, тем больше этих вопросов окажется, тем громче они будут звучать. Звучать от имени всего народа, и ответа потребует весь народ». Это были пророческие слова. Обзор проблем, вставших перед комиссией, и возникшей тупиковой ситуации Э. Сависаар дал в еженедельнике «Reede» за 25 августа.

«Избранные народом депутаты не являются просто ширмой упомянутой клики (т. е. есть немногочисленной партийной клики – Х. Л.), так считают и наши депутаты, в том числе и большинство членов комиссии по ПМР, образованной из числа народных депутатов СССР», – писала А. Рыйгас 3 ноября в газете «Noorte Hääl» в статье «Страусиные игры». Она достаточно обстоятельно осветила семинар, состоявшийся утром 29 сентября в эстонском представительстве, на котором обсуждалось, каким образом советско-германский сговор привел в 1940 году к аннексии Прибалтики; была также заслушана информация представителей соответствующих комиссий Верховных Советов трех прибалтийских республик о проделанной работе.

Вечером 29 сентября собрались в зале Московского историко-архивного института, где состоялась международная пресс-конференция для иностранных журналистов, призванная показать, как писала журналистка: «и остальному миру связь нашего народа и власти и состояние работы одной из комиссий народных депутатов, и отношения к ней властей Советского Союза». В начале пресс-конференции Ю. Афанасьев

---

53 Помощник М. Горбачева по международным делам А. Черняев позднее написал в своих воспоминаниях, что после «Балтийской цепи» он понял, что уход Прибалтики из СССР можно остановить только танками. См. подробнее: А.С.Черняев. Шесть лет с Горбачёвым. По дневниковым записям. Москва: Прогресс. 1993. Прим. ред.

зачитал заявление для общественности заместителей председателя комиссии – свое и Э. Сависаара – (см. Приложение 13). Затем на вопросы журналистов отвечали, кроме них, еще И. Грязин, Э. Липпмаа, С. Лавров, И. Друце, А. Казанник, В. Ландсбергис, К. Мотека. Это был не бунт, а гласность, это была попытка через печать оказать давление на советское руководство, чтобы оно изменило свое отношение к серьезным проблемам, касающимся жизни государства и судьбы малых народов.

7. 4 ноября: заседание в Центральном Комитете КПСС

Задним числом складывается впечатление, что ни звонки, ни запросы, никакие, основанные на праве или морали средства давления не подействовали так, как можно было бы ожидать, и то, что А. Яковлев всё-таки созвал заседание комиссии 4 ноября, было вызвано следующими соображениями: 1) народные депутаты от Прибалтики и другие члены комиссии могут поставить вопрос об отчете о деятельности комиссии на съезде и без председателя, на это им дает право наличие более чем 5/6 подписей членов комиссии; 2) и если можно еще что-то сделать, то надо участвовать, с тем чтобы иметь возможность повлиять на ход событий.

К этому заседанию три профессора, известные специалисты по международному праву, Рейн Мюллерсон, Евгений Усенко и Анатолий Талалаев представили членам комиссии заключения по ПМР и по юридическим последствиям признания его недействительным. А. Талалаев написал как бы главу для университетского учебного пособия, где указал на важность того, что, признавая недействительность секретного протокола с момента его заключения, Съезд народных депутатов должен одновременно отметить, что постановление не касается границ, сложившихся в Европе в результате второй мировой войны. В своей 16-страничной работе он до статуса Прибалтики так и не добрался.

Е. Усенко и Р. Мюллерсон, напротив, разорвав цепь последовавших за ПМР событий, которые наглядно демонстрируют, что именно подразумевали стороны, подписавшие секретный протокол, под «территориально-политическими преобразованиями», тем самым подошли к секретному протоколу формально-юридически и поторопились заявить, что секретные протоколы ни в коей мере не связаны с присоединением Латвии, Литвы и Эстонии к Советскому Союзу. Этого утверждения команда В. Фалина ожидала с нетерпением, это был вопрос, который больше всего тревожил Кремль. Ни А. Талалаев, ни Р. Мюллерсон так и не смогли убедить меня, почему *тайно*

заклученный протокол и *открытый* договор о ненападении, на который указывается в преамбуле протокола, не составляют единого целого.

Я согласен с Е. Усенко и Р. Мюллерсоном, что при оценке статуса прибалтийских государств определяющими являются события, последовавшие за ПМР. Однако ПМР был не автономным явлением, а начальным звеном неразрывной цепи. Начальным звеном стало то, что И. Сталин запросил для Советского Союза Вентспилс и Лиепаю (часть территории Латвийской Республики; см. Приложение 5), и А. Гитлер на это согласился, после чего и был заключен ПМР. Начальным звеном стало то, что захват Польши был согласован, и формулировка «территориально-политическое переустройство» использовалась аналогично формулировке, касающейся прибалтийских государств и Финляндии, – та же участь должна была постигнуть и их.

Цепь тянулась дальше. Последовали следующие звенья: одновременно с разделом Польши В. Молотов выдвигает ультиматумы трем прибалтийским государствам и навязывает им договоры о базах. В то же время исконные литовские территории переходят из сферы интересов Германии в сферу интересов СССР, затем следует советско-финская Зимняя война. За другими ультиматумами В. Молотова прибалтийским государствам, последовали инвазии и аннексии в июне-июле 1940 года.

Территориальные притязания сталинского руководства, касавшиеся вывода германских войск из Финляндии и уступки этого государства Советскому Союзу, сопровождалось пожеланием примкнуть к фашистскому тройственному пакту⁵⁴ и обещанием гарантировать экономические интересы Германии в Финляндии – обеспечить в течение полугода поставки древесины и никеля из Финляндии, в случае её присоединения к СССР. Предполагалась передача Болгарии в сферу интересов СССР и строительство советских военных баз в черноморских проливах; высказывалось пожелание, чтобы зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива была бы признана центром территориальных устремлений Советского Союза. Все это было отражено в требованиях, переданных В. Молотовым 26 ноября 1940 года в Москве послу Германии в СССР В. Шуленбургу. (см. Приложение 8).

Затем 10 января 1941 года Германия продала Советскому Союзу небольшую территорию Литвы, относящуюся к Сувалкскому треугольнику, за 7,5 миллиона золотых

---

54 Антикоминтерновский пакт или ось «Рим–Берлин–Токио», по определению советской пропаганды – «военный союз фашистских государств». Начало ему положил договор, заключенный в Берлине в ноябре 1936 г. между Германией и Японией, в 1937 г. к нему присоединилась Италия, у которой уже в 1936 г. с Германией был заключен договор, оформивший ось «Рим–Берлин». *Прим. ред.*

долларов.⁵⁵ Вся эта цепь сотрудничества, естественно, прервалась с нападением Германии на своего прежнего партнера. Это была гнусная торговля территориями маленьких соседних государств, причем аппетиты все возрастали, предшествующее преступление порождало последующее, и любой искусственный разрыв этой цепи становится препятствием на пути к правдивым и честным выводам.

Заседание 4 ноября принесло членам комиссии нешуточный сюрприз. Откуда-то появился совершенно новый проект заключения, авторы которого так и остались неизвестными. А. Яковлев попытался сразу же убедить всех приступить к его обсуждению. В. Ландсбергис, Э. Сависаар, И. Грязин и другие потребовали вернуться к завизированному 20 июля тексту и взять его за основу, вопрос ведь заключался лишь в том, чтобы переубедить трех-четыре члена комиссии. А. Яковлев крутил и так и эдак, словно многое недопонял. Г. Еремей готов был уступить, он предложил включить в заключение комиссии что-то из одного документа и что-то – из другого. Затем с подачи И. Грязина разгорелся ожесточенный спор по поводу связи ПМР и событий 1940 года. Э. Сависаар поддержал И. Грязина, отметив, что 29 сентября комиссия провела специальный семинар по этому вопросу, и наличие такой связи стало очевидным для всех, и не без иронии добавил, что председатель комиссии и сам в своем интервью корреспонденту «Правды» рассматривает события 1940 года в тех же взаимосвязях, что означает, что мы правильно поняли дело, и поблагодарил А. Яковлева. Тот немедленно возразил, что одно дело интервью, а другое – мандат съезда. И так далее на 81 странице стенограммы.

Э. Сависаар в своих интервью (газеты «Noorte Hääl» и «Rahva Hääl» за 5 ноября) отметил, что, критикуя новый документ, Ю. Афанасьев заявил: первая его часть – это оправдание сталинского режима, вторая часть говорит о разногласиях внутри комиссии и делит ее членов на хороших и плохих. Плохие это те, кто считает нужным признать, что в конце 1930-х годов советское руководство взяло империалистический курс. А третья часть состоит из полуоправданий и полуобвинений, но и в них явно прослеживается идеологическая ориентированность.

---

55 Возможно, читателю небезынтересно будет узнать, что первоначально Советский Союз выразил готовность выплатить за удержание этой территории 3 860 000 золотых долларов, что равнялось половине продажной стоимости Аляски, и что по договору 28 сентября 1939 г. И. Риббентроп оставил этот земельный участок за Германией, поскольку считал, что он прекрасно подходит для охоты, но впоследствии разочаровался в нем. Окончательная сумма сделки составила 7 500 000 золотых долларов или 31 500 000 марок. По случаю сделки И. Риббентроп запросил две банки икры «для солдат», какие немедленно и получил. *(Аляска была продана правительством Российской империи Соединенным Штатам Америки в марте 1867 года за 7,2 миллиона золотых долларов. Прим. ред.)*

По утверждениям А. Яковлева подготовленный в июле и не опубликованный проект (председатель комиссии не сообщил членам комиссии ничего вразумительного по поводу того, почему же проект так и не был опубликован), был якобы слабее нового, анонимного, тем, что может вызвать в России волну шовинизма, и может не понравиться Съезду народных депутатов.

Дискуссия продолжалась долго, и стало понятно, что мы друг друга не убедим. Меньшинство осталось на своих позициях, прогрессивное большинство – на своих. В конце концов, решено было представить съезду краткий проект постановления, сопроводив его докладом председателя комиссии, в котором найдут отражение и разногласия, имевшие место в комиссии. Фактически никакой уверенности в том, что этот проект действительно останется последним и на следующей встрече нас не ждет вновь какой-нибудь сюрприз, не было.

На заседании немало говорилось и о попытках очернить в глазах общественности членов комиссии Ю. Афанасьева и З. Шличите.

Коротенькое сообщение ТАСС лишь упомянуло, что обсуждался доклад Съезду народных депутатов и что письма и заявления граждан свидетельствуют о большом интересе общественности к данному вопросу. Перебирая эти письма, приятно было убедиться, что наряду с письмами, в которых все отрицалось на том основании, что авторы писем лично слушали речи И. Сталина и В. Молотова, и им было ясно, как на самом деле обстояли дела (письмо Тихомировой из Москвы), попадались и дельные суждения. Например, В. Лан из одного московского института отмечал, что не считает правильным сказанное А. Яковлевым газете «Правда», и подчеркнул, что советско-германские пакты 1939 года надо рассматривать в более широком контексте, т.е. не без требований И. Сталина (26 ноября 1940 года) присоединиться к тройственному пакту фашистских государств – Германии, Италии и Японии.

8. 14 декабря: заседание в Кремле

До этого заседания по инициативе эстонских депутатов 11 декабря была образована межреспубликанская группа депутатов от прибалтийских республик а также обсуждены дополнительные материалы, которые предполагалось распространить от имени группы среди всех участников съезда. Брошюра с этими материалами, имевшая название «О политико-правовой оценке советско-германских соглашений 1939–1941 годов», содержала обращение группы депутатов к съезду, которое четко выявляло

связь между ПМР и аннексией прибалтийских государств в 1940 году и призывало съезд подтвердить аннулирование всех советско-германских соглашений 1939–1941 годов, а также объявить секретные соглашения недействительными с момента их заключения. Прилагались заверенные государственными архивами ФРГ и США копии всех важнейших документов, начиная с текста секретного протокола от 23 августа и кончая переданным В. Молотовым в 1940 году В. Шуленбургу предложением советского руководства присоединиться к тройственному фашистскому пакту и телеграммой германского посла лично рейхсминистру И. Риббентропу, в которой изложены новые масштабные территориальные притязания Советского Союза. Последний документ был 6 октября 1989 года выдан Политическим архивом Министерства иностранных дел ФРГ в Бонне и заверен гербовой печатью Министерства иностранных дел ФРГ. Брошюру эту подготовил Э. Липпмаа, она была издана на средства Госплана Эстонской ССР его множительным центром. Но для того, чтобы сообщить брошюре большой резонанс, она была представлена от имени народных депутатов трех прибалтийских республик.

Заседание 14 декабря значительно отличалось от предыдущих и не только тем, что проходило в Кремле, было недолгим и обошлось без ожесточенных споров между большинством и горсткой несогласных с ним. Представленные А. Яковлевым два документа – проекты заключения комиссии и постановления Съезда – на сей раз оказались приемлемыми почти для всех. Они были подписаны, и Центральное телевидение запечатлело завершающую фазу работы комиссии. Паршивой овцой в комиссии оказался тот самый твердолобый украинский министр иностранных дел В. Кравец, он единственный представил особое мнение: «Нахожу, что постановление Съезда должно содержать только первый пункт» (т.е. работа комиссии одобрена, а самого решения высшего органа государственной власти за этим не следует. – *Х. Л.*).

Хотя заключение комиссии и было далеко от совершенства, оно содержало все основное, что наши народные депутаты посчитали нужным оставить. Этот текст впервые публикуется в настоящем сборнике (см. Приложение 14). По сравнению с июльским проектом заключения оно претерпело некоторые изменения. Во-первых, исчезло утверждение–предложение о том, что комиссия продолжит работу по оценке событий, последовавших за ПМР, было ясно, что в любом случае данный вопрос решит Съезд, а не комиссия. Во-вторых, преамбула документа больше походила на протокол разногласий, составленный договаривающимися сторонами на каком-то промежуточном этапе, чем на итоговый документ комиссии. Было ли это необходимо А. Яковлеву, Г. Арбатову, В. Кравцу и еще кому-то для сохранения своего реноме,

а также для демонстрации непоколебимости в идеологическом смысле? Или же обнаружилось то, чего однажды добивался Ю. Афанасьев, сказав: не захлопывайте окончательными выводами дверь перед будущими историческими разысканиями? Поди знай. Во всяком случае, эти два документа были максимумом, который можно было ожидать от Кремля.

Возможно, у читателя сложилось теперь впечатление, будто все складывалось в высшей степени удачно. Чтобы развеять подобное впечатление, позвольте изложить несколько абзацев из статьи Аннели Рыйгас «Рождество в Кремле» (газета «Noorte Hääl» от 28 декабря 1989 г.). Снова возникла легкая паника: почему подписи собирали только на одном экземпляре? И почему хотя бы с этого единственного не сделать сразу копии для всех членов комиссии? Просьба такая прозвучала, но А. Яковлев ответил, что в этой части Кремля, где проходит заседание, копировальной машины нет! На следующий день просьбу повторили. Поскольку А. Яковлев уехал в Германию, просьбу эту адресовали В. Александрову, который, не обещая ничего конкретно, ответил лишь, что этот единственный экземпляр приказано хранить в сейфе, вот и все. Возникло серьезное подозрение, что там, в цековском сейфе эта бумага и останется, а на съезде появится что-то другое. Ведь эта, запрятанная в сейф бумага, кардинально отличалась от той официальной позиции, которой до сих пор придерживалась Москва.

Чтобы ознакомить с этим документом, подписанным 14 декабря, хотя бы общественность, часть членов комиссии решила опубликовать проект и в нашей и в зарубежной прессе до того, как работа комиссии будет обсуждаться на съезде. Подобная деятельность ни в одном нормальном государстве, естественно, не может считаться допустимой, но в данном случае это представлялось единственным правильным шагом: изменить текст тогда было бы значительно сложнее. Однако обошлось и без этого, потому что (случайно или нет) на свет вновь появилась запертая было в сейф бумага, и все члены комиссии наконец получили по копии. В. Александров добавил: даю слово, что поправок в проект больше не будет, и попросил проект постановления не публиковать до выступления А. Яковлева на съезде. Причин для этого больше не было. Возникла надежда, что на этот раз услышанным словам можно поверить.

Тем не менее, на душе у всех у нас было беспокойно, предполагалось, что на съезде предстоит нелегкая борьба. Чувствовалось, что очень многое зависит от доклада председателя комиссии А. Яковлева, но мы понятия не имели, какими будут тон и содержание этого выступления. Мы с Э. Сависааром со всей ответственностью начали готовить его выступление на съезде, надо полагать, не меньше дел было и у Э. Липпмаа и других членов комиссии.

9. 23 и 24 декабря: Рождество на съезде в Кремле

Брошюра вышеупомянутой межреспубликанской группы депутатов от Прибалтики, которую все эстонские депутаты в своих портфелях единодушно доставили в Кремль, была не единственной домашней заготовкой эстонцев. Арнольд Рюйтель привез из Таллинна напечатанный в срочном порядке издательством «Olion» сборник документов и материалов на русском языке о событиях 1940 года в Эстонии и провез его на своей служебной машине в Кремль (этот ЗИЛ был у эстонцев единственной машиной, имевшей пропуск в Кремль). Эти два издания оказались неоценимыми материалами, просветившими малоинформированных народных депутатов, особенно если учесть, что работа над постановлением растянулась на два дня. Издания пользовались большим спросом, в отличие от других материалов Съезда по другим вопросам, которые нередко подолгу валялись в зале, этих же постоянно не хватало.

Распространение этих двух изданий явилось своего рода комедией. Дело в том, что их распространение было запрещено, так что – никакой демократии. Поэтому сборник о событиях 1940 года то доставали из ЗИЛа, то относили его обратно, так что в один из перерывов груз пришлось просто «забыть» в коридоре Дворца Съездов. Психологически это было попадание в десятку: за один-единственный перерыв всё практически растащили, невзирая на то, что пачки еще требовалось развязать!

На заседании 23 декабря обсуждение вопроса о ПМР началось с речи А. Яковлева (см. Приложение 16), которая и по своему содержанию и по тону, честно говоря, превзошла наши ожидания. Последовал ряд вопросов А. Яковлеву, на наш взгляд, доброжелательных: например, на вопрос известного и в Эстонии ученого В. Гольданского А. Яковлев не сумел ответить ничего иного как: «Товарищи, я думаю, у нас здесь не семинар по истории...», но звучали и вопросы недоброжелательные, например, очень активный депутат, таксист из Харькова В. Сухов никак не был согласен с тем, что из постановления можно сделать вывод, будто советские люди пришли в Прибалтику захватчиками. Довольно скоро 1670 голосами «за» решено было прения по поводу выступления А. Яковлева не открывать, и перейти к обсуждению проекта постановления Съезда.

Среди прочих народных депутатов слово получили Эндель Липпмаа и Эдгар Сависаар (см. Приложение 15). Э. Липпмаа по существу выступил удачно, он раскритиковал предложение В. Кравеца ограничиться одним пунктом постановления, предусматривавшим, что съезд лишь примет к сведению результаты работы комиссии. Э. Сависаар же выступал позднее, в обстановке, когда из-за недостающих 60 голосов

Съезд народных депутатов СССР, 24 декабря 1989

Кадр из документального фильма Юхана Ааре «Эстонцы в Кремле», 2006

постановление не было принято (к счастью, провалилось и предложение В. Кравеца – не хватило 160 голосов). Страсти в зале уже накалились, и руководивший заседанием А. Лукьянов⁵⁶ несколько раз перебивал выступление Э. Сависаара в том примерно духе, что «ваша позиция нам уже известна» и т.п. Поэтому тщательно подготовленное выступление сорвалось, и Э. Сависаару удалось только подчеркнуть, что постановление органа государственной власти необходимо, и предложил поставить вопрос на поименное голосование.

Поскольку в отдельные пункты проекта постановления были внесены некоторые поправки, то А. Лукьянов нашел выход в том, чтобы перенести обсуждение вопроса на следующее утро, дав тем самым комиссии время «переварить» эти поправки, а всем народным депутатам – возможность вникнуть во все материалы.

М. Горбачёв слова не брал, бросал лишь отдельные реплики, призванные помочь председательствующему вести заседание. Многие считали, и подобные высказывания

---

⁵⁶ Лукьянов Анатолий Иванович (р. 1930 г.) советский и российский политик. В 1989 г. был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС и Первым заместителем председателя Верховного Совета СССР. *Прим. ред.*

встречались и в прессе, что возьми М. Горбачёв слово и выскажись за то, чтобы принять постановление, результат был бы достигнут в первый же день. Но как он мог это сделать! Кто, как не он, запретил А. Яковлеву выложить на стол доказательства, хранившиеся за семью замками в архиве Министерства иностранных дел⁵⁷, кто, как не он, распорядился не допускать к трибуне съезда Феликса Ковалева – начальника историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел. Ф. Ковалев внимательно следил за всем происходящим с балкона для гостей и уже 23 декабря неоднократно (и безуспешно) просил слова, чтобы выступить с необходимыми пояснениями.

24 декабря, после дополнительного выступления А. Яковлева (см. Приложение 17), все пошло как по маслу: 1435 голосами «за» (при необходимых 1122) Постановление Съезда было принято (см. Приложение 18) Один только председатель совета ветеранов войны и труда Полтавской области В. Образ был категорически против и призывал всех не разваливать государство. Он возмущался тем, что принимается постановление по документу, который фактически не найден. Единственной существенной поправкой в постановлении по сравнению с проектом было то, что предпоследний пункт был опущен. Звучал он так: «Съезд отмечает, что последовавший за подписанием 23 августа 1939 года договора и «секретного дополнительного протокола» резкий поворот Сталина и его окружения от непримиримой борьбы против фашизма к сотрудничеству с нацистской Германией оказал значительное дезориентирующее влияние на силы, выступавшие против агрессии, войны и фашизма».

Рождественские события в Кремле описывают в своих интервью и члены комиссии от Эстонии (см. главу II). О том, что говорил там утром 24 декабря А. Яковлев, читатели получили прекрасное представление из статьи А. Рыйгас в газете «Noorte Hääl» за 29 декабря. После долгой ночной беседы с академиком Энделем Липпмаа у него дома в Нымме 19 июля 1991 года эта поправка больше не представляется мне столь важной.

По существу на Рождество в Кремле произошла схватка ретроградов из Министерства обороны с прогрессивно настроенными силами из Министерства иностранных дел, в которой последние одержали верх. Естественно, это всего лишь упрощение сложного уравнения. Министерство иностранных дел как таковое нельзя считать всецело прогрессивным, оно тоже одна из составляющих того же самого бюрократического государственного аппарата.

---

57 Подлинники секретных протоколов хранились в то время в VI секторе Общего отдела ЦК КПСС, позднее – архиве Политбюро ЦК КПСС, позднее преобразованном в архив Президента СССР, потом – в архив Президента РФ. *Прим. ред.*

Ночью 23 декабря под руководством А. Яковлева состоялось собрание с участием некоторых членов комиссии. Именно тогда вышеупомянутый Ф. Ковалев продемонстрировал акт передачи одним должностным лицом другому секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа, копий секретных протоколов и т.п., помнится, на следующее утро они были преданы гласности. Но выходит, что и это еще не изменило настроений в высшем руководстве Союза!

Лишь после того, как Ф. Ковалев продемонстрировал акт из архива В. Молотова об уничтожении секретных протоколов, причем в акте было отмечено, что прежде, чем уничтожить, с них были сделаны копии – только после такого разоблачения, учитывая, что дело больше невозможно держать в тайне, высшее руководство Советского Союза приняло положительное решение. Как общественность, так и народные депутаты до сих пор пребывали в неведении. В этом акте был указан также один секретный протокол СССР и США, он, правда, никоим образом не касается Прибалтики, но содержание его просили Э. Липпмаа не разглашать. Теперь читателю наверняка понятно, с каким трудом далось это признание кремлевскому руководству: пакт Молотова–Риббентропа – это первое злодеяние в цепи злодеяний.

Вообще-то кремлевское руководство, использовавшее команду В. Фалина, хитроумно продумало все – даже обсуждение вопроса приурочили к Рождеству, и безуспешно. На поименном голосовании отсутствовали девять депутатов от Эстонии (Ю. Ааре, А. Арувальд, Т. Кябин, Т. Маде, М. Микивер, Р. Отсасон, И. Рауд, В. Варе и Т. Варек), девять депутатов от Латвии и 15 – от Литвы. Всего от Прибалтики не досчитались 33 голосов. Из эстонских депутатов против постановления проголосовал Е. Коган, В. Яровой воздержался. Разумеется, в основном, дело все же решили голоса русских депутатов.⁵⁸ Отсутствие же стольких наших народных депутатов показывает, что у нас в Прибалтике бывает иногда трудно отличить важное от неважного, даже в вопросах независимости.

10. Подводя итоги

Это было в высшей степени тягостное признание. Дополнительный протокол от 23 августа 1939 года, подписанный одновременно с договором о ненападении, должен был

---

⁵⁸ «За» проголосовали, например, М. Горбачёв, А. Лукьянов, Б. Ельцин, Г. Янаев, Е. Лигачёв, Н. Рыжков, Б. Пуго, А. Собчак и др. видные государственные и общественные деятели.

оставаться в строжайшей тайне. Но этого не случилось.⁵⁹ Теперь этот секретный протокол стал известен и в Советском Союзе и вместе с другими обнародованными секретными советско-германскими соглашениями 1939–1941 годов объявлен юридически несостоятельным. Для сегодняшнего советского руководства это было нелегко, но не для русского народа. Борьба, как в комиссии, так и на Съезде, шла с представителями бюрократического государственного аппарата и людьми, ослепленными или введенными ими в заблуждение.

Сотни раз членам комиссии из Эстонии приходилось проявлять инициативу и изобретательность, сокрушать инерцию. Сотни раз на заседаниях комиссии приходилось вновь и вновь возвращаться к, казалось бы, достаточно хорошо объясненным и документально подтвержденным вещам. Горстка членов комиссии, в том числе и А. Яковлев, ограниченный Политбюро ЦК КПСС в свободе своих действий, пыталась навязать своё мнение, по крайней мере, 5/6 членов комиссии. Снова приходилось искать безошибочные и эффективные ходы для преодоления этой ситуации..

Наши проекты шли впереди, а в противовес им выставлялись материалы финской команды, но когда мы выложили на стол верифицированные копии обличительных документов, прекратились пустопорожние рассуждения, и нас стали слушать. И только когда реальной стала опасность разоблачения еще более грязных сделок, чем ПМР, решено было покончить с деятельностью комиссии. На большее смелости у Кремля не хватило, комиссия свою работу не продолжила. Закончу словами американского дипломата Макса Кампельмана, сказанными им в июле 1991 года в Женеве на совещании экспертов хельсинкского процесса по вопросу о национальных меньшинствах, где он возглавлял делегацию США и встречался с Рейном Мюллерсоном, Мяйдо Кари и мною. Он сказал, что постановлением по ПМР Москва могла бы отделить вопрос Прибалтики от вопросов остального Союза, теперь же положение другое.

Конечно, если б Москва пожелала!

Таллинн 21 июля 1991

---

⁵⁹ Например, в США содержание пакта Молотова–Риббентропа стало известно уже довольно скоро. «Journal American» 24 сентября 1939 г. на первой странице напечатал статью капитана Джона Хьюстона Крэйга «Nazi-Soviet deal to master World seen in secret pact», в которой он, между прочим, заметил: «Маленькие народы от Балтики до Черного моря целенеют от ужаса при мысли об этом международном чудовищном Франкенштейне».

II. Деятельность комиссии по ПМР в ретроспективе: воспоминания и размышления некоторых людей, связанных с её работой

Летом 1991 года Игорю Грязину и Энделю Липпмаа была задана дюжина приведенных ниже вопросов, чтобы спустя полтора года они постарались вспомнили все то, что происходило в комиссии по пакту Молотова–Риббентропа, и дали оценку работе комиссии и ее результатам. Им было предоставлено право по собственному усмотрению решать, отвечать ли на вопросы последовательно, пункт за пунктом или же, отталкиваясь от вопросов, строить собственное повествование.

Интервью с Игорем Грязиным.

Ответы получены 8 июля 1991 года по факсу из Лондона, где И. Грязин в то время работал приглашенным профессором в University of Notre Dame, London Law Centre.

1. Как вы охарактеризуете создание Съездом народных депутатов СССР 2 июня 1989 года комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, или комиссии по ПМР?
2. Ваше мнение относительно состава комиссии?
3. Как вы охарактеризуете атмосферу, царившую на заседаниях комиссии, какие наиболее яркие эпизоды вам вспоминаются?
4. Как вы охарактеризуете основные аргументы, представленные центром, а также работу экспертов центра?
5. Что вы могли противопоставить тактике проволочек со стороны центра? Как удалось выйти из казалось бы безнадежного положения на заседаниях в июле-августе,

когда по существу имелось решение большинства комиссии, но председатель комиссии воздерживался от его принятия до 23 августа?

6. Находите ли вы существенные различия между опубликованным членами комиссии в Прибалтике к 23 августа проектом постановления и окончательным декабрьским текстом?

7. Охарактеризуйте тактику центра непосредственно до и после 50-летия ПМР?

8. Насколько оправданным было совместное обращение к общественности заместителей председателя комиссии Ю. Афанасьева и Э. Сависаара 29 сентября 1989 года, сделанное от имени квалифицированного большинства членов комиссии?

9. Как комиссия пришла к окончательным выводам?

10. Как вы охарактеризовали бы принятие постановления II Съездом народных депутатов СССР в декабре?

11. Как вы оцениваете воздействие, оказанное дополнительными материалами, распространенными на Съезде среди народных депутатов (обращение группы депутатов от прибалтийских республик и сборником материалов о событиях 1940 года в Эстонии)?

12. Удовлетворены ли вы постановлением II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года? Что, на ваш взгляд, не отражено в постановлении?

1. Для нас образование комиссии явилось результатом долгого политического процесса, начатого Эстонской группой по обнародованию пакта Молотова–Риббентропа (MRP–AEG). Что бы впоследствии ни случилось, именно эта группа людей сумела отыскать в том запутанном клубке, на который к тому времени стало походить юридическое положение Эстонии, ту ниточку, потянув за которую, можно было начать движение в сторону восстановления независимости Эстонии. Сегодня это кажется совершенно ясным и само собой разумеющимся, однако еще несколько лет назад это было не так.

То, что стало происходить на I Съезде, по правде говоря, в несколько сжатом виде повторяло процесс развития, уже пройденный в нашей республике. Прежде

Делегат Съезда народных депутатов СССР Игорь Грязин зачитывает текст проекта секретного протокола к Пакту Молотова-Риббентропа, предложенного Совестким Союзом
Кадр из документального фильма Юхана Ааре «Эстонцы в Кремле», 2006

всего, первая констатация самого факта наличия секретных протоколов, затем комментарий историка Роя Медведева, дипломатические ходы Энделя Липпмаа с тем, чтобы убедить высшее руководство в том, что дело это для нас действительно первостепенной важности, и мы от требования обсудить его не отступим. И, конечно же, наметились первые проявления противостояния, самые ожесточенные – со стороны Интердвижения⁶⁰, и сомнения – опасения многих, стоит ли вообще обсуждать эту историю с пактом. Поначалу у меня не было твердого намерения зачитывать секретный протокол, но в какой-то момент мне показалось, что дело идет наперекосяк... Те, кто вообще отрицал необходимость давать какую-либо оценку пакту и секретному протоколу, стали брать верх, так что вся наша подготовительная работа могла пойти прахом. Пока я шел к трибуне, я больше думал о том, какие еще аргументы привести,

---

⁶⁰ Интердвижение, опиравшееся, в основном, на русскоязычный персонал заводов союзного подчинения, было создано летом 1988 г. в противовес Народному фронту Эстонии Лидерами Интердвижения были директор завода «Двигатель» В. Яровой и начальник теплотехнической лаборатории объединения «Эстрыбпром» Е. Коган. Современные социологи чаще всего определяют Интердвижение, как леворадикальное. *Прим. ред.*

но вдруг все как корова языком слизнула. И тогда я достал текст секретного протокола (он на всякий случай всегда был у меня в кармане вместе с кратким изложением концепции ИМЕ – Эстонии на хозрасчете)... и зачитал его. Исторический факт, сам текст были аргументом посильнее любых юридических или политических рассуждений, на которые я был тогда способен.

2. Можно сказать, что в конечном итоге комиссия получилась настолько честной и объективной, насколько это вообще было возможно в тогдашних условиях. Случались и сюрпризы, но по большей части очень приятные. Например, я, разумеется, был наслышан о научной дотошности и эрудиции Энделя Липпмаа, будь то его узкая специальность, материальная или лабораторная база его института, а также Академии наук ЭССР или экологические проблемы северо-востока Эстонии. Но уму непостижимо, какую огромную историко-научную работу проделал для комиссии этот физик и химик. Или же Э. Сависаар, конечно, он историк, но ведь это была не совсем его область. То, как он сумел подключить к работе комиссии многих известных московских историков, как сумел сплотить их, как организовал работу комиссии в условиях, когда многие были заинтересованы в том, чтобы ее вообще не было, – это действительно было очень важно для достижения конечного результата.

Георгий Арбатов (с которым мы для начала сразу же поссорились, но впоследствии вполне ладили) и Николай Нейланд с его огромным дипломатическим опытом были теми, кто сумел оценить (не всегда одинаково, но в основном) внешнеполитический контекст и подоплеку выводов комиссии. Если отбросить кое-какие мелочи, то почти про каждого можно сказать: за лаконичным текстом выводов комиссии кроется и его труд.

3. Самым трудным в нашей работе было не то, что касалось исторического факта как такового. Хотя и здесь случалось кое-что забавное (забавным это кажется, конечно, задним числом), например, то, как министр иностранных дел Украины отрицал существование пакта на том основании, что он его не видел, или же когда маршал С. Ахромеев (в качестве гостя!) нечаянно стал доказывать, что с военной точки зрения в заключении секретного пакта вообще не было необходимости (потом он, правда, снова принялся отрицать это), основная проблема заключалась все же в интерпретации фактов. Здесь эмоций было хоть отбавляй, да я и про себя не могу сказать, что всегда выступал с должной дипломатичностью и тактом.

Основная проблема сводилась все же к тому, чтобы установить—есть ли связь между секретным протоколом и событиями 1940 года или нет. Думаю, что интуитивно

эту связь видели все (возможно, за исключением министра иностранных дел Украины), но в том, можно ли ее признать и в какой мере – в этом мнения разошлись. Интеллектуально это был вопрос об исторической ответственности и вине СССР или России, а также о том, назрело ли время для покаяния.

В личном плане это был диалог, дискуссия, а временами и конфронтация между двумя людьми, которые олицетворяют для меня идеал истинного русского интеллигента со всеми его сомнениями и этическими поисками и противоречием между прагматизмом и идеалами. Я имею в виду Александра Яковлева и Юрия Афанасьева. Будучи в основах очень близки, будучи весьма эрудированными учеными, будучи патриотами России, как члены этой комиссии они оказались противниками.

Что касается А. Яковлева, то, к сожалению, он предстал перед нами, прежде всего, как член Политбюро ЦК КПСС, воплощение официальной коммунистической позиции, и поэтому многие наши нападки были направлены против него. Теперь же, задним числом, надо отдать дань справедливости: А. Яковлев в качестве председателя комиссии сделал абсолютный максимум для того, чтобы наличие секретного протокола ПМР более не отрицалось и он был признан недействительным. Большого, на тот момент, очевидно, добиться было невозможно, что бы мы по этому поводу ни думали. Вспоминаются два момента. Во-первых, именно А. Яковлев подготовил вступительное слово, предварившее представленный II Съезду народных депутатов проект постановления – сдается мне, что это был вообще самый интеллигентный текст, который в том зале когда-либо звучал. Мало того, – в конечном итоге именно А. Яковлев после первого провалившегося голосования, все-таки провел постановление. И, во-вторых, А. Яковлеву самому пришлось заплатить за это немалую политическую цену. М. Горбачев столкнул его с политической арены, и до сегодняшнего дня ему не могут простить, что он возглавлял комиссию по ПМР.

4. Один из аргументов был настолько банален, что нет никакого смысла обсуждать его, однако, к сожалению, он сыграл достаточно весомую роль. Уже чисто логически трудно опровергнуть такой «аргумент», как «я не видел». Даже после блестящего выступления А. Яковлева почти сразу же возник какой-то ветеран войны, который так и заявил: я этого секретного протокола не видал, и вообще все это чушь. Ну что ты на это скажешь! И другой «аргумент»: зачем все это обсуждать? Что будет, если признать этот пакт? То есть, на жаргоне съезда: послужат ли выводы комиссии укреплению нового Советского Союза или нет? Если послужат укреплению – признаем, если нет – скроем. Знакомо, не правда ли? Эта мысль присутствует уже у Ленина: не то важно, какова правда, а то – кому она выгодна.

Из серьезных аргументов фактически в ходу был только один, а именно, то, что касалось связи 1940 года и ПМР. И именно это требовало самой серьезной работы. В том, что такая связь имеется, для нас ничего нового, непривычного не было, однако соответствующую аргументацию во многом еще только предстояло выстроить. Этой работой занимались ученые в Тарту и Таллинне, особенно в ходе различных научных конференций, на которых выступали Юри Ант, Хейки Линдпере, Эрик Труувяли, Сулев Вахтре и многие другие. Да простят меня те, кого я не упомянул, я ведь в то время был в Москве.

Со стороны центра экспертов, в сущности, не было, за исключением одного – заведомо ЦК КПСС Валентина Фалина, историка по специальности, защитившего докторскую диссертацию как раз по этому периоду. С ним мы чаще всего расходились в интерпретациях. Тут важнейшим подспорьем оказалась проделанная Э. Липпмаа фактологическая работа, благодаря ей каждому аргументу противопоставлялся контраргумент, и ни один выдвинутый противной стороной факт или аргумент никогда не оказывался для нас сюрпризом. Интеллектуальная дуэль Э. Липпмаа и В. Фалина явилась для меня, пожалуй, самым сильным чисто научным впечатлением в моей жизни. Противники были достойны друг друга, и тем ценнее победа Э. Липпмаа. Что до остальных представлявших центр экспертов, то они были такого калибра, что я теперь и не упомяну больше, кто такие они были. Да, сидели там вдоль стены, но что говорили и кто такие были... не помню.

5. Тот проект постановления, что был готов к концу августа, родился так: как-то после одного полуофициального заседания Э. Сависаар сказал, мол, спорить-то мы спорим, а пора бы уже что-нибудь изложить и на бумаге. Благодаря ему мы познакомились и с московским историком, доктором исторических наук Василием Кулишом, с которым мы отправились в мой номер в гостинице «Москва» и набросали в записной книжке первый вариант заключения комиссии. К следующему заседанию он был перепечатан в нескольких экземплярах, и мы стали потихоньку продвигать дело в направлении тезисов, что были у нас записаны уже раньше. В какой-то момент мы с Юрием Афанасьевым встали и сказали: дело обстоит так, что если нам дадут сейчас минут 20, то проект заключения будет готов. Надо было учесть несколько формулировок из проекта Х. Линдпере и Э. Липпмаа и вычеркнуть лишнее в нашем. По составленному таким образом проекту «прошлись» еще раз, а последний штрих внесли Э. Липпмаа и В. Фалин, вот так он и был завершен. Особенно ценна была подпись В. Фалина на том августовском окончательном варианте, она дала нам возможность заявить, как на самом деле

обстоят дела: комиссия свою работу завершила. Но, очевидно, произошла какая-то неувязка: едва ли человек с опытом В. Фалина приложит свою руку, не будучи уверен в исходе дела. Можно было предположить, что и в данном случае М. Горбачев останется доволен текстом и одобрит его публикацию. Но что-то в наших расчетах дало сбой: «вседержитель» «добро» не дал, и можно только строить предположения, почему это произошло. Дальнейшее известно. Единственное, что хотелось бы подчеркнуть: в августе мы действительно сделали все, чтобы решение было принято. Я был последний из членов комиссии, кто еще оставался в Москве. Накануне «Балтийской цепи», часов около шести, когда я ожидал ответа в канцелярии М. Горбачева на посланную на его имя телеграмму комиссии (надо же было узнать, что, в конце концов, думает по этому поводу глава государства, отдохавший на юге), мы с одним из его кремлевских помощников, так и не дождавшись никакого результата, решили: ладно, хватит, пошли по домам.

6. В принципе – нет. Другое дело, конечно, достаточно ли далеко зашли выводы комиссии. То, что записано в постановлении, в общем-то правильно и, строго говоря, комиссия дальше зайти и не могла, ее мандат формально был ограничен всего лишь 1939 годом. Центру ведь было ясно, что если включить в постановление оккупацию 1940 года и признать ее, то тогда получалось, что с юридической точки зрения Прибалтика не входит в состав СССР. «Теория» о том, что, якобы не важно, как заключен брак, по велению ли сердца или же насильственно, развод всё равно должен быть оформлен судом – эта теория родилась позже. Конечно, то, чего мы добивались, касалось уже 1940 года, и это было почти безнадежно. Мы пытались сохранить комиссию и после принятия постановления, и предоставить ей возможность заниматься далее событиями 1940 года. Но это посчитали чрезмерным. А потом уже надвинулись новые дела, так что пробивать эту идею больше не было смысла. Что нам с этого, если в конечном итоге, мы сами в своих республиках вынесли все оценки на самом высоком государственном уровне и если путь к независимости в самих республиках с юридической точки зрения уже открылся.

7. Не думаю, что была вообще какая-то единая тактика. Приближение годовщины только выявило противоречия и разногласия, все время существовавшие в высшем руководстве СССР. М. Горбачёв просто предоставил А. Яковлеву заниматься комиссией до тех пор, пока до реального результата – заключения комиссии – было еще далеко. Очевидно, он также рассчитывал на то, что весьма искушенный в политике функционер и достаточно компетентный историк В. Фалин сможет предотвратить появление

чересчур крайних, на его взгляд, оценок. Поэтому поначалу все продвигалось вполне благополучно. Однако к середине августа дело неожиданно для центра стало обретать конкретность, а М. Горбачев к этому времени еще не определился со своим решением. Удивительно, что внезапное упорство М. Горбачева явилось неожиданностью и для А. Яковлева (который не имел ничего против того, чтобы заключение было быстро подготовлено и даже опубликовано, хотя впоследствии ему и пришлось выступить против его публикации) и для В. Фалина (который даже поставил под проектом свои инициалы). Я, конечно, не знаю, было ли то чьей-то личной чертой характера или это вообще был свойственный Кремлю стиль, но именно тот эпизод выявил обстоятельство, с которым мы и потом неоднократно сталкивались (особенно в связи с последовательной практикой проваливания проектов экономической реформы): вопросом можно заниматься до тех пор, пока все остается на уровне разговоров, но едва доходит до конкретного дела, как все стопорится. Можно бесконечно рассуждать о правовом государстве, суверенитете, рыночной экономике, новом мышлении... но только при условии, что ничего не изменится и старая система сохранится в неприкосновенности. Мы за свою наивность поплатились уже тогда, в 1989 году. Прискорбно видеть, что умные, куда умнее нас, головы на Западе лишь сейчас начинают постигать искусство разумной предосторожности в своих отношениях с руководством КПСС.

8. Строго говоря, возможно, то заявление и пресс-конференция не были такой уж честной игрой—была же комиссия и выбранный ею председатель, который должен был бы выступать от ее имени. Но как я уже сказал, та игра, что велась против нас, тоже была далека от игры по-честному. Пресс-конференция и заявление были просто вынужденным ходом, и, в конечном счете—ходом необходимым и точным. Поди знай, сколько все это тянулось бы еще, не будь этого заявления. И еще – канцелярское словосочетание «квалифицированное большинство», к сожалению, не раскрывает того обстоятельства, что большинство действительно было значительное – 5/6.

9. Вот этого я действительно не знаю. Дело в том, что на том самом последнем заседании комиссии я просто не присутствовал, в то же самое время мне надо было быть в другом конце Кремля на другом собрании, где других представителей Прибалтики не было. Что же касается II Съезда, то одной его важной отличительной чертой была совершенно небывалая манипуляция выступлениями и документами. Руководил секретариатом съезда партийный лидер из Одессы Георгий Крючков (не путать с шефом КГБ, его последним председателем В. Крючковым) – бюрократ и мелочной манипуля-

тор в самом плохом смысле этого слова. Я имел «честь» неоднократно конфликтовать с ним в комиссии по подготовке закона о конституционном надзоре, и я знаю, что говорю. Угодливый в отношениях с начальством и заносчивый с подчиненными, готовый на любой подлог, и «штучки» Г. Крючкова могли нам, к сожалению, дорого обойтись. Вот несколько примеров.

В соответствии с регламентом работы съезда для того, чтобы размножить какой-нибудь материал через секретариат (для раздачи депутатам *Прим. ред.*), нужно было заявление, подписанное по крайней мере 20 депутатами. Г. Крючков же самовольно позволил размножить для съезда материал «интергов» (Интердвижения *Прим. ред.*) о том, как прибалтийские государства добровольно и радостно вступили в Советский Союз, причем на этом заявлении стояло только пять подписей! Когда дело обнаружилось, Г. Крючков стал утверждать, что это коллективное решение секретариата. Оставим в стороне то, что в компетенцию секретариата не входит изменение регламента съезда, но даже этот разговор про коллективное решение оказался бесстыдной ложью. Например, Хардо Аасмяэ даже не слышал о нем, а заместитель Г. Крючкова в секретариате демократ С. Станкевич прямо сказал, что руководитель секретариата лжет. Не знаю, чем это могло бы закончиться, но А. Лукьянов его в тот раз спас, переведя разговор на другое. (В то же время этот же самый Г. Крючков не размножил материал за 20 подписями, представленный по какому-то другому вопросу депутатом А. Оболенским – помните, он конкурировал с Горбачевым во время выборов на I съезде.⁶¹)

Случилась еще одна неприятность. Как раз перед первым выступлением А. Яковлева об окончательных выводах комиссии в фойе Дворца съездов появилась своеобразная выставка, призванная подтвердить тот самый тезис о «добровольном вступлении» Эстонии и других прибалтийских стран в 1940 году в «братскую семью народов», т. е. в СССР. Когда Э. Липпмаа указал на это, ему не дали говорить, но, тем не менее, по чьему-то распоряжению выставку убрали (так же тихо, как она появилась). Как водится, не нашлось никого, кто знал бы, каким образом эта выставка там появилась, и кто ее без разрешения съезда там устроил. Тут я могу кое-что добавить от себя. Узнав про выставку, я тихонько вышел из зала, но мало что там увидел – ее уже полным ходом снимали. Я скинул пиджак, сунул галстук в карман и, подойдя к одному из

---

61 В ходе выборов на съезде Председателя Верховного Совета СССР, единственным кандидатом на пост которого был М. Горбачев, депутат съезда, инженер из г. Апатиты А. Оболенский, в качестве альтернативы предложил свою кандидатуру. *Прим. ред.*

рабочих, предложил свою помощь – помочь унести один длинный стенд. Мы донесли его до автобуса с военными номерами и загрузили стенд в него. Тут я достал свое депутатское удостоверение и спросил находившегося в автобусе полковника, чей это автобус и кому принадлежит это добро. И тогда он поступил так, как в таком положении настоящий полковник и должен был поступить – он в прямом смысле слова выбросил меня из автобуса и крикнул водителю: «Петя, гони!». И автобус умчался. Номер я запомнил и знаю, что это номер Главного политуправления Министерства обороны СССР. Впоследствии выплыло и то, что подготовил эту «историческую выставку» Центральный музей вооруженных сил. Так что можете себе представить, какого уровня были эти «эксперты», с которыми тоже приходилось сталкиваться, и каковы были их основные аргументы.

10. Скажу только про себя – да, я действительно полагал, что принятие заключения пройдет очень нелегко, да, будучи тесно связан родственными корнями с Россией и русскими, я прекрасно понимал те сомнения и опасения, что испытывали А. Яковлев, Ю. Афанасьев, А. Казанник⁶²... и тем не менее, для меня явилось большим и неприятным сюрпризом, что постановление с первого раза не прошло. Между прочим, это была даже не столько проблема политических пристрастий и соображений, сколько проблема интеллектуального уровня съезда. В этом смысле интеллектуальное, взвешенное выступление А. Яковлева не дошло до тех, кто привык к иному политическому стилю. Но что правда, то правда – многие, для кого эта история с ПМР явилась новостью, серьезно задумались и потом проголосовали должным образом.

Очевидно, необходимо было время, чтобы все эти проблемы многими на съезде были бы поняты и осмыслены. Так что, решение несколько доработать окончательный документ и снова поставить его на голосование на следующий день, было оправданно. Это не изменило первоначального содержания документа, но просто дало дополнительное время обдумать все тем депутатам, которым это требовалось (естественно, никто не надеялся переубедить самых твердолобых). Эти несколько поправок, по существу ничего не изменивших, и на выработку которых была дана целая ночь, мы с Георгием Арбатовым внесли там же на съезде во время перерыва за пустовавшим столом секретариата и спустя три минуты передали А. Яковлеву. Тут же вместе

---

62 На съезде был избран членом Верховного Совета СССР, но заявил об отказе от своего места в пользу Б. Ельцина, который по негласному указанию М. Горбачева, стремившегося положить конец его политической карьере, не был избран в состав Верховного Совета. *Прим. ред.*

с нами А. Яковлев взял на себя ответственность не созывать отдельно комиссию, поскольку поправки были чисто формальными, и по существу ничего не изменили. Так и сделали. На другой день на повторном голосовании документ прошел.

Между прочим, в тот второй день обсуждения А. Яковлев впервые сообщил факт, нам доселе неизвестный: в Министерстве иностранных дел обнаружен некий акт о передаче документов, в котором черным по белому, среди прочих документов, указан и секретный протокол. Этот факт якобы стал известен только на днях. Не уверен, так ли оно было, но не верю, что у А. Яковлева имелись какие-то причины до сих пор скрывать это: заключение комиссии было уже готово, и факт этот ничего уже не менял. Если все так, то можно сказать, что в последний момент сама судьба и удача были на нашей стороне.

11. Не только эти материалы, но вся та огромная работа, что была проделана дома журналистами, историками и юристами, сработала по полной. Статьи Аннели Рыйгас и Томаса Силдама сыграли не меньшую роль, чем то, что сделали члены комиссии и эксперты. Один только недостаток у подготовленных материалов можно назвать – их вечно не хватало. Были люди, бравшие материалы десятками и просившие еще «добавки». Для их размножения и распространения разрешения съезда и не требовалось, они были настолько актуальны, настолько ко времени, что распространялись, так сказать, сами. Без них заключительное слово А. Яковлева прозвучало бы куда слабее. А так каждый смог сам убедиться в том, какие факты стояли за выводами комиссии.

12. Как я уже сказал – в общем да. Для чего это постановление было нужно? Для установления исторической истины? Конечно же, нет – она давно уже была известна. Что было более чем странно в работе нашей комиссии, так это то, что в научном плане она не имела никакой ценности: что толку спорить и рассуждать о том, что Земля круглая. И никто, наверняка, не был столь наивен, чтобы полагать, будто тотчас после признания ПМР СССР с миром расстанется с нами.

Думаю, что признание Советским Союзом пакта Молотова–Риббентропа должно было стать тем политическим отправным пунктом, от которого в дальнейшем можно пойти дальше по пути восстановления независимости Эстонии. Это основание, которое может стать исходным пунктом нормального политического диалога. (Другая юридическая возможность – признание Советским Союзом права народов на самоопределение, никогда не была реальной: если не считать некоторых ленинских лозунгов, коммунисты соглашались на самоопределение лишь тогда, когда военные

или экономические власти уже не способны были его предотвратить. Взять хотя бы куда более мягкий и демократический случай – Югославия. Что уж говорить о Советском Союзе!).

И еще – к концу 1989 года между нами и Москвой накопилось столько разногласий, что постепенно дело могло стать политически рискованным. И ликвидация хотя бы одного из этих разногласий должна была помочь (и помогла) нашим политикам дома потихоньку продвигаться вперед. Я не хочу сказать, что признание Москвой существования секретных договоренностей ПМР явилось каким-то определяющим событием, но шагом на пути к нашей независимости оно было. Затем последовало все остальное – наш переходный период, независимость Литвы, демократические выборы и т.д. И в конечном итоге, именно в связи с работой этой комиссии родилась и та прекрасная акция – «Балтийский путь», то новое повседневное чувство прибалтийской солидарности, которое нам следует постараться сохранить и впредь. Вслед за «Балтийской цепью» последовало и то гнусное заявление ЦК КПСС, угрожавшее «решительными мерами», которое должно было показать всем нам, каков наш противник и на что он способен... Да будет то заявление для нас постоянным предостережением: пока существуют силы, стоявшие за ним, мы тоже во имя своих идеалов должны быть готовы к взвешенным и продуманным действиям и всегда быть открыты для диалога с нашими союзниками, друзьями и единомышленниками во всем Советском Союзе.

13-й вопрос, заданный Игорю Грязину в апреле 2009 года: «Как сегодня, спустя 20 лет, вы оценили бы результаты работы той комиссии в связи с восстановлением независимости Эстонской Республики в 1991 году?»

Полагаю, что интервью, данное мной Хейки Линдпере в 1991 году, само стало крохотным фрагментом в большой истории ПМР, и ничего в нем менять нельзя. Но поскольку прошедшие годы и пережитые события сделали нас умнее, то несколько новых замечаний летом 2009 я все же добавлю.

Во-первых, ушел от нас стоявший за разоблачением пакта Молотова–Риббентропа самый влиятельный лидер Советского Союза, большой ученый, политик и человек – Александр Яковлев, который в благодарность за помощь в деле восстановления государственной независимости Эстонии лично для себя попросил въездную визу в Эстонскую Республику, о возможности выдавать которую тогда еще только можно было мечтать. В действительности это подтверждало: официальный идеолог Советского Союза, чья должность, казалось бы, предполагала нечто совершенно

противоположное, твердо верил в возрождение эстонского государства и делал все от него зависящее, чтобы эта мечта исполнилась. Юхан Ааре был одним из последних, кто брал интервью у Яковлева, прежде чем Александр Николаевич ушел от нас в Тоонела⁶³ (Я не случайно прибегнул к образу из эстонской мифологии, потому что верю – место этого человека среди душ эстонцев.) В том интервью А. Яковлев открытым текстом сказал (фильм «Эстонцы в Кремле» – производство студии «Eesti Kultuurfilm», 2006), что ему и его команде с самого начала было ясно, что аннулирование ПМР означает восстановление независимости трех прибалтийских государств. Причем – юридически совершенно грамотно, поскольку их присоединение к Советскому Союзу было аннексией.

Все политические усилия А. Яковлева были направлены на то, чтобы этого не поняла та масса, которую представлял собой тогда Съезд народных депутатов СССР, насчитывавший более чем две тысячи депутатов.

По правде говоря, я был оскорблен тем, что А. Яковлев, демократ до мозга костей, не до конца доверял нам – народным депутатам от Эстонии. Однако я понимаю, что лично мы рисковали значительно меньше, чем он. По аналогии с бывшим СССР – нам могло грозить 25+5⁶⁴, а А. Яковлеву – пыточная камера внутренней тюрьмы КГБ. А. Яковлев даже назвал дату, когда он понял, что его охрана превратилась в конвой, контролирующей ээка...

Годы спустя – в конце 1990-х – мы встретились с ним, и тут выяснилось, что А. Яковлев располагал козырями в пользу аннулирования секретных протоколов ПМР, которые он любой ценой старался сохранить при себе (close to the waist, как сказал он – человек, получивший образование в США).⁶⁵ Хотя остальное теперь известно (секретные протоколы нашлись в коричневом конверте), в тот момент было важно признать тот факт, что эти секретные протоколы существовали. Ведь именно это и отрицали, в том числе и М. Горбачёв, осведомленный об их существовании (в коричневом конверте, который передавали от одного генерального секретаря КПСС другому... вернее, похоронная комиссия предыдущего генсека передавала его новому генеральному). А. Яковлеву же был известен факт, который все это разоблачил бы: он знал, что еще жив Валентин Бережков, переводчик И. Сталина и В. Молотова, который

---

63 В эстонской мифологии – загробный мир.

64 Нарцательное выражение, обозначающее 25 лет заключения в лагере и 5 лет поражения в политических правах. *Прим. ред.*

65 Во время обучения А. Яковлева в 1956–1959 гг. в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС на кафедре международного коммунистического и рабочего движения, он проходил стажировку в Колумбийском университете в 1958–1959 гг. *Прим. ред.*

собственными глазами с расстояния в несколько метров наблюдал процедуру подписания секретных протоколов.

Политическая игра А. Яковлева была настолько рискованной и сложной, что он сообщил мне адрес и телефон В. Бережкова и посоветовал пригласить его в Таллинн на конференцию по ПМР, однако не сообщил мне, что в действительности знает В. Бережков! Между прочим, на соответствующий вопрос В. Бережкову – был ли он Кремле во время подписания ПМР – в тот раз, когда мы вместе летели из Москвы в Таллинн, он не ответил. И это сегодня тоже понятно... у него были основания опасаться за жизнь своих детей. Так оно и случилось: некоторое время спустя его 24-летний сын был убит при невыясненных обстоятельствах, а сам В. Бережков вынужден был уехать в Калифорнию, где устроился преподавателем политологии в университетах Калифорнии ... Там никто понятия не имел, что это человек, у которого дома в Москве висели на стене его фотографии со Сталиным, Гитлером, Чемберленом...

Таких историй можно рассказать немало. Но хотелось бы подчеркнуть: наши московские коллеги и сочувствовавшие нам помогли Эстонии обрести свободу, рискуя по тем временам очень многим. И физически и этически.

И хотя А. Яковлев относился к Б. Ельцину не слишком хорошо (один – доктор наук, другой – партийный деятель, бывший прораб), его уязвляло, что Эстонская Республика так и не сочла нужным наградить Б. Ельцина. А. Яковлев сказал: «Во времена Брежнева А. Рюйтелю пристало состоять с ним в одной партии, а президентом ему не пристало знаться с пенсионером Б. Ельциным». Как же мог А.Яковлев безгранично доверять нам, если среди нас были и «рюйтели»?

Другая тема, которая фактически обнаружилась лишь годы спустя. А именно: зачем И. Сталину потребовались территории прибалтийских государств? Простая территориальная экспансия? Абсурд. СССР располагал огромной неосвоенной Сибирью с практически безграничным спектром и объемом полезных ископаемых. Демонстрация своего политического «Я»? Но перед кем? Тем более что официальным курсом внешней политики СССР был нейтралитет в случае каких бы то ни было конфликтов между «империалистическими державами». Контроль над прибалтийскими портами? Но зачем? Ведь Россию так или иначе связывали с прибалтийскими государствами свободные транзитные соглашения.

Словом, нам в свое время послужило бы подспорьем в качестве косвенного доказательства знание того, что секретные протоколы ПМР имели четкий и внятный политический смысл. Сталин не был сумасшедшим, и в отличие от всех остальных европейских лидеров он не совершал ошибок (если не считать одной, но об этом потом). Для

этого понадобилось познакомиться – при посредничестве Б. Ельцина и его литературного агента Эндрю Нюрнберга – с одним из самых романтических и легендарных бывших русских шпионов Виктором Суворовым. До нашей первой личной встречи в лондонском пабе «Pride of Paddington» я был в курсе основной идеи теории В. Суворова: Сталин готовился покорить Европу во имя осуществления мировой коммунистической революции! Датой нападения СССР на Германию было назначено 6 июля 1941 года. Удар, нанесенный Гитлером по СССР, явился отчаянным превентивным шагом.

Так все-таки, зачем?

И именно бывший советский военный разведчик, а сегодняшний свободный британский подданный Виктор Суворов (настоящее имя Владимир Резун) дал ответ на этот вопрос: для экспансии И. Сталину требовалось создать плацдарм для наступления на Германию и Румынию. Существование Польши не позволяло напасть на Германию – нет общей границы. И эту границу потребовалось создать. Этому и послужили секретные протоколы, которые привели Сталина к непосредственному контакту с Германией – причем на территории Польши.

Н. Хрущев вспоминал, что едва И. Риббентроп вышел из кабинета после подписания секретных протоколов ПМР, как всегда сдержанный Сталин, хлопнул себя по ляжкам и пустился вприсядку, воскликнув: «Обдурил! Гитлера обдурил!» Запросить себе при разделе Европы только Польшу выглядело бы подозрительно. Но вкуче с прибалтийскими государствами – более или менее логично. Тем более, что вслед за оккупацией Эстонии, Латвии и Литвы и советско-финской Зимней войной просматривался план, пусть и не зафиксированный на бумаге, захватить Швецию с ее стратегическими запасами металлических руд.

Гитлер осознал исходящую от Сталина смертельную опасность для Европы случайно и слишком поздно, когда Сталин под прикрытием ПМР прибрал к рукам Бессарабию (Молдавию). Согласно откровенному разделу Европы между Сталиным и Гитлером в этом не было никакой необходимости, да и договоренности такой не было.⁶⁶ И, захватив Бессарабию, Сталин совершил единственную свою, но зато роковую ошибку: Гитлер понял, что Сталин замышляет нанести удар по Румынии, чтобы отрезать Германию от ее единственного источника нефти. И отдал приказ в срочном

---

⁶⁶ В соответствии с секретным протоколом ПМР Бессарабия отходила в «сферу интересов» СССР, о чем недвусмысленно свидетельствует пункт третий протокола: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». *Прим. ред.*

порядке разработать план превентивного нападения на Советский Союз – план «Барбаросса». Он слишком поздно осознал, что Германия войну проиграла – в момент подписания пакта Молотова–Риббентропа, позволившего Сталину выдвинуться к самым границам Германии.

Третья интересная и лишь поначалу кажущаяся странной тема: а что произошло бы, выиграй И. Сталин благодаря ПМР вторую мировую войну? Годы человеческой трагедии разорили бы большую территорию и больше народов, чем это случилось реально после 1945 года. Однако, если учесть, что демонизированный историей Л. Берия сразу же после смерти И. Сталина попытался либерализовать отношения с т. н. социалистическими странами (предложил, например, отказаться от курса на построение социализма в ГДР, выступал за объединение ГДР и ФРГ и создание нейтрального демократического германского государства); сумел обеспечить технологический прорыв на порог XXI века – в результате работ, начатых Берия, родилась самая передовая по тем временам космическая программа, ученые и конструкторы, работавшие в программах, которые он курировал и бывшие на положении полузаклученных, создали водородную бомбу и чертежи суперистребителя по технологии, предшествовавшей современной технологии «Стелс». Бессмысленно и аморально было бы утверждать, будто реализация секретных протоколов ПМР по советским схемам имела бы положительные последствия для Европы, но факт и то, что их осуществление в конечном итоге привело бы к совсем другой Европе. Все зависело бы от того, как сложилось бы преемство власти в США и Советском Союзе. Авантюрного склада Д. Кеннеди⁶⁷ мог бы противостоять председатель Президиума Верховного Совета Европейского ССР Шарль де Голль⁶⁸, и опасности третьей мировой войны не было бы. Генерал Франсиско Франко⁶⁹ в качестве секретаря ЦК КПСС по идеологии, будучи по духу своему гуманистом, по крайней мере, обеспечил бы свободу слова и убеждений значительно раньше, чем это фактически случилось в Европе и Советском Союзе. (Франко – единственный руководитель государства в Европе, создавший непосредственно подчиненную лично ему военную структуру с целью защитить попавших под угрозу нацизма евреев и спасти европейские культурные ценности и деятелей культуры⁷⁰;

---

67 Президент США с января 1961 г. по ноябрь 1963 г.

68 Президент Франции в 1959–1969 гг.

69 Правитель Испании с 1939 по 1975 гг.

70 Опираясь на закон от 1924 г., согласно которому потомки испанских евреев, изгнанных из страны в 1492 г., имели право на испанское гражданств, Ф. Франко приказал представительствам Испании в Европе выдавать евреям документы, подтверждающие их испанское гражданство, что позволило спасти от уничтожения несколько десятков тысяч европейских евреев. *Прим. ред.*

социальные реформы Франко простирались дальше, чем реформы чехословацких коммунистов в 1968 году.) О, нет – я утверждаю здесь только лишь то, что теперь, когда кровавые последствия секретных протоколов ПМР во многом прекратили существование, они продолжают по-прежнему представлять для нас интеллектуальный интерес. В том числе и как теоретический эксперимент, при условии, что все произошло бы именно так, как задумывала более коварная сторона из участников ПМР, т. е. Сталин.

Не могу согласиться с утверждением, что история не знает сослагательного наклонения и не оперирует словами «если бы» и т. п. Сама история не знает, но обществоведы–историки знают. Знание того, что наша фактическая история всего лишь один вариант из сотен возможных, дает нам слабенькую надежду на то, что мы научимся уже в сегодняшнем дне видеть преимущества разных вариантов своего будущего. Этой ценности теоретического предвидения мы тогда в секретных протоколах ПМР не сумели увидеть. И, слава богу.

И последнее замечание *post-factum*. В марте 2009 года новые русские коммунисты вышли на улицы с издевательским лозунгом «Путлер – капут!», скомбинировав из «Путина» и «Гитлера» новое имя и воспользовавшись фразой, знакомой нам по самым плоским советским пропагандистским фильмам (Например, в фильме «Сталинградская битва» фельдмаршал Ф. Паулюс (*sic!*) выходит из бункера с поднятыми руками и весело восклицает: «Гитлер – капут!») Поразительна не остроумная идея, а болезненная реакция на нее путинского режима: начать уголовное дело против авторов плаката.⁷¹ Похоже, что плакат задел за что-то очень важное, сущностное. (День спустя наши собственные школьные руководители–в Мустямяэской реальной гимназии–начали оголтелую кампанию против молодого человека, который попросил российского посла не вмешиваться в дела эстонских школьников.) Для понимания убеждений и взглядов вохры (военизированной охраны) сегодняшнего российского режима стоит вспомнить ставшую расхожей фразу о том, что **распад Советского Союза явился величайшей геополитической катастрофой XX века.**⁷²

Вот так урок! Если В. Путин, которому Советский Союз не дал ничего, и которому независимая Россия дала все, находит, что случившееся – это катастрофа, то наша

---

71 В апреле 2009 г. Владивостокская прокуратура вынесла предупреждение о недопустимости нарушения закона Приморскому крайкому КПРФ за использование в ходе митинга 31 января 2009 г. плаката с надписью «Путлер капут!». *Прим. ред.*

72 Выступая 25 апреля 2005 с обращением к депутатам Федерального собрания России, Владимир Путин назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века». *Прим. ред.*

исподволь продолжающаяся борьба против секретных протоколов ПМР еще не окончена. Советский Союз подарил Володе Путину детство в окружении шпаны и неблагодарную службу сексота («топтуна»⁷³)... И, тем не менее, он жаждет его восстановления. Не искушенный в настоящих разведдействиях В. Путин сходу вербует вчерашнего германского канцлера Г. Шрёдера, чтобы в классическом духе ПМР приступить к разделу Польши. (Газопровод «Северный поток» лишен какого бы то ни было иного смысла, кроме как изолировать Польшу от Европы. Если бы дело действительно заключалось в поставках газа, то газопровод вполне можно было бы проложить за Чудским озером по суше через территорию Польши.) Словом, товарищи В. Молотов и И. Риббентроп, ваша жизнь прожита, но дело ваше бессмертно... К сожалению.

Гитлер до этого не додумался...

Бессарабия разоблачила...

---

73 Сексот (сокращение от секретный сотрудник). Выражение, скорее всего, происходит из профессионального сленга сотрудников советских специальных органов и означает нелегального сотрудника этих органов, осведомителя и, одновременно, оперативного сотрудника; «топтун»—также на сленге обозначает сотрудника, занимающегося оперативно-поисковой работой. *Прим. ред.*

Эндель Липпмаа (1989)
Фото из архива Ээсти Филм

Эндель Липпмаа

СОВМЕСТНЫЙ ПРОТОКОЛ СТАЛИНА И ГИТЛЕРА

Обсуждению заключенного 23 августа 1939 года секретного советско–германского протокола предшествовала поучительная предыстория. К 1939 году в Европе сформировались две державы, претендовавшие на мировое господство. Вскоре обеим стало ясно, что проще расширить свои территории за счет третьих государств, чем воевать друг с другом, и на исходе весны 1939 года началось их взаимное сближение с целью передела мира. Германия в первой мировой войне потеряла все свои колонии и вдобавок еще и восточные территории, связанные с «польским коридором».⁷⁴

---

⁷⁴ «Польский коридор» или «Данцигский коридор»—польская территория, включавшая Поморское воеводство Польши, сформированная из территорий, ранее принадлежавших Германии, переданных Польше по Версальскому мирному договору, и отделявшая Восточную Пруссию от основной территории Германии. *Прим. ред.*

Россия лишилась своих западных территорий, всех тогдашних прибалтийских государств от Финляндии до Литвы, всей Польши с Варшавой и Бессарабии. Как водится, проигравшие жаждали реванша и искали себе союзников.

Попытки Советского Союза сблизиться с Англией и Францией потерпели неудачу, так как добиться от них согласия на ввод частей Красной Армии в прибалтийские государства, а также в Польшу и Румынию не удалось. Представители западных государств покинули Москву 15 августа 1939 года, и в тот же день начался диалог диктаторов, в котором соперничали две идеологии мирового господства, одна исходила из классовой теории, другая – из расовой. 17 августа 1939 года в Москве между наркомом иностранных дел СССР и послом Третьего рейха состоялось серьезное обсуждение нового договора о сотрудничестве, диалог стенографировал В. Павлов. Обсуждались экономические, финансовые, военные и территориально-политические вопросы, а также договор о ненападении, причем вопрос о вводе войск в прибалтийские государства обсуждался по инициативе Советского правительства. В. Молотов подчеркнул, что территориально-политические вопросы, поднятые германской стороной 15 августа, не могут быть названы в открытом тексте договора о ненападении, а должны содержаться в отдельном секретном протоколе к нему. В. Молотов также подчеркнул, что все эти позиции согласованы с тов. И. Сталиным. Посол В. Шуленбург подчеркнул, что германская сторона испытывает большие затруднения в связи с дополнительным протоколом, на котором настаивает Советское правительство, о конкретном содержании которого у германской стороны данные отсутствуют. Он попросил советскую сторону представить хотя бы эскиз протокола.

Германская сторона попыталась ограничиться устными договоренностями относительно того, как поделить жертв предстоящей агрессии, однако подозрительные и осторожные власти Советского Союза всегда требовали подписания письменных секретных протоколов. Причем был выработан совершенно новый дипломатический язык: регионы будущей аннексии обозначались, как «сферы интересов», «сферы влияния» или «зоны прохождения войск». Вскоре был создан и общий враг договаривающихся сторон – плутократия, карикатурным воплощением которой стал толстый лондонский банкир из евреев в белых гетрах.

Уже 19 августа 1939 года в Москве был готов договор о ненападении из семи статей который представлял собой обновленный договор о нейтралитете 1926 года, причем в посланной в Берлин соответствующей телеграмме в постскрипуме стояло требование подписать вместе с договором вышеупомянутый совершенно секретный дополнительный протокол, фиксирующий внешнеполитические цели договаривающихся

сторон (см. Приложение 2). В ответной телеграмме И. В. Сталину А. Гитлер подчеркнул, что все вопросы, поднятые Советским правительством в связи с дополнительным протоколом, могут быть быстро разрешены на проходящих в Москве переговорах полномочным представителем Германии. Он попросил принять представителя германского рейха во вторник 22 августа или, в крайнем случае, в среду 23 августа. И. В. Сталин незамедлительно ответил на предложение А. Гитлера и в своей ответной телеграмме выразил удовлетворение кардинальным улучшением германо-советских отношений и дал согласие на визит г-на И. Риббентропа 23 августа.

Секретным протоколом от 23 августа 1939 года и последующими протоколами агрессоры поделили между собой всю Восточную Европу от Черного моря до Северного Ледовитого океана, секретным протоколом от 28 сентября были поделены Польша и Литва, а секретным протоколом от 10 января 1941 года СССР выкупил у Германии город Мариамполь и Мариампольский район довоенной Литовской Республики. По предыдущему разделу он отходил Германии под охотничьи угодья И. Риббентропа, однако Красная Армия оккупировала его тотчас после заключения 10 октября 1939 года между Литвой и СССР договора о взаимопомощи.

25 ноября 1940 года В. Молотов представил германской стороне еще пять секретных протоколов, по первому из которых СССР отошла бы территория от Батуми и Баку до Персидского залива (Кувейт), по второму – Босфор и Дарданелы, по третьему – вновь и окончательно Финляндия, а по пятому – Болгария (четвертый протокол с территориальными притязаниями связан не был). Итальянский правитель Б. Муссолини отклонил их, и расширение тройственного пакта Германия–Италия–Япония за счет СССР не состоялось.

Фактически протоколы вовсе не были секретными. Уже утром 24 августа 1939 года, пока фон Риббентроп еще спал, посол В. Шуленбург сообщил второму секретарю посольства Гансу-Генриху Герварт фон Биттенфельду содержание секретного протокола. Как убежденный антиимпериалист тот немедленно передал эти сведения послу США и послам некоторых других государств. Правительствам прибалтийских государств текст стал известен уже к концу августа. Его прокомментировала «New York Times» 28 августа и 15 сентября, «Times» – 11 октября. «Journal American» 24 сентября 1939 года даже опубликовал весь план передела мира вместе с очень четкой точной картой, где все четыре прибалтийских государства отходили Советскому Союзу. В ответ на официальные запросы прибалтийских государств звучала дипломатическая ложь, которую правящая верхушка этих стран, желая скрыть устрашающую правду, не преминула тотчас использовать для успокоения народа, например, в Эстонии эта ложь повторялась вплоть до 18 июня 1940 года.

Как водится, то, что народ держали в неведении, обернулось впоследствии значительными потерями. После второй мировой войны на Нюрнбергском процессе секретные советско–германские секретные протоколы упоминались на заседании 1 апреля 1946 года. Защитник Р. Гесса А. Зайдль задавал вопросы, и фон Риббентроп давал показания относительно всех, как заключенных с Советским Союзом, так и оставшихся незаключенными секретных протоколов. Он подчеркнул, что если считать раздел Европы агрессией, то виновны в этом в равной мере обе стороны. Советский обвинитель генерал Р. Руденко отверг аргументы защиты, отметив «Все мы находимся здесь, прежде всего, для того, чтобы разобраться с преступлениями, совершенными главными немецкими военными преступниками, и, согласно мандату, в нашу задачу не входит расследование политики союзников!». Проигравшие войну преступники были повешены, и вопрос больше не обсуждался. Между прочим, в русском издании материалов Нюрнбергского процесса все это опущено.

Тем не менее, французы уже в 1946-м, а эстонцы (А. Рей) и американцы в 1948-м опубликовали все секретные советско–германские протоколы. С советской стороны последовало яростное отрицание и обвинения в фальсификации истории. Существование секретных протоколов категорически отрицали В. Фалин на пресс-конференции Агентства Печати «Новости» 16 августа 1988 года, эксперты комиссии по ПМР Феликс Ковалев и Олег Ржешевский 1 сентября 1988 года в «Правде», а в апреле 1989-го это сделал бывший министр иностранных дел СССР А. Громыко в журнале «Spiegel».

Однако случалось и иначе. Уже в 1969 году Эстонский освободительный легион (Eesti Vabastusleegion) распространил на приеме в посольстве СССР в Вашингтоне брошюру о пакте Молотова–Риббентропа, содержащую тексты всех секретных протоколов. 23 августа 1986 года в Германии был проведен первый День черной ленты, а год спустя, 18 августа 1987 года сенатор США Дональд В. Ригл (Donald W. Riegle) обратился с письмом к М. Горбачеву по поводу необходимости аннулировать эти самые секретные протоколы. Такого же содержания письма послали и члены Палаты представителей Конгресса США Дан Риттер (Dun Ritter) и Деннис Хертель (Dennis Hertel) 29 июня 1988 года. В том же 1987 году в Эстонии прошла первая демонстрация группы MRP-AEG (группа по обнародованию пакта Молотова–Риббентропа) в Хирвепарке. Действительно, точно так же, как и в 1939 году, эти секретные документы были в Эстонии известны еще далеко не всем. Достаточно многочисленная демонстрация MRP-AEG прошла в 1988 году. Назревало время действовать. В то же время было ясно, что без очень сильного давления СССР не признает существования секретных протоколов и тем более – проистекающих из них территориальных изменений.

Подходящий момент действовать появился на Съезде народных депутатов СССР в Москве в конце мая 1989 года, когда все яснее стала вырисовываться прямая причастность высшего руководства СССР к кровавым событиям в Тбилиси. Избранные от Эстонии народные депутаты СССР Ю. Ааре, Х. Аасмяэ, Г. Голубков, И. Грязин, А. Хауг, С. Каллас, Т. Кябин, Т. Лаак, М. Лауристин, Э. Липпмаа, В. Пальм, В. Похла, И. Райг, И. Рауд, В. Саар, Э. Сависаар, Э. Тамберг и Г. Тынспоэг составили проект постановления Съезда народных депутатов СССР об образовании комиссии из 17 депутатов для предания гласности советско-германского договора о ненападении 1939 года и секретных протоколов к нему и вынесения правовой оценки протоколам.

Поскольку, как представитель Эстонии, я сидел в президиуме съезда, то немедленно приступил к соответствующим переговорам с М. Горбачёвым. Тут же, за столом президиума, я разъяснил ему, насколько существенно образование комиссии могло бы помочь ему в столь политически трудный для него момент. Для пущей убедительности я продемонстрировал ему и сам секретный протокол, но не тот, что был составлен немцами, опубликован на Западе и фактически подписан, а тот самый аутентичный проект–эскиз секретного протокола, составленный в Москве на хорошем русском языке, вместе с советско–польским соглашением от 30 июля 1941 года о признании недействительными всех касающихся раздела Польши советско-германских соглашений 1939 года. Это произвело впечатление. М. Горбачёв посоветовался с Э. Шеварднадзе, после чего по этому поводу я держал совет вместе с ним и А. Яковлевым за импортными деликатесами в мягко освещенном зале столовой второго этажа Кремлевского Дворца съездов. Предложение было слишком заманчиво, чтобы отказаться от него, М. Горбачёв выразил согласие, и я зачитал съезду наше предложение. Против предложения немедленно возразил народный депутат В. Яровой, совершенно справедливо отметив, что тогда он окажется как оккупантом, так и колонизатором. Затем И. Грязин зачитал русский текст секретного протокола. Подчеркиваю, не тот, что был фактически подписан, а переданный М. Горбачёву проект русской стороны. Это произвело огромное впечатление как на съезд, так потом и на корректоров стенограммы: то, что напечатано в информационном бюллетене о восьмом заседании Съезда за 1 июня 1989 года (бюллетень №. 8, часть I), это не зачитанный проект, и не фактически подписанный потом текст. Слова по значению совпадают, но почти повсюду их заменяют синонимы, звучащие совершенно иначе. В моих глазах такая предосторожность еще раз подтвердила аутентичность и важность наших текстов.

Затем слово взял М. Горбачёв, который опять выразил сомнение в существовании секретных документов и выдвинул свой ставший знаменитым «аргумент»: не может

такого быть, чтобы В. Молотов подписался «немецкими буквами». Он также отрицал какую бы то ни было связь секретного протокола с оккупацией прибалтийских государств и присоединением их к Советскому Союзу. М. Горбачёв предложил назначить председателем создаваемой комиссии А. Яковлева и внес предложение расширить комиссию, включив в нее специалиста, бывшего посла В. Фалина (В. Фалин занимал пост посла в ФРГ в 1971-1978 гг. *Прим. ред.*), а также представителей Украины, Белоруссии и Молдавии. Я тут же, за столом президиума, сделал это, и так родилась комиссия из 26 человек, утвержденная 2 июня 1989 года. Состав получился вполне удовлетворительный: 4 представителя от Эстонии, 4 – от Литвы, 3 – от Латвии, 2 – от Молдавии, 2 – от Украины, 1 – от Белоруссии, 1 – от Армении, 1 – от Киргизии, 4 русских демократа и, конечно же, 4 представителя руководства СССР, или центра.

Комиссия начала заседать под председательством А. Яковлева 2 июня. Были образованы четыре рабочие группы: группа документации (Ю. Афанасьев), группа правовой оценки документов (И. Грязин), группа опроса свидетелей (К. Мотека) и группа изучения исторического фона (Э. Липпмаа). А. Яковлев назначил своим заместителем В. Фалина, который должен был уточнить, кто чем занимается, состав и функции рабочих групп и составить план работы всей комиссии. Двумя вторыми заместителями стали Ю. Афанасьев и Э. Сависаар. Следующее собрание назначили на 5 июля. Тем временем В. Фалин должен был обеспечить комиссию всеми необходимыми историческими документами. Этим В. Фалин и занялся, рассылая членам комиссии толстые пачки второстепенных материалов МИДа СССР, из которых были выборочно изъяты все секретные протоколы и прочие важнейшие документы! На заседании 5 июля Э. Сависаар предложил подготовить к 23 августа для Верховного Совета СССР (не для Съезда народных депутатов, который, как известно, мог вносить изменения в постановления Верховного Совета) предложенные И. Грязиным два документа, а именно: декларацию по случаю 50-летия секретного протокола и проект заключения, подтверждающего существование секретного протокола, дающего ему правовую оценку и признающего его недействительным с момента подписания. Но тут же выяснилось, что сделать все это на основании имеющихся документов невозможно. Все козыри были в руках фалинской команды в виде официально заверенных документов, у нас же имелись только газетные статьи, вдохновенные речи и копии выдержек из книг неподтвержденной аутентичности. При таких обстоятельствах я поехал в Америку на международную конференцию в Гордоне по радиоспектроскопии высокотемпературной сверхпроводимости. По ее окончании я пробыл два дня в Вашингтоне и подобрал в Национальном архиве США, точнее, в отделе военных преступлений

второй мировой войны 39 заверенных копий документов, в том числе всех секретных протоколов, договоров и официальные комментарии к ним, опубликованные в печати мемуары тогдашних государственных деятелей Германии, материалы Нюрнбергского процесса, книги по государственному и международному праву, касающиеся прибалтийских государств и советско-германских договоров, книги, а также выписки из полных собраний дипломатических документов США и Германии за 1939 – 1941 гг. В конце июля я проделал такую же работу в Стэнфорде, в «башне Гувера»,⁷⁵ где мне случилось работать бок о бок с бывшим госсекретарем Д. Шульцем (George Schultz) и маршалом С. Ахромеевым.

Теперь уже можно было кое-что предпринять. 11 и 12 июля в Москве в эстонском представительстве прошел серьезный семинар, на котором нам пришлось защищать свои позиции от фальсификаторов истории, выставленных центром: заведующего международным отделом ЦК КПСС В. Фалина, заведующего историко-дипломатическим управлением МИДа Ф. Ковалёва и ряда докторов наук – А. Орлова из Института военной истории, О. Ржешевского из Института всеобщей истории, В. Сиполса из Института истории СССР, А. Чубарьяна, директора Института всеобщей истории АН СССР; а также политического обозревателя журнала «Новое время» Л. Безыменского и консультанта международного отдела ЦК КПСС В. Александрова. В эту команду был приглашен ещё в качестве эксперта заведующий сектором международного права Института государства и права АН СССР Р. Мюллерсон, который, однако, не явился. В списке было помечено, что он (условно) в командировке.

Вся компания оказалась некомпетентной. Представленные документы изучались на языках оригиналов, и только на другой день выяснилось, что понимал их один В. Фалин. Однако и он спокойно выслушал тексты на финском языке, которого не знал и, естественно, не понял ни слова.

Кончилось все благополучно, и мы смогли приступить к выработке окончательного документа. Большинство членов комиссии согласилось с тем, что секретные протоколы существовали, что необходимо признать их недействительными, а также, что и Польша и прибалтийские государства были поделены все-таки согласно этому самому секретному протоколу от 23 августа 1939 года. Поделены с такой точностью, что Советскому Союзу пришлось потом за несколько тысяч квадратных километров литовской

---

75 Библиотека Института проблем войны, революции и мира им. Гувера (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) при Стэнфордском университете, содержащая материалы по войнам XX века и коммунистическим режимам. *Прим. ред.*

земли заплатить немцам миллионы золотых долларов (в нынешних ценах это сотни миллионов). Таким образом, были опровергнуты все контраргументы центра.

Решающее заседание состоялось спустя неделю, 19 июля в кабинете А. Яковлева в здании ЦК КПСС. Предварительно он дал размножить два аргументированных проекта заключения: короткого и более пространныго, в которых даже не говорилось о признании секретных протоколов недействительными (было только моральное осуждение) и даже речи не было об ультиматумах, предъявленных на основе секретных протоколов и военном давлении.

Было еще несколько проектов наших и предложенных русскими демократами, один составленный Х. Линдпере и мною, другой составили И. Грязин и В. Кулиш, было еще кое-что. На основании всех этих проектов стали вырабатывать общий проект, руководил работой Ю. Афанасьев. К концу заседания проект постановления был готов, но нашли, что он еще сыроват, так что окончательная доработка практически единогласным решением была отложена на завтра. Утром 20 июля я вместе с В. Фалиным, который между делом «принял веру в документы», довольно-таки серьезно поработали над ним и получился вполне удовлетворительный текст. В этом тексте было все, что нам требовалось, а именно: признание Тартуского мирного договора действующим, рассмотрение всех заключенных в 1939–1941 годах секретных и конфиденциальных советско–германских протоколов в качестве единого комплекта, признание их не соответствующими международному праву. И что важнее всего—денонсация всех этих протоколов задним числом с момента их подписания. Отмечалось, что эти подлежащие денонсации документы использовались для предъявления ультиматумов и применения силы в отношении третьих государств. Именно последнее, вместе с упоминанием 1941 года, явилось серьезным достижением, которому А. Яковлев противостоял до последнего. Дело в том, что лишь секретный протокол от 10 января 1941 года документально подтверждает, что под сферами влияния понимались именно регионы, подлежащие дальнейшей аннексии, регионы, которые новые владельцы могли продать и купить.

20 июля документ завизировали все пять составителей, а именно: В. Фалин, Э. Липпмаа, Ю. Афанасьев, М. Лауристин и И. Грязин. А. Яковлев согласился с содержанием документа, однако подчеркнул, что без разрешения Политбюро и лично М. Горбачёва не может не только подписать, но и завизировать ни один документ. Разрешения, естественно, не было, и возникло препятствие, но не слишком серьезное. Без ответа остался и посланный мною факс М. Горбачёву (датирован 9. 08. 89) с просьбой от имени комиссии предпринять что-то положительное до 23 августа 1989 года. Было ясно,

что центр не желает форсировать и без того весьма стремительные преобразования в Восточной Европе. Особой спешки с этим, по правде говоря, не было, ведь от явно ошибочного плана поставить документ на голосование в Верховном Совете СССР между делом отказались. Во-первых, Верховный Совет значительно консервативнее съезда, и, во-вторых, съезд может потом изменить постановление Верховного Совета, чего не может сделать Верховный Совет. А съезд должен был собраться только в конце года.

Но чтобы все-таки не терять время и очень благоприятный для нас документ, мы разослали 9 августа всем членам комиссии наш проект постановления за пятью подписями, попросили подписать его и вернуть подписанный документ мне на адрес Института химической и биологической физики АН ЭССР в Таллинне. К 22 сентября набралась уже 21 подпись, т.е. более $\frac{3}{4}$ состава комиссии. Учитывая регламент съезда народных депутатов, большего квалифицированного большинства и не требовалось. Комиссия не является для своего председателя совещательным органом. Она принимает решение большинством голосов, и не имеет значения, «за» председатель или «против». Поскольку тем самым комиссия фактически завершила свою работу, последовала публикация принятого текста («Vaba Maa», № 14, август 1989 г., «Аргументы и факты», № 32, 1989 г.), а 29 сентября в Москве в Московском государственном историко-архивном институте по инициативе демократически настроенного ректора института Ю. Афанасьева была проведена пресс-конференция для советских и иностранных журналистов. Резонанс ее по сравнению с акцией «Балтийский путь» был, естественно, слабее, тем не менее, требовалось постоянно поддерживать в меру дозированное влияние на мировую общественность, чтобы подготовить почву к голосованию в конце года на Съезде народных депутатов. Существенное влияние имело также выступление В. Фалина по телевидению ФРГ, когда он уже 23 июля 1989 года подтвердил фактическое существование всех секретных протоколов. Таким образом, с июля 1989 года и вплоть до декабря ни о каком безнадежном положении говорить не приходится. Преждевременное полуофициальное одобрение вместе с последующими шагами прибалтийских республик могло бы заблокировать принятие постановления Съездом народных депутатов, а поддержка съезда была для нас намного важнее, чем личное согласие М. Горбачёва.

Здесь следует подчеркнуть, что основной вопрос никогда не заключался в секретных протоколах как таковых. Как в 1989 году, так и теперь, основной вопрос состоит в том, вступили ли прибалтийские государства в Советский Союз согласно волеизъявлению своих народов или же они были присоединены насильственно, как следствие заключения секретных протоколов 1939 года. В этом отношении позиция

органов власти СССР не претерпела изменений, начиная с 1940 года: все они твердят, что связи никакой нет, и 50-летие ПМР 23 августа 1989 года не привнесло никаких перемен.

Тезис о добровольном, основанном на законных выборах, присоединении к Советскому Союзу Советское информбюро выдвинуло в Лондоне уже в 1941 году. И это продолжалось десятилетиями. Масла в огонь подлило угрожающее заявление ЦК КПСС, опубликованное 28 августа 1989 года в «Правде», в котором перенесение результатов секретного протокола в сегодняшний день ставило под вопрос дальнейшее существование народов прибалтийских стран.

На отсутствии какой бы то ни было связи между секретными протоколами и вступлением прибалтийских государств в Советский Союз в своей статье в журнале «Советское государство и право» № 9, за 1989 г., очень выразительно настаивал Р. Мюллерсон, немного позднее ставший, на непродолжительное время, заместителем министра иностранных дел Эстонской Республики. Неизменность своих взглядов он вновь подтвердил в интервью, данном газете «Postimees» 19 июня 1991 года. В своем докладе комиссии по ПМР (14 октября 1989 г.) Р. Мюллерсон назвал юридической безграмотностью всяческие утверждения о наличии связи между вступлением трех прибалтийских республик в Советский Союз с секретными протоколами, и это была позиция не только тогдашнего МИДа Эстонской Республики. Точно то же самое писал министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе комиссии по ПМР 10 июля 1989 года и еще раз – за десять дней до голосования на Съезде по проекту постановления о ПМР, 14 декабря 1989 года. До него то же самое сделал директор Института США и Канады АН СССР академик Г. Арбатов, к счастью, в общих словах. Такие же мысли высказал и председатель комиссии А. Яковлев в «Правде» за 18 августа 1989 года, повторив уже высказанное в своей беседе с депутатами германского парламента 20 июня 1989 года. Весьма опасный своей компетентностью, но к счастью, оставшийся без внимания из-за своей пространности, критический обзор написал 23 октября 1989 года профессор международного права МГУ А. Талалаев, он атаковал заключение от 20 июля, исходя из его несоответствия мандату съезда. Это была бы большая потеря, если бы из-за отсутствия мандата в постановлении съезда не был назван секретный протокол 1941 года. А. Талалаев повторил свою попытку 9 ноября вместе с профессором Института государства и права АН СССР Н. Ушаковым, и особенно эффектно 2 и 4 ноября 1989 года присоединился к стану противников постановления от 20 июля заслуженный деятель науки РСФСР профессор Е. Усенко. Все они преследовали ту же цель, что и Р. Мюллерсон, – исключить связь секретных протоко-

лов с сегодняшним днем и особенно со стремлением прибалтийских республик восстановить свою независимость.

Непосредственно перед последним в 1989 году заседанием Съезда народных депутатов 11 декабря 1989 года В. Фалин разослал всем членам комиссии проекты заключения, принятые на заседании 6 декабря – короткий проект на четырех страницах и более пространный и аргументированный на восьми страницах. По сути, они совпадали и по всем основным пунктам повторяли заключение, принятое и завизированное 20 июля, но короткий текст был конкретнее и устраивал нас больше. Новые заключения были приняты на заседании 14 декабря в Кремле, и вся комиссия единодушно поставила под ними свои подписи. Прежде чем документ был поставлен на окончательное голосование, в короткий вариант, который больше устраивал комиссию, были внесены еще кое-какие стилистические улучшения, никак не изменившие содержания.

Принятый окончательный текст А. Яковлев представил Съезду народных депутатов для принятия решения 23 декабря 1989 года. Съезд проект отверг. Причиной, несомненно, явился малоприятный характер всей открывающейся правды, а во-вторых, также еще не вполне развеянные сомнения, не являются ли секретные протоколы фальшивкой. Съезд также не знал, что на этом заседании не получил слова сотрудник МИДа СССР Ф. Ковалёв. Тот самый Ф. Ковалёв, который 10 июля 1989 года передал В. Фалину полученные от посла Федеративной Республики Германии документы о германо-советских отношениях осенью 1939 года. Однако ни он, ни А. Яковлев не поставили 23 декабря Съезд народных депутатов в известность, что кроме документов немецкой стороны, в Архиве внешней политики СССР, в фонде секретариата В. Молотова, имеется начатое 23 августа 1939 года и законченное 20 апреля 1949 года дело № 600–700, в котором, между прочим, имеются копии всех советско-германских, советско-финляндских и советско-американских секретных протоколов 1939–1941 годов и сопутствующих им документов, вместе с актом их передачи 20 апреля 1949 года. Согласно этому последнему документу, заместитель руководителя секретариата В. Молотова Д. Смирнов передал, а старший помощник министра иностранных дел Б. Подцероб принял в Спецархив МИДа СССР, среди прочего, восемь оригиналов советско-германских секретных документов, в том числе секретные протоколы от 23 августа 1939 года, 28 сентября 1939 года и 10 января 1941 года вместе с заверенными копиями.

После заседания съезда народных депутатов 23 декабря, поздно вечером, около полуночи, состоялась последняя и, наверное, важнейшая встреча комиссии прямо в кремлевском зале заседаний. Участников было немного, во всяком случае, присут-

ствовали А. Яковлев, я и Ф. Ковалёв, у которого были с собой документы молотовского архива. Решение приняли простое: МИД СССР относится к делу серьезно и выкладывает свои козыри. Предания гласности советских текстов секретных протоколов было не избежать.

На другой день А. Яковлев это и предпринял. Дело решили бумаги самого В. Молотова, и в 12.45 подготовленный комиссией проект постановления был без правок одобрен. На этом заседании Съезда всего присутствовало 1948 депутатов, из них 1432 проголосовали «за», 252-«против» и 264 воздержались. При этом нельзя забывать, что это происходило в Рождество. Большая часть литовской делегации уже уехала домой, да и эстонцев и латышей оставалось не слишком много. Тем не менее, важнейшая предпосылка восстановления нашей независимости была достигнута.

В том, как цель была достигнута, есть и кое-что поучительное, поскольку в этом нашла отражение вся мировая политика СССР. Великой державе одновременно требуются как военная мощь, так и прекрасная репутация за рубежом, а это неизбежно требует кажущихся порой совершенно немислимыми компромиссов. Накануне того Рождества вошли в конфликт интересы двух мощных ведомств Советского Союза—Министерства обороны и Министерства иностранных дел. Минобороны раскрыло свои карты раньше. Как раз перед выступлением А. Яковлева, 23 декабря, Главное Политуправление Минобороны СССР установило в фойе Дворца съездов большой стенд, посвященный «добровольному» и «единодушному» вступлению прибалтийских государств и народов в счастливую семью советских народов и в объятия Иосифа Виссарионовича. Этот стенд вызвал нездоровый интерес журналистов, так что его быстренько свернули. Аннели Рыйгас, освещавшая в газете «Noorte Hääl» все связанное с ПМР в длинной и основательной серии статей, тотчас послала в зал известие о происходящем, на что я поинтересовался у М. Горбачёва его мнением относительно новых и доселе невиданных форм работы съезда. Мой микрофон выключили, но нельзя же просто прервать заседание. После некоторого раздумья М. Горбачёв дал распоряжение А. Лукьянову стенд убрать, что и было немедленно сделано. Депутаты так и остались без наглядной агитации.

Очень сильное влияние оказала составленная мною и распространенная от имени группы депутатов от Прибалтийских республик брошюра «О политико-правовой оценке советско-германских соглашений 1939–1941 годов», а также составленный в нашем Верховном Совете сборник материалов «1940 год в Эстонии». Сделали свое дело кампания в прессе и акция «Балтийский путь». И все же решающим стало не переубеждение противников, а информирование сомневающихся и правильно

выбранное время действия, а также использование межведомственных противоречий. Осень 1989 года не была для руководства Советского Союза временем промедлений и сомнений. О нет. Это был период осуществления активной европейской политики Советского Союза, в конечной стадии которой неизбежным стало и аннулирование советско-германских секретных протоколов. Стратегические цели были поставлены выше целей тактических. Большая стратегия нередко требует и тактических отступлений и компромиссов между различными ведомствами во имя высших государственных интересов. Постановление Съезда народных депутатов СССР было принято отнюдь не оттого, что была готовность пойти навстречу пожеланиям прибалтийских республик, и учесть их интересы, и существовало понимание их стремления получить независимость. Последовавшие затем декларации о независимости прибалтийских государств стали той ценой, которую руководству Советского Союза пришлось заплатить за свой имидж и внешнеполитический авторитет. Ничего больше в то постановление вписать было невозможно, да и не было в том необходимости.

Денонсация секретных протоколов явилась большим достижением, но она еще не принесла Эстонии государственную независимость, хотя и весьма существенно ослабила противоположную сторону. Не случайно я доставил документы, скрепленные печатями именно отдела военных преступлений второй мировой войны. Военные преступления, как известно, срока давности не имеют.

Действительное достижение независимости происходило в поистине сюрреалистический период, когда прибалтийские государства продвигались к независимости всеми возможными способами, а Советский Союз всячески стремился помешать этому. 11 марта 1990 года Верховный Совет Литовской ССР принял постановление о восстановлении независимости Литвы на основании дооккупационной конституции, а 13 марта 1990 года М. Горбачёв объявил это постановление юридически ничтожным, отказался от переговоров и начал экономическую блокаду Литвы. 30 марта 1990 года Верховный Совет Эстонской ССР признал государственную власть Союза ССР в Эстонии незаконной с момента ее установления и провозгласил начало восстановления независимости и конституционных органов власти Эстонской Республики путем реституции.

С другой стороны, Президент СССР М. Горбачёв немедленно приступил к подготовке нового Союзного договора, существенно расширявшего властные полномочия КГБ, армии и министерства внутренних дел. В своем докладе 7 ноября 1990 года Верховному Совету СССР он подчеркнул, что в Прибалтике не избежать применения силы против действующих там «фашистов». Первые кровавые столкновения в Вильнюсе и

Риге и произошли в январе 1991 года, однако они не принесли желаемых результатов. Тогда же начались кафкиански бессмысленные, однако же политически необходимые обеим сторонам переговоры.

Красивые решения, принятые в Вильнюсе и Таллинне, не могли еще принести независимость. Для того, чтобы придать им силу, Верховный Совет Эстонской Республики принял Постановление об отношениях Эстонской Республики и Союза Советских Социалистических Республик и образовал для ведения переговоров делегацию (Ю. Нугис, М. Лауристин, Э. Липпмаа, И. Тооме и Ю. Райдла). Только что избранный Президент СССР уже 12 августа занял резко отрицательную позицию в отношении этого начинания. Для привлечения сторонников я тотчас составил в поддержку Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 года текст межгосударственного договора между РСФСР и Эстонской Республикой, и вместе с М. Лауристин и членами делегации Б. Ельцина мы завизировали его 27 сентября 1990 года в Белом доме в Москве. Положения этого договора РСФСР могла выполнить лишь в качестве совершенно независимого государства. Договор был подписан 13 января 1991 года в Таллинне, тем самым удалось предотвратить уже запланированную кровавую расправу, однако и переговоры с Советским Союзом застопорились, поскольку делегация СССР имела мандат только на обсуждение подготавливаемого Союзного договора. Со своей стороны Верховный Совет Эстонской Республики постановил 7 сентября 1990 года, что законные представители ЭР не уполномочены участвовать в подготовке нового Союзного договора.

Создававшемуся внешнеполитическому параличу подлило масла в огонь собрание 19 – 21 июня 1991 года в Москве, казалось бы, безобидного Советского комитета защиты мира (СКЗМ) в здании комитета (СКЗМ имел статус общественной организации, но работал под непосредственным руководством ЦК КПСС. *Прим. ред.*) Помимо представителей СКЗМ и прибалтийских государств на него явились также представители Министерства обороны СССР (Ю. И. Науман), Военно-морского флота СССР (Е. В. Обыденнинов), КГБ СССР (А. А. Румянцев), Внутренних войск МВД (В. П. Ворожцов), Верховного Совета СССР (Г. И. Петров) в сопровождении многочисленной свиты офицеров.

Целью этого, вероятно, было желание запугать прибалтов, поскольку офицеры бахвалились готовностью к возможному мировому конфликту. Крайний срок тотальной готовности к настоящему моменту уже миновал. На общество, привычное к советской действительности, это никакого заметного влияния не оказало. Но ста-

ло ясно, что предстоят немалые опасности, которые, однако, всегда таят в себе и более широкие возможности. Дело обострилось именно во время «собраний в защиту мира», когда М. Горбачёв послал 18 июня 1991 года Верховному Совету СССР для одобрения документ, касающийся нового Союзного договора, призванного во что бы то ни стало сохранить Советский Союз. Обновление Советского Союза, по всей вероятности, предстояло осуществить с помощью оружия, и началом операции можно было бы считать 17 августа 1991 года, когда Президиум Совета министров СССР (премьер-министр В. Павлов) разослал выписку из протокола о введении в действие нового Союзного договора, а председатель КГБ В. Крючков утвердил состав ГКЧП – Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. Началась организованная центром двоякая акция, для заграницы ее пытались показать с одной стороны, а для внутреннего потребления – с точностью до наоборот. Эта игра в жмурки провалялась в Москве уже к полудню 19 августа 1991 года, и на короткое время установилось двоевластие Б. Ельцина/М. Горбачёва. Верховный Совет Эстонской Республики 20 августа 1991 года с учетом Постановления от 30 марта 1990 года постановил подтвердить государственную независимость Эстонской Республики и добиваться восстановления дипломатических отношений Эстонской Республики, что и произошло. Но мирного договора пока еще не было. А независимость становится окончательной и надежной лишь после того, как и противник подтвердит это документально. Этого последнего акта удалось добиться только после серьезной дипломатической работы в Москве, когда тогдашний высший орган государственной власти СССР – Государственный совет – подтвердил 6 сентября 1991 года независимость Эстонской Республики. М. Горбачёв нас не поддержал и документа не подписал. Нас поддержали Б. Ельцин и Нурсултан Назарбаев, за которым было немало голосов, с ним мы (Э. Липпмаа, Х. Аасмяэ) непосредственно перед этим имели продолжительное застолье с поеданием бараньей головы. Мы свое дело сделали. Постановление от 6 сентября изъясало из числа исторических факторов как сделки 1939–1941 годов между Сталиным и Гитлером, так и могущество Советского Союза. Он распался еще той же осенью, спустя всего несколько месяцев.

12 мая 2009

Эдгар Сависаар (1989)
Фото из архива Ээсти Филм

Эдгар Сависаар

С ВЕРОЙ В ЭСТОНИЮ

В 1989 году – заместитель председателя комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года.

Едва ли еще можно найти новые документы о пакте Молотова–Риббентропа, которые существенно изменили бы общую картину. Этот корпус текстов, похоже, исчерпан, проанализирован. Что же делает историю непреходящей, так это то, что всегда есть возможность взглянуть на прошлое с новой дистанции, более обобщенно, более опытным взглядом. Без сомнения, и на события 70-летней давности мы смотрим сегодня более умудренно, чем 20 лет назад, ведь одновременно мы оцениваем и то, какими мы были 20 лет назад.

Просматриваю видеофильм, снятый в конце мая 1989 года в мой день рождения. В Москве в гостинице «Москва» в моем номере собрались делегаты Съезда народных депутатов СССР: эстонцы, латыши, литовцы, русские, евреи, армяне. Поют. Запомнился

Юло Нугис в тренировочных штанах. Никого не заботит, что нас прослушивают. (Юрий Лужков, мэр Москвы, говорил мне впоследствии, что в гостинице «Москва», предназначенной специально для проживания делегатов съездов и конференций, в ходе её сноса, микрофоны были обнаружены даже в туалетах. Но что с того, наверняка они и сейчас есть в туалетах замка Тоомпеа, и люди говорят всякое.) Была весна, мы были на 20 лет моложе и полны отважной уверенности в том, что нам удастся улучшить мир.

Чем я горжусь сегодня, что радует меня при воспоминаниях о том времени? Что удалось нам тогда сделать такого, ценность чего подтвердило дальнейшее развитие? Стало ли вопросительных знаков меньше или же больше?

«Балтийский путь», без сомнения, был самым впечатляющим и красочным, хотя и не самым весомым эпизодом в процессе предания гласности в 1989 году секретного дополнительного протокола пакта Молотова–Риббентропа. Для большинства людей, вставших живой цепью, это была блистающая вершина политического айсберга, волнующий момент. И я как один из организаторов этого небывалого мероприятия всей душой переживал за его успех. Но и для меня это было лишь надводной частью айсберга, тяжеленную глыбу которого – ледяной твердокаменный монолит лжи советской истории – предстояло разрушить.

Основной вопрос был нам ясен, хотя и непрост: как отколоться от Советского Союза. Как отцепить свой вагон союзной республики от этого состава. Кое-какие силы в тогдашней Эстонии считали, что этот состав следует взорвать. Другие находили, что для этого требуется этот состав захватить. Третьи полагали, что состав надо направить на пути неизвестные машинисту, где ему понадобится сторонняя помощь. Мы решили ударить по самому слабому звену – по той сцепке, которой нас прицепили к составу. Мы решили убедительно показать миру, что везут нас в составе против нашей воли и в направлении, в котором мы больше ехать не собираемся.

В 1989 году мы решили произвести в большой политической математике вычитание. А для этого надо было показать миру, каким образом в 1940 году было произведено сложение. Для этого, в свою очередь, требовалось показать, как в 1939 году было проведено деление – Европа была поделена, и в результате, Эстония на столетия оказалась под советской оккупацией.

Наша задача состояла в том, чтобы в фокусе мирового внимания оказался коротенький текст, содержащий следующее предложение: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР...». Это предложение, скрепленное

23 августа 1939 года подписями министра иностранных дел Третьего рейха Иоахима фон Риббентропа и советского наркома иностранных дел Вячеслава Молотова, определило судьбу эстонского народа.

Этот дипломатический документ так никогда и не был ратифицирован ни Советским Союзом, ни Германией. Но он был проведен в жизнь.

* * *

После второй мировой войны положения секретного соглашения Молотова–Риббентропа, касающиеся Советского Союза, фактически остались в силе. В Тегеране⁷⁶ Сталин продиктовал США и Великобритании, где пройдет восточная граница Польши, в Ялте⁷⁷ разговор шел о западной границе Польши, но ни на той, ни на другой конференции не поднимался вопрос о Прибалтике⁷⁸.

Хотя тема «сфер интересов» в тогдашней политике и стояла. Накануне Ялтинской конференции посол США в Москве Джордж Кеннан писал своему будущему преемнику Чарльзу Болену, что после войны следовало бы разграничить сферы интересов, держась самим в стороне от сферы интересов России, и держа русских в стороне от своей. (Между прочим, в конце 1920-х годов Д. Кеннан проходил дипломатическую службу в Эстонии, Латвии и Литве, так что судьба прибалтийских государств не была ему чужда.) На его реплику Ч. Болен ответил, что лишь тоталитарные государства могут планировать и осуществлять подобную политику.

Очевидно, опять в качестве уступки России, прибалтийский вопрос не поднимался на Нюрнбергском процессе, где в числе прочих военных преступников был

---

76 В столице Ирана, Тегеране, 28 ноября – 1 декабря 1943 г. состоялась первая конференция руководителей трех держав, бывших союзниками во второй мировой войне: Великобритании (У. Черчилль), СССР (И. Сталин) и США (Ф. Рузвельт). Были приняты декларации о совместных действиях в войне против Германии, открытии второго фронта в Европе, послевоенном сотрудничестве трех держав, о послевоенных границах Польши и некоторые другие. *Прим. ред.*

77 Крымская (Ялтинская конференция) 4–11 февраля 1945 в Ялте, вторая конференция, глав правительств трёх союзных держав собралась в том же составе, что и в Тегеране. Кроме согласования военных планов союзников, были определены принципы послевоенного устройства мира, в том числе и послевоенных границ. *Прим. ред.*

78 В Тегеране Т. Рузвельт и У. Черчилль не выразили ни формального согласия, ни формального несогласия в ответ на заявление И. Сталина о том, что присоединение республик Прибалтики к СССР не может служить предметом обсуждения, исходя из того, что неопределенная позиция, вернее, молчаливое согласие с И. Сталиным в этом вопросе поможет добиться от СССР уступок в других вопросах. *Подробнее об этом смотри, например: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Москва: Иностранная литература. 1958, Т. 1, с. 622; Т.2, с. 376, 382–383, 386–387. – Прим. ред.*

приговорен к смертной казни и Иоахим фон Риббентроп. Подписанный им и В. Молотовым секретный дополнительный протокол, адвокат рейхсминистра назвал только в связи с Польшей, Эстония и Латвия были упомянуты лишь в связи с тем, что Германия получила отказ на просьбу предоставить ей там незамерзающие порты. Ведь в Нюрнберге судили проигравших войну, а не победителей. Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении, образованная 2 июня 1989 Съездом народных депутатов СССР (комиссия по ПМР), заместителем председателя которой избрали меня, хотела в этом «крохотном вопросе» довести Нюрнбергский процесс до конца, дав одновременно оценку также роли сталинского режима в развязывании второй мировой войны.

Государственные деятели Эстонии времен К. Пятса предположительно догадывались о существовании секретного дополнительного протокола, однако ничего действенного не предприняли. Без сомнения, подробнейшим образом были в курсе американцы: к статье капитана Джона Хьюстона Крейга (John Houston Craige) в «Journal of American» за 24 сентября 1939 года прилагалась точная карта сфер интересов СССР и Германии. Францию Советский Союз в ультимативном тоне известил о намерении военного захвата Прибалтийских государств. Другие европейские правительства должны были хотя бы подозревать о существовании чего-то подобного, поскольку фактическое поведение сторон договора – военный захват сфер своих интересов – было явно согласовано с другой стороной. Сказал же возглавлявший комиссию по ПМР Александр Яковлев, что «дальнейшие события развивались точно по [секретному] протоколу». Наверняка с обеих сторон имелись люди, которые знали содержание секретного соглашения, а те, кто претворял в жизнь эти договоренности, наверняка, догадывались, что они делают.

Уточнением этих обстоятельств летом 1989 года Эндель Липпмаа занимался в архивах и институтах Германии и США. Собранные им материалы стали для нас мощнейшим оружием против советских фальсификаторов истории. К решающим заседаниям съезда 23–24 декабря 1989 года он составил из них весьма репрезентативный сборник, который пользовался большим успехом, шел нарасхват, несмотря на смехотворные препятствия, чинимые его распространению. Оглядывая сделанное в 1989 году, никак нельзя сказать, что заслуги Э. Липпмаа в восстановлении независимости Эстонии были меньше, чем заслуги Леннарта Мери, позднее занимавшего пост министра иностранных дел. Разве что язык у Л. Мери был лучше подвешен.

* * *

Результат, достигнутый нашей комиссией на Съезде народных депутатов СССР, был в 1989 году наилучший из возможных. Во-первых, нам удалось добиться того, что мы были услышаны. Бессмысленно задним числом рассуждать, справился бы с этим кто-нибудь другой, кроме тех политиков, что были избраны в комиссию от Эстонии – нашей команды в составе: Игорь Грязин, Марью Лауристин, Эндель Липпмаа, Эдгар Сависаар. Нам удалось найти союзников и победить в дипломатической войне с крупнейшей мировой державой. Можно согласиться с оценкой 1991 года, данной нашим тогдашним юридическим советником Хейки Линдпере, что Постановление Съезда народных депутатов СССР о советско-германском пакте 1939 года о ненападении «можно смело считать крупнейшей победой эстонской дипломатии после второй мировой войны».

Книга Хейки Линдпере «Пакт Молотова–Риббентропа. Тяжкое признание», обновленное переиздание которой выходит теперь на русском языке, дала достаточно основательный обзор перипетий в работе комиссии. Однако же начало этим событиям было положено в Эстонии.

Перелистываю свой календарь.

21–23 августа 1988 года. Первые организованные инициативным центром Народного фронта политические собрания «Сталинская политика и Эстония» в Пярну, Тарту и Таллинне. Отсюда берет начало тесное знакомство с ректором Московского государственного историко-архивного института профессором Юрием Афанасьевым который, как и я, стал впоследствии заместителем председателя комиссии по ПМР.

13–14 мая 1989. Балтийская Ассамблея народных фронтов.

Согласование общих целей и планов сотрудничества – безусловное осуждение секретного приложения к пакту Молотова-Риббентропа, как юридически несостоятельного основания для аннексии Прибалтийских государств.

18 мая 1989. Верховный Совет Эстонской ССР принимает решение осудить ПМР как преступный, и образовать для предания его гласности специальную комиссию, состоящую из избранных от Прибалтики народных депутатов СССР и специалистов.

Начинание, с которым в 1987 году выступила неофициальная Эстонская группа за обнародование пакта Молотова-Риббентропа, приобрело легальную форму и, тем самым, избежало опасности, что КГБ в конце концов загонит этот проект в тупик, к чему он, похоже, стремился.

Эстонская группа по обнародованию пакта Молотова-Риббентропа, впоследствии Эстонская партия национальной независимости, и Конгресс Эстонии, похоже, стремились добиться для достижения независимости Эстонии каких-то особых условий, исходя из незаконности секретного протокола. Практика их концепцию не

подтвердила. Эстония вернула независимость на равных основаниях с другими товарищами по судьбе и во многом – благодаря их поддержке.

2 июня 1989. В Москве на первом Съезде народных депутатов СССР по нашей инициативе образована комиссия по политической и правовой оценке ПМР, одним из заместителей председателя комиссии на первом заседании, состоявшемся в тот же вечер, назначают меня.

Горбачевской перестройке сопутствовала волна гласности. Заседания Съезда народных депутатов СССР транслировались по всему Советскому Союзу. Сказанное с трибуны съезда разносилось по шестой части земной суши и даже дальше! Этого-то мы и хотели.

При образовании комиссии по ПМР решающим стал голос Михаила Горбачева. Что заставило его поддержать нашу идею? Как и назначенный им председателем комиссии Александр Яковлев, должен же он был понимать, что играет с будущим этой самой советской империи, которой собирался править. Впоследствии Борис Ельцин подтвердил мне, что содержание и значение секретного протокола ПМР как М. Горбачеву, так и А. Яковлеву были давно известны. Горбачев должен был понимать, что этого джинна он в бутылку обратно не загонит! Задним числом его согласие можно объяснить тем, что, скорее всего, он надеялся затянуть нашу работу, связать нам руки и выждать, когда внутренние разногласия внесут в комиссию раскол.

Можно предполагать, что были у него и какие-то внешнеполитические импульсы в связи с апрельскими событиями в Тбилиси. Кровавая расправа властей в Тбилиси нанесла ущерб престижу руководству Советского Союза в глазах западной общественности, и требовалось как-то отвлечь общественное мнение от этой болезненной темы.

5 июля 1989. Из-за бездействия председателя комиссии по ПМР Александра Яковлева собираю в Москве второе заседание комиссии. До этого в узком кругу совещаемся, как отвечать на возможные аргументы «главы внутренней оппозиции» комиссии, третьего зампреда, заведующего Международным отделом ЦК КПСС Валентина Фалина. Намечаю на 11–12 июля семинар-совещание для членов комиссии, с тем чтобы ознакомить их не только с ПМР, но и последовавшими за ним договоренностями.

8 июля 1989. Совместное заседание Совета уполномоченных (Rahvavolikogu) Народного фронта Эстонии и региональных представительств в Пыльва предлагает проект Постановления Верховного Совета Эстонской ССР – признать юридически несостоятельной «Декларацию о вступлении Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик» от 22 июля 1940 года.

11 июля 1989. Созываю в Москве в эстонском представительстве третье собрание комиссии; после горячих споров составлен первый совместный проект окончательной

оценки, где юридически несостоятельный секретный протокол связывается с аннексией Эстонии. Вечером встречаюсь с московскими антисталинистами, приглашаю быть экспертом доктора исторических наук Михаила Семирягу.

12 июля 1989. Комиссия по ПМР решает принять за основу дальнейшей работы разработанный накануне вечером совместный проект. После обеда комиссию впервые созывает председатель А. Яковлев, в его кабинете в ЦК КПСС, на заседании комиссии вношу предложение завершить работу комиссии к 23 августа, к 50-летию пакта.

19 июля 1989. Совместно с Ю. Афанасьевым собираю совещание в узком кругу, чтобы подготовиться к послеобеденному заседанию комиссии в кабинете А. Яковлева. На заседании комиссии А. Яковлев выкладывает рядом с нашим проектом постановления другой проект постановления, подготовленный В. Фалиным. Долгие споры. Член комиссии, адвокат клайпедской юридической консультации Зита Шличите, выдвигает тезис: ответственность за секретные соглашения несет только сталинское руководство. Наконец А. Яковлев вносит предложение к вечеру того же дня сформулировать текст окончательной оценки, исходя из нашего, а не фалинского проекта. Окончательный текст, требующий признания секретного протокола ПМР юридически недействительным с момента его подписания, готов к обеду 20 июля, когда подписать его могут лишь составители.

А. Яковлев пообещал опубликовать этот текст в начале августа как сообщение, т.е. не как документ, подписанный членами комиссии.

28 июля 1989. Передаю Верховному Совету Эстонской ССР информацию о работе комиссии по ПМР. Высказываю надежду, что заключение комиссии будет опубликовано еще до 23 августа. Выражаю от имени комиссии готовность продолжить анализ событий, последовавших за подписанием пакта, в том числе и событий 1940 года.

9 августа 1989. Поскольку председатель А. Яковлев, похоже, не собирается созывать комиссию для подписания заключения по ПМР, я как заместитель председателя, беру руководство на себя. Созываю в эстонском представительстве в Москве ядро комиссии. Посылаем срочную телеграмму М. Горбачеву (он все еще находится в отпуске), в которой выражаем озабоченность необоснованным промедлением с публикацией окончательного заключения комиссии. Рассылаем всем членам комиссии копии документа с просьбой подписать и вернуть его.

К середине августа набралось 20 подписей (из 26 возможных), что составило большинство членов комиссии. Тем временем Москва в преддверии приближающегося 50-летия ПМР развернула пропагандистскую кампанию, в основе которой были утверждения, в корне противоположные нашим оценкам.

23 августа 1989. Массовая акция «Балтийский путь», или «Балтийская цепь».

В конце восьмидесятых в Эстонии наблюдался всплеск массового энтузиазма, подобного которому до сих пор в нашей истории не было и, вероятно, больше уже не будет. Самая значительная манифестация эстонцев в начале XX века в Петербурге собрала 30–40 тысяч человек. Тогда требовали автономии. Насколько мощнее была акция «Балтийский путь»! Тогда никто из стоявших в этой цепочке не мог и представить себе, что спустя какой-то год-другой одни станут собственниками возвращенных домов, а другие – квартиросъемщиками на птичьих правах, которых люди, стоящие сейчас рядом, могут просто вышвырнуть на улицу. Выглядело все это как большое гулянье – два миллиона человек, дружески взявшись за руки, образовали цепочку в 600 километров и скандировали слово «свобода». А на организацию этой акции нас подвигло отчаяние.

Для нас «Балтийский путь» был просто вынужденным ходом. Работа комиссии по пакту Молотова-Риббентропа застопорилась. Окончательное заключение было готово, но председатель комиссии А. Яковлев тянул с его публикацией, опасаясь всплеска возмущения со стороны проимперски настроенных кругов. Уехал отдыхать на юг, даже не позвонив. Требовалось предпринять что-то неординарное, чтобы всколыхнуть ситуацию. «Балтийский путь» родился оттого, что нам не оставалось ничего иного, мы все свои возможности исчерпали.

Я начал действовать. Поехал в Литву и сказал там, что эстонцы и латыши будут участвовать. В Латвии сказал, что литовцы и эстонцы участвуют. И в Эстонию вернулся с тем же разговором, мол, они участвуют, давайте и мы тоже! Таким образом, удалось стронуть дело с места. Причем я понятия не имел, каков получится результат. «Балтийский путь» дал прекрасный эффект, привлек внимание мира к нашим проблемам, хотя сам по себе явился последним *tour de force* (усилие, напряжение, проявление большой силы для совершения чего-нибудя) а не каким-то праздничным весельем.

На границе Эстонии с Латвией я произнес речь, в которой сказал: «Для того, чтобы прервалась цепь несправедливостей, надо вытащить краеугольный камень. Этот камень заложен 50 лет назад. Мы ждали, что руководство Советского Союза осознает реалии 1980-х годов и положит конец несправедливости. Того, чего мы ждали, не случилось. Не произошло официальной юридической денонсации ПМР. Не произошло публичного признания того, что демонстрирует любая школьная политическая карта мира – на карте действительно нет больше наших трех государств».

Когда участники «Балтийской цепи» разошлась, мы спросили себя: что же такое нам удалось совершить и можно ли отсюда как-то и куда-то двинуться дальше? Поздним вечером 23 августа мы с Яком Алликом и несколькими моими друзьями

сидели в кабачке на юге Вильяндиинского уезда. Я. Аллик был убежден, что «Балтийской цепью» мы обострили ситуацию и принесли Эстонии только вред. «И когда всех вас пересажают, эта публика, здесь в кабаке, будет по-прежнему тянуть пиво и, возможно, будет зубоскалить по поводу вашей бесславной авантюры». Таким видел Я. Аллик возможное будущее, да что скрывать – могло обернуться и так.

25 августа 1989. Еженедельнике «Reede» публикует мой обзор проблем, стоявших перед комиссией по ПМР, и ситуация на тот момент представлялась тупиковой.

29 сентября 1989. Утром в эстонском представительстве проходит семинар о связи советско-германского сговора с аннексией прибалтийских государств. Поскольку за месяц с лишним, прошедший с годовщины ПМР, выводы комиссии так и не опубликованы, устраиваем вместе с Ю. Афанасьевым в зале его института пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. Открываем ее нашим совместным обращением к мировой общественности.

Наша попытка оказать посредством международной печати давление на власти была воспринята едва ли не как диссидентство. Без сомнения, так оно и было, если учесть остроту и бескомпромиссность нашего обращения. Мы заявили, что «мы, народные депутаты Советского Союза, обладающие авторитетом демократически избранных народных представителей, вынуждены служить прикрытием для решений, с которыми сами мы не согласны» и мы видим, что по-прежнему «сохраняется идеологический диктат партийного и административно-правительственного аппарата, подавление демократических органов власти, старые советские методы кулуарного, скрытого от общества, принятия решений». Если бы мы выступили с подобными обвинениями на более низком общественном уровне, нас бы действительно посадили как диссидентов. Говорить такое не решался еще ни один делегат Съезда народных депутатов СССР.

Помню, посреди пресс-конференции в здании института погасло электричество. Был уже вечер, и зал погрузился в темноту. Нервная тишина, какая-то женщина вскрикнула и пробормотала по-английски нечто вроде «Сейчас они ворвутся!». Никто не ворвался, эти времена миновали, хотя и остались в нашей памяти.

4 ноября 1989. Впервые после 19 июля председатель комиссии по ПМР А. Яковлев созывает заседание в своем кабинете и представляет нам совершенно новый, отличающийся от того, что был завизирован 20 июля, проект заключения комиссии, который, как он выразился, «предупредит волну шовинизма в России и будет приемлем для Съезда народных депутатов». Обращаю внимание А. Яковлева на фальсификацию в стенограммах заседаний комиссии – у нас имеются фонограммы заседаний. Категорически настаиваю на возвращении к уже согласованной версии заключения.

В результате споров все же решено представить съезду сокращенный текст заключения.

14 декабря 1989. А. Яковлев созывает заседание комиссии в Кремле в великолепном зале исторической Грановитой палаты. Без особого шума приняты и подписаны в одном экземпляре заключение комиссии и проект постановления съезда, из которого исчезло ранее заявленное желание комиссии продолжить работу по оценке событий, последовавших за ПМР. Комиссия по ПМР de facto завершила свою работу. Все мы вновь стали просто делегатами съезда, которым предстояло проголосовать во Дворце съездов за проект постановления.

23 декабря 1989. После на редкость удачной речи А. Яковлева съезд, тем не менее, 60 голосами проваливает проект постановления по ПМР. Тогда беру слово я, и хотя председательствующий на Съезде Анатолий Лукьянов мешает своими репликами, призываю депутатов прислушаться к голосу своей совести и проголосовать снова и поименно. А. Лукьянов выразил протест, заявив, что, прибалты слишком часто получают слово, и попытался удалить меня. Я объяснил, что прошу слова не как член эстонской делегации, а как заместитель председателя комиссии по ПМР. Стоя на трибуне Съезда на расстоянии шага от М. Горбачева и А. Лукьянова, я посмотрел М. Горбачеву прямо в глаза. Он ответил мне таким ненавидящим взглядом, что я понял: случись какие-нибудь неприятности в его дальнейшей политической карьере, он всегда будет винить в этом нас, прибалтов.

24 декабря 1989. После нового выступления А. Яковлева Съезд принимает, с незначительными поправками, проект постановления, предложенный комиссией по ПМР с перевесом в 1180 голосов.

Задним числом можно предположить, что решающим стал один документ, который по заданию А. Яковлева «обнаружили» в последнюю ночь съезда. Это был перечень документов, составленный при передаче их из одного отдела Министерства иностранных дел в другой, и в перечень этот был включен и секретный протокол к ПМР. Таким образом, у нас появилось убедительное доказательство того, что секретный дополнительный протокол ПМР действительно существовал, даже если он и не сохранился. Спустя годы Б. Ельцин все же нашел этот документ – в сейфе М. Горбачева – Советский Союз был государством бюрократическим, там ничего не пропадало. Понадобилось, так за ночь нашли!

* * *

Вернулся из Москвы в Таллинн поездом. Рождество! На поименном голосовании в Москве уже отсутствовали девять депутатов от Эстонии. Просмотрел эстонские газеты, они полны сообщений о всякой ерунде. И хотя тогдашние журналисты и были, не в пример сегодняшним, сообразительнее, однако ни у кого не хватило ума осознать истинное значение только что принятого в Москве документа.

Эстония восстановила независимость благодаря тому, что перестал существовать возникший в годы холодной войны биполярный, расколотый на два лагеря мир. Как я и заявил на «Балтийском пути», мы вытащили краеугольный камень, на котором стоял Советский Союз. Это был наш исторический шанс, и мы не преминули им воспользоваться. Горстка членов комиссии по ПМР и все мы вместе в «Балтийской цепи». Мы помогли разрушить модель старого мира.

С распадом Советского Союза мир стал однополярным, ведущей мировой державой стали США. Исчезла уравнивающая противная сторона. На свободном поле можно бить в любые ворота! Сегодняшняя действительность: очаги военных действий, зоны напряженности и, возможно, и мировой экономической кризис – результаты такого солирования, такой однополярности.

Мышление, породившее секретный протокол пакта Молотова–Риббентропа, следовало не принципу внешнеполитического баланса сил (к чему стремился, например, пакт Бриана–Келлога 1928 года), а исходило из идеи «жизненного пространства» с одной стороны и идеи «мировой революции» – с другой стороны. Обе стороны проводили экспансионистскую политику. После войны, когда Германия была разбита, а советская экспансия распространилась на лежащую в руинах Европу, вышеупомянутый Д. Кеннан отвел Соединенным Штатам Америки роль глобального противовеса («укротителя России»). Рожденная мировой войной идея глобализма позволила идеалу «терпеливой бдительности и твердого отпора» Д. Кеннана превратиться в доктрину «холодной войны» Г. Трумэна. Спросим теперь, только ли американцы выиграли в этой «холодной войне»? Вместе с ними выиграли и мы. Или все же они выиграли благодаря нам?

Хотим мы того или нет, но нас можно причислить к крестным однополярного мира. Не знаю, стоит ли это причислять к крупнейшим свершениям эстонской истории или же нам иногда лучше стыдливо промолчать об этом? Потому что в однополярном мире ущемить интересы малых народов гораздо проще, чем в условиях баланса мощных сил. Особенно остро я ощутил это во времена президентства Буша в США.

Речь А. Яковлева 23 декабря закончилась призывом к делегатам Съезда народных депутатов: «Народы могут спокойно жить и быть уверенными в будущем только

все вместе и никак не друг против друга». Это был призыв соблюдать равновесие сил, декларация о намерении отказаться от сталинской концепции политики экспансии. И в противовес И. Сталину выдвинули В. Ленина – съезд констатировал, что решение о подписании секретного протокола ПМР было «по существу и по форме актом личной власти» (И. Сталина и В. Молотова *Прим. ред.*) и что «протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики».

Соглашусь с этим, подразумевая заключенный 2 февраля 1920 г. Тартуский мир между Эстонской республикой и признавшей её государственную независимость Советской Россией, после подписания которого Яан Поска сказал: «Сегодняшний день – важнейший для Эстонии в ее 700-летней истории, сегодня впервые Эстония сама определяет свою дальнейшую судьбу», и не забывая того, что сказал о недолговечности этого мира В. Ленин.

Равновесие – это всегда баланс сил, вернее, баланс противоборствующих сил. Если одна из сторон становится слабее, начинается экспансия другой. Одна из противоборствующих сил может усилиться под влиянием усиления другой – это модель гонки вооружений времен холодной войны, или же за счет ослабления другой стороны, как это случилось при распаде СССР.

* * *

Нашей целью было, прежде всего, разрушить ложь о добровольном присоединении Эстонии к восточному соседу, которую на протяжении десятилетий внушали народам Советского Союза. Как правильно предполагали и опасались наши оппоненты, признание этого означало бы, что сам Советский Союз – это преступное сообщество, лишённое законного основания. Надо было показать всем, что причиной присоединения Эстонии была не «народная революция» 1940 года, а секретный протокол пакта Молотова–Риббентропа. Его необходимо было «денонсировать с момента заключения», как заявил академик Эндель Липпмаа 2 июня 1989 года с трибуны Съезда народных депутатов СССР. И добавил: «Одного только признания его недействительным недостаточно». Надо было сделать и выводы. Просто признать недействительным, означало бы объявить его несуществующим, означало бы рассматривать сложившееся положение как чисто историческую данность, существующую неизбежность, предыстория которой вычеркнута и с которой только и остается, что примириться.

Поэтому правовой оценки было недостаточно, надо было дать также оценку политической. Юридически несостоятельный протокол требовалось объявить противозаконным, преступным. Что нашей комиссии, в конце концов, удалось оформить постановлением в следующей формулировке: «Протокол от 23 августа противоречил принципам суверенности и независимости некоторых третьих государств», т. е. был направлен и против суверенитета и независимости Эстонии. Съезд признал, что секретным протоколом были нарушены ранее заключенные договоры между Советским Союзом и Эстонской Республикой, согласно которым стороны принимали на себя обязательства «при любых обстоятельствах взаимно уважать суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность друг друга».

Однако помимо политической надо было дать также и этическую оценку. По словам члена комиссии Игоря Грязина это был вопрос «исторической ответственности и вины Советского Союза или России и осознания того, наступило ли время для покаяния». Это был самый трудный пункт переговоров. Я намеренно говорю «переговоров», поскольку вся работа комиссии была не чем иным, как дипломатическими переговорами Эстонии и остальных прибалтийских республик с одной стороны и Советского Союза – с другой. Здесь следует признать, что успех далеко не всегда сопутствовал нам. Временами я даже чувствовал себя побежденным, так, как мог чувствовать себя министр иностранных дел Эстонской Республики Яан Поска на мирных переговорах в Версале в 1919 году, а иногда и победителем, как тот же Я. Поска при подготовке Тартуского мира, отстаивая каждую пядь земли, каждую уступку, каждую запятую. Назвав секретный протокол пакта «тайным сговором, заключенным с Гитлером», Александр Яковлев тем самым признал благосклонное отношение советской власти к фашизму, и то, что место заключивших пакт – на скамье Нюрнбергского трибунала. В Постановлении же только: «отход от ленинских принципов советской внешней политики».

В Постановлении также сказано, что И. Сталин и В. Молотов были лично виновны в том, что подписали протокол и их поступок (т. е. подписание ими протокола) осуждается. Ответственности не несут «советский народ, Центральный Комитет ВКП(б) и вся партия, Верховный Совет СССР и правительство». – Можно ли сказать, что в связи с этим протоколом таким же образом следует освободить от ответственности «немецкий народ, руководство НСРПГ⁷⁹, Рейхстаг и правительство Третьего рейха»? Теоретически следует согласиться с Александром Яковлевым, что «в сфере

---

79 Национал–Социалистическая Рабочая Партия Германии (по-немецки: Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; NSDAP) – официальное название нацистской партии в Германии. *Прим. ред.*

морали относительности нет», а практически надо согласиться с Хейки Линдпере: «Историческая правда так и не была высказана до конца».

* * *

Бывает, что не столько трудно вынести правду, сколько людям трудно исполниться терпения, чтобы выяснить её до конца, настолько та неисчерпаема. Тогда неизбежно приходится правду усекать, превращать ее в полуправду, по принципу: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Однако такого рода фрагментарная правда позволяет людям выбирать, дает им возможность комбинировать из опущенных кусочков правды свою собственную полуправду. Как примирительно звучат в этом контексте слова, сказанные Юрием Афанасьевым на заседании 14 декабря в Кремле: «Не захлопывайте окончательными выводами дверь перед будущими историческими исследованиями». Я бы добавил: но не оставляйте эти двери нераскрытыми! В 1989 году такой раскрытой дверью, без сомнения, стало выработанное нами постановление по ПМР. И маленький шагок важен, если это первый шагок. Как сказал Нейл Армстронг, ступив на поверхность Луны: «Это небольшой шаг для человека, но гигантский шаг для человечества».

Историческое событие становится фактом лишь после его публичного признания. Даже свобода начинается с того, что твою свободу кто-то признает. Фраза о том, что все люди рождаются свободными – всего лишь романтическая руссоистская муть. Латинское *libertas* (свобода) восходит к словам *liberatio* (оправдание, освобождение) и *liberare* (отпустить раба на свободу). Свободным можно стать только, если кто-то эту свободу признает, и будет признавать. Никто не может провозгласить себя свободным сам – собственного признания недостаточно. И Эстония не стала вновь свободным государством, пока ее не признали на дипломатическом уровне другие. Первой, помнится, это сделала 22 августа 1991 года Исландия. Это она дала нам свободу, государственный суверенитет. Но 20 августа 1991 года никогда бы не наступило, не будь 24 декабря 1989 года, не признай тогда Советский Союз публично, что действительность, построенная на секретных протоколах ПМР, не может быть оправдана.

И, тем не менее, остается вопрос об ответственности и вине, раскаянии и покаянии. Исторический факт – это правда рассудочная, но помимо этого есть еще правда сердечная – чувство справедливости. Римский кодекс определяет справедливость через правду: *Iustitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuens* (Справедливость

это неизменное и непрерывное желание признавать за каждым принадлежащее ему право), однако здесь имеется в виду не сердечная справедливость, речь идет о судах. Несправедливость, полвека чинимую по отношению к государству и народу, невозможно просто вычеркнуть, объявив ее «юридически несостоятельной». Только прошлого уже не изменить.

Остается признать свою вину и покаяться. Канцлер Федеративной Республики Германии Вилли Брандт удивил мир 7 декабря 1970 года, когда возлагая венок к памятнику жертвам нацизма в еврейском гетто в Варшаве, опустился на колени. Этот жест был расценен как просьба о прощении и готовность к примирению в восточной политике, за что ему в следующем году и была присуждена Нобелевская премия мира. Правые в Западной Германии истолковали это коленопреклонение, как проявление малодушия перед странами Варшавского договора. Из политически продвинутых немцев 48% сочли это чрезмерным, 41% – правильным. Вот так-то. Китайская пословица гласит: отвешивая поклон одному, ты невольно показываешь другому зад. Но как знать, возможно, при поклоне демонстративно показанный своему прошлому зад даже важнее.

Если принесение извинений становится массовым, действием для проформы, из него исчезает обязательная нота раскаяния. Извинение превращается в церемонию. А церемониальные действия поведенчески не мотивированы, хотя участники этих церемоний и выполняют их добровольно, однако внутренне остаются безучастными, как крестьяне на церковной службе в деревенской церкви или театральные зрители, эмоционально сопереживающие спектаклю, однако не забывающие о расстоянии, которое отделяет зал от сцены.

Поэтому я действительно сомневаюсь, стоит ли требовать, чтобы Россия принесла свои извинения, как на том не устают настаивать некоторые члены Исамаалията. Когда мы говорим о «русской карте» в политике вновь обретшей независимость Эстонии, – эту карту вытаскивают всякий раз перед выборами – то содержание ее скорее эмоционально, чем рационально.

Эстония слишком мала, чтобы отдать на высший суд истории канувший в прошлое Советский Союз, но суд совести не определяется ни квадратными километрами территории, ни миллионами народонаселения. Мы не смирились с тем, что и сегодня есть еще люди, отрицающие советскую оккупацию, predeterminedенную секретным протоколом пакта Молотова–Риббентропа. Несмотря на то, что тогдашние наши руководители спасовали, поставив свои подписи на договорах в 1939–1940 годах, и во многом сами отдали власть из своих рук, как описывает это историк Магнус Ильмъярв

в своей монографии «Häaletu alistumine» («Безмолвное повиновение»)⁸⁰ Посмотрите для сравнения, как евреям удалось заставить весь мир относиться к тем, кто отрицает их геноцид, холокост! Еще совсем недавно Папу Римского обвинили в том, что он отменил отлучение от церкви епископа, отрицавшего холокост. Папа заверил, что постарается ликвидировать возникшие с евреями расхождения, и подчеркнул, что холокост останется для человечества предупреждением, но, на взгляд евреев, этого извинения было недостаточно. Главный раввинат Израиля направил в Ватикан послание, в котором объявил, что диалог с католиками не будет продолжен, пока этот епископ не принесет публичных извинений.⁸¹

Есть люди, считающие холокост национальным мифом. И есть те, кто считает национальным или национально-государственным мифом эстонцев советскую оккупацию, как следствие секретного протокола пакта Молотова–Риббентропа.

С другой стороны, мы могли бы и от немецкого народа потребовать извинений и компенсации за покорение Эстонии в XIII веке и «700 лет порабощения», а также за оккупации 1918 и 1941–1944 годов. Вместо этого правое правительство восстановившей свою независимость Эстонии вторично возвращает прибалтийским немцам их собственность...

* * *

История – это сюжет, фабула, рассказ, связывающий в памяти людей различные сведения. Данные, факты подобны кирпичикам памяти, скрепленным раствором человеческой биографии. Работая в 1989 году заместителем председателя комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года, знакомясь с сотнями исторических и журналистских материалов и до и после этого, я только диву даюсь, сколько всяческих историй

---

80 Ilmjärv M. Häaletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920.aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo. 2004. – На английском языке: Silent Submission: Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia & Lithuania Period from Mid-1920-s to Annexation in 1940. Studia Baltica Stockholmiensia, No.24. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 2004.

81 21 января 2009 года в интервью шведскому телевидению английский епископ Ричард Уильямсон поставил под сомнение факт уничтожения 6 млн. евреев, заявив, что число погибших не превышает 300-400 тыс. чел, а газовых камер вообще не существовало. 24 января 2009 года, Папа Римский Бенедикт XVI подписал указ, отменявший отлучение от церкви Ричарда Уильямсона и еще трех священников, неканонически посвященных в сан ещё в 1988 году. Главный раввинат Израиля выразил возмущение по поводу такого решения, Ватикан призвал епископа пересмотреть свои взгляды, что он и сделал. *Прим. ред.*

существует о появлении на свет секретного протокола пакта Молотова–Риббентропа, его последствиях и предании его гласности. Даже из членов нашей комиссии каждый имеет свое видение и свое понимание дела.

У меня свое представление о происшедших событиях. С течением времени оно пополнялось, становилось логичнее. Его частями, помимо связанного с ПМР, стал и действительный процесс восстановления независимости Эстонии, который я рассматривал в своей книге «Премьер-министр. Новейшая история Эстонии 1990–1992» (2004), все, что связано со вступлением Эстонии в НАТО и Европейский союз, с политическими и экономическими решениями, приведшими нас в сегодняшний день.

Порой мне кажется, будто существует некий закон сохранения независимости. Не то, чтобы однажды завоеванная независимость сохранилась навсегда, естественно, нет. Но если где-то рождается независимость, то где-то ее становится меньше. Это действует даже в пределах одного государства. Сегодня мне представляется, что мы не научились достаточно умно обращаться со своей независимостью.

В начале XX века высокой дипломатией занималась Иностранная делегация Эстонии, посланная добиваться признания Европой нашего государства. В конце XX века в том же положении оказалась наша делегация на Съезде народных депутатов СССР. Эти два события вполне сопоставимы; одно сыграло важную роль в обретении Эстонией независимости, другое – в восстановлении ее независимости. Всех нас и впрямь можно считать дипломатами восстановления независимости, хотя в кармане у нас были дипломатические паспорта совсем другого государства.

Ирония же истории заключается в том, что всякий раз, когда человек воображает, будто он творит историю, напротив, история сама осуществляет себя с его помощью. Мы, те, кто присутствовал при возрождении нашего государства, и кое-что во имя этого сделали, вправе спросить: нет ли у истории какого-то секретного плана относительно этой Эстонской Республики, который она осуществила через нас? Есть ли исторический смысл у этой Эстонской Республики, которой удалось возникнуть в 1918 году и лишь благодаря каким-то, на первый взгляд совершенно случайным совпадениям возродиться в 1991 году, в очень короткий промежуток времени? Способны ли мы постигнуть этот смысл? Если мы не в состоянии сделать это, то будем жить как калифы на час: то ли перебиваться с хлеба на квас, то ли спешить с гулянки на гулянку.

Я в Эстонию верю. Верю, что небезосновательны были наши мечты 1989 года в Москве, в находившейся под тщательным наблюдением гостинице «Москва», где проживали наши народные депутаты. На сегодня это здание снесено, и на его месте поднялся новый современный гостиничный комплекс.

Юрий Афанасьев (1989)
Фото из архива Ээсти Филм

Интервью Х. Линдпере с народным депутатом СССР, одним из лидеров Межрегиональной группы, заместителем председателя Комиссии по МРП, профессором Ю. Н. Афанасьевым.

– Юрий Николаевич, что, по-вашему, означает как для Советского Союза, так и для Балтийских республик постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года»?

– Это, прежде всего, вопрос взаимоотношений с Балтийскими республиками, проблема, которая на протяжении многих десятилетий фальсифицировалась официальной исторической наукой, и все эти фальсификации в итоге становились едва ли не нормой деформированного общественного сознания. При этом так называемый пакт Молотова-Риббентропа – как бы одно из доказательств, которое наиболее наглядно показывает степень деформированности исторического сознания.

Всё это делалось, конечно, школьными учебниками, фильмами, официальной версией истории прошлого и истории взаимоотношений Москвы и республик При-

балтики. Насколько сильно это сознание оказалось деформированным, об этом можно судить хотя бы по тому, что Второй Съезд народных депутатов СССР так и не смог справиться с так называемым «балтийским синдромом», как я бы условно это мог назвать. На этом съезде проявилась какая-то интуитивная враждебность ко всему прибалтийскому. Как только кто-то из прибалтов идет к трибуне, уже, так сказать, ропот недовольства налицо. Как только он начинает что-то говорить убедительно, то этот ропот недовольства переходит в бурное выражение негодования и враждебности. Так это было до самого конца Второго Съезда народных депутатов СССР.

К сожалению, надо сказать, что был не только «балтийский синдром», такая же реакция была и на выступления молдован. Вообще, этот национальный момент оказался наиболее трудно преодолимым в сознании даже народных депутатов СССР. Всё это говорит о том, насколько сильно деформированным оказалось историческое сознание советских людей.

Вот я считаю, что пакт Молотова-Риббентропа – это один из оселков, на которых проверяется эта величайшая проблема состояния нашего общества. Прежде всего, имеет значение само решение проблемы – поставить на место и придать должную значимость этому историческому событию. Сделать это, значило бы оздоровить общественное сознание, мораль и нравственность советского общества в целом.

Кроме того, конечно, без решения этой проблемы нельзя было рассчитывать на установление нормальных взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой, Молдавией, потому что никакие нормальные взаимоотношения на фальсификациях, лжи строиться не могут. Казалось бы, для всех это ясно, но, тем не менее, всё преодолевалось с большим трудом. И, наконец, сугубо научное значение. Несомненно, нам надо иметь историю международных отношений, историю СССР, историю Второй мировой войны, которая служила бы пониманию нашего прошлого, и чтобы на этой основе мы, так сказать, становились людьми.

Можно было бы выделить несколько таких пунктов, которые свидетельствуют о том, что решение этой проблемы имеет большое значение. В нем заинтересованы, во-первых, все народы Советского Союза, а во-вторых, и наука и педагогика, то есть очень многие сферы нашей действительности затронуты этой проблемой. Несмотря на такую значимость, имело место постоянное сопротивление центра спокойному, объективному, непредвзятому научному разрешению этой проблемы. И здесь возникает вопрос: почему? Ведь можно вспомнить несколько фактов, показывающих нежелание некоторых рассматривать проблему именно в таком духе. Мы, я имею в виду большинство Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского

договора о ненападении от 23 августа 1939 года, предлагаем какой-то вариант, и всегда находятся в аппарате какие-то люди, которые выражают свою неудовлетворенность этим вариантом, хотя, как я сказал, над этим работало большинство членов Комиссии.

Или те известные эпизоды – выступления В. Фалина и А. Яковлева в печати, когда они изложили точки зрения, отличные, расходящиеся с мнением большинства Комиссии. Или известные, так называемые «заходы наверх» даже со стороны В. Фалина и А. Яковлева, после которых им говорили, что вы, мол, хотите легко отделаться и что над этими документами надо ещё работать и т. д. То есть было очень много примеров – фактов, свидетельствующих о нежелании правдивой истории пакта Молотова-Риббентропа. Повторяю свой вопрос: почему?

Мне кажется, что на этот вопрос довольно трудно ответить, если не рассмотреть его в более широком контексте отношений Москвы к позициям союзных республик вообще. Здесь я высказал бы вот какую гипотезу или положение. **На протяжении последних лет Москва играет провоцирующую межнациональные конфликты роль в истории нашей страны.** Этот, так называемый, «сильный центр» провоцирует социально-национальную напряженность в стране, и это является едва ли не самой главной стратегической особенностью национальной политики Москвы за последнее время. Негативное отношение к пакту Молотова - Риббентропа и к решению этой проблемы – это только один из примеров такой провоцирующей роли. Другой пример: если ограничиться Балтийским регионом, это сопротивление принятию республиканского хозрасчета, принятию самой идеи, самого закона о региональной самостоятельности, хозрасчете. Вспомним, как драматично проходило это решение, в несколько заходов, несколько случаев необоснованной критики, постоянное подозрение, постоянное стремление урезать эту самостоятельность в самых разных аспектах. Проявилось постоянное нежелание идти навстречу Балтийским республикам и Эстонии, прежде всего, в решении этой задачи, в которой именно эстонцы выступали инициаторами, и больше всего пострадали эту проблему.

Следующий пример, свидетельствующий о том же. Это отношение к законам, которые принимались Верховными Советами и Прибалтики и Закавказья – всегда такое имперское превосходство центра по отношению к Верховным Советам республик. Они принимают какой-то закон, а Верховный совет СССР объявляет его недействительным на основании несоответствия его каким-то статьям или положениям Конституции СССР. С одной стороны, постоянная демонстрация беспомощности, а с другой – демонстративное нежелание прислушаться к тому, над чем работают в союзных республиках. Наконец, надо вспомнить о заявлении ЦК КПСС от 26 августа 1989 года,

адресованном Прибалтийским республикам. Вы, конечно, помните это заявление, в котором угрозы перемежаются с оскорблениями, с какими-то намеками. Это документ, который вообще недостойн любой современной организации, и вдруг он появляется за подписью ЦК КПСС. Зачем это нужно? В данном случае это политика, провоцирующая напряженность прибалтов и русских, хотя, вроде бы, имеем дело с политикой, идущей от центра, от центральных организаций Москвы. Однако она тут же переливается во взаимоотношения: **прибалты – русские**, как противоречие, как национальная напряженность. Ведь то же самое на Кавказе получается, это можно проследить на примерах с Грузией, особенно наглядно Армении – Азербайджану.

По отношению к Армении и Азербайджану центр пытается постоянно поддерживать определенную симметрию, то есть, всплеск национализма, или погромов, или резни, насилия в Азербайджане как бы автоматически компенсируется каким-то националистическим всплеском в Армении. Баланс всегда поддерживается и во вспышках взаимного недовольства, даже количество выселенных, убитых и изнасилованных тут же компенсируется таким же количеством жертв другой стороны. Везде стремление представить, и это ведь главное, как мне кажется, самораспад империи в форме национальных конфликтов, а не в форме противоречия между этими республиками и центром, как метрополией. Я не думаю, чтоб эта политика была бы очень осознанной. Может быть, она где-то и на уровне инстинкта осуществляется, но проявляется она на протяжении всех этих пяти лет совершенно четко в каждом регионе.

Поэтому вполне понятно, почему сопротивлялись пакту Молотова-Риббентропа, признанию его империалистической сущности, как трудно было выговорить слова о том, что был погран суверенитет Балтийских республик, как центру было невозможно признать, что эти республики заставили жить так, они не хотели жить и т. д. Тут много было моментов негативного отношения к правдивой объективной политико-правовой оценке пакта Молотова-Риббентропа. Тем более, мне кажется, представляется значимой работа Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года.

– Как Вы в общем плане охарактеризовали бы работу Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года?

– Для Комиссии нашей, может быть, это относится и к другим комиссиям, было характерным очень заинтересованное отношение к проникновению в суть проблемы и понимание очень многими членами Комиссии того, что от её работы во многом будет зависеть, как будут складываться дальше взаимоотношения между самими

прибалтийскими республиками, между республиками СССР в целом. Поэтому со стороны всех участников Комиссии было стремление представить на рассмотрение как можно больше документов, привлечь как можно больше участников, которые занимались вот этими проблемами – периодом, предшествующим Второй мировой войне, причем привлечь и историков международного права. Характерно было и то, что инициативным образом, – то есть не казенным, а инициативным – работу Комиссии сопровождало несколько таких конференций, которые проводились в Прибалтике в разных местах. Например, международная конференция по правовой оценке советско-германских договоренностей 1939–1941 годов проводилась в Таллинне в конце июня – начале июля прошлого года. Я на ней присутствовал тоже. Она была заметным этапом в целом, шагом вперед и имела большое последующее значение для отыскания наиболее емких и точных формулировок в оценке этого пакта Молотова-Риббентропа. Потом здесь, в Москве, нами было проведено несколько совещаний, трудно сейчас сразу все вспомнить, консультаций с историками самых разных направлений. Поэтому вот этот коротенький документ, который появился как итог работы Комиссии – он уместился на полутора страницах, а в принципе за ним стоят тысячи и тысячи прочитанных страниц, изученных досконально, и какие-то предварительные наброски и предварительные варианты. Словом, Комиссия работала не просто очень упорно, а её труд был, я сказал бы, очень квалифицированным. Многие конференции, консультации, привлечение архивных документов, киноматериалов – всё это способствовало тому, что были приведены неотразимые аргументы, в том числе, и в докладе Яковлева на съезде. Именно такая оценка была, в конце концов, дана, она единственно возможная на современном этапе.

Если говорить о руководстве работой Комиссии со стороны заместителей председателя, то я особо выделил бы Э. Сависаара, для которого в период нашей работы характерны очень точные попадания. Он всегда предусматривал нужных людей, которые оказывались крайне необходимы, когда речь заходила об аргументации каких-то позиций. Он четко представлял сроки, в которые надо действовать. Я помню несколько акций, которые мы провели накануне 50-летия пакта Молотова-Риббентропа. Вообще-то все чувствовали, что надо до 23 августа 1989 года выдать хотя бы предварительный документ, который показал бы всем Прибалтийским республикам, их народам, что Комиссия работает и продвигается в нужном направлении. Это было всем очень важно, в морально-нравственном плане особенно. Тут Э. Сависаар делал всё от него зависящее, он выступал неоднократно с инициативой проведения рабочих встреч, региональных встреч и вот самих заседаний Комиссии. Его настойчивость и

инициатива в результате предстала во всех тех документах, которые рассматривались на Втором Съезде народных депутатов СССР. Я думаю, он один из самых активных, если не самый активный член этой Комиссии, хотя там многие проявляли такую же искреннюю заинтересованность, но Э. Сависаар в этом смысле олицетворение и заинтересованности и настойчивости, и инициативности.

– **Какие проблемы, по Вашему мнению, стоят перед Балтийскими республиками?**

– В качестве гипотезы я бы высказал такую мысль. Прибалтика за время после, скажем, 1987 года с нарастающим эффектом демонстрировала возможности политики Народных фронтов, то есть в решение проблем Балтийских республик постепенно вовлекались сами люди, и в этом заслуга Народных фронтов огромная. Они сделали народ важнейшим фактором в политической жизни этих республик. Сейчас достигнут просто огромный успех в том смысле, что осознание всех этих проблем стало национальным фактом, я так бы сказал.

Теперь, когда это уже стало фактом и достоянием народов этих республик, наступает, на мой взгляд, новый момент, и очень важный. На основе осознания всех этих проблем о необходимости суверенитета, независимости, самостоятельности **акцент с национального переносится на социальное**, то есть ставится вопрос: каким образом жить дальше? Если мы признали уже, что наш путь – это путь к независимости, самостоятельной национальной государственности. И при возникновении этого нового вопроса, в том числе и в Балтийских республиках, начинается новое размежевание сил, то есть не все тут видят одинаково, сразу несколько проблем возникает при определении перспектив. Во-первых, характер, содержание, объем экономических и прочих взаимоотношений с республиками Советского Союза. Во-вторых, экономика и социальная политика в самих Балтийских республиках. В-третьих, их связи и взаимоотношения с западными странами.

Кроме того, новый этап наступает и в плане взаимоотношений Народных фронтов и других партий, в том числе и Компартий этих республик. Каждое из этих политических движений, из этих политических сил в этих новых условиях должны себя как бы заново осознать, предлагая политику уже более углубленную для этих республик. Здесь, конечно, нужно Народным фронтам и партиям самоопределяться. Причем партии коммунистические, мне кажется, поняли, что прежняя политика совершенно бесперспективна, они очень меняют свою политику с учетом всего происходящего и оказываются, как бы заново, довольно заметными конкурентами, в том числе и Народным фронтам. Скажем, на начальных периодах явно у Народных фронтов был больше

авторитет, но сейчас его набирают и КП (*коммунистические партии. Прим. ред.*), причем, как мне кажется, за счет осознания невозможности прежней своей сущности и как структуры административно-авторитарной системы, и, с другой стороны, как силы по отношению к обществу. Чем завершится это новое размежевание сил, заранее сказать трудно.

– Чем в настоящее время занята Межрегиональная группа депутатов?

– В последнее время была организована Социал-демократическая ассоциация, это тоже происходило в Таллинне. В Вильнюсе проходил Съезд межрегиональной ассоциации демократических организаций всей страны. Потом в Москве состоялась учредительная конференция московских партклубов, где была рассмотрена и утверждена демократическая платформа для КПСС, был организован координационный совет этой демократической платформы КПСС. Это не та платформа, которую сегодня обсуждают на Пленуме ЦК КПСС, а демократическая платформа КПСС партийных клубов, которых в стране около сотни. Если эта демократическая платформа воплотится в жизнь, то реализуется политическая партия, которая не то что не напоминает КПСС, а чуть ли не является её прямой противоположностью. Потому что там речь идет о том, чтобы отказаться от цели, то есть от коммунизма, цель провозглашается другая – демократический социализм. Там говорится, что такое демократический социализм в плане отношений собственности, рыночной экономики и демократии и т. д. Там нет ничего похожего на принцип демократического централизма, железной дисциплины и претензий на руководящую роль. Всё это обосновывается и довольно сильно аргументируется.

Консолидация демократических сил или образование политической коалиции всех демократических сил имеет целью подготовку к проведению круглого стола демократических сил и современных руководителей партии и правительства. Всё это я говорю к тому, что, наверное, и в Прибалтике надо это учесть и каким-то образом отреагировать на то, что происходит сегодня. Цель круглого стола – это достижение компромисса между демократическими силами, с одной стороны, и руководителями партии – с другой. Мы считаем, что преобразование нашего общества идет не теми темпами и не в том направлении, в каком надо было бы вести это преобразование. Словом, преобразование должно быть более радикальным, более глубоким во всех сферах нашей действительности. На первое место на круглом столе мы считаем необходимым поставить вопрос о новом союзном договоре, точнее говоря, о необходимости выработать Конституцию, в которой главной и определяющей частью будет этот союзный договор.

Сейчас нам надо всем думать над тем вопросом, о котором вы начали говорить, о переговорах, которые будут вести Прибалтийские республики с союзным правительством о новых формах взаимоотношений. Мы, видимо, должны сейчас включиться в этот процесс, чтобы учесть и те предложения, которые были наработаны в Эстонии, с тем, чтобы всё полезное, и ценное, и рациональное для будущего союзного устройства иметь в виду. Я, например, всячески поддерживал бы взаимоотношения Эстонии с СССР на основе союзного срочного договора – считаю, что это нормально сегодня, поскольку это не означает прерывания каких бы то ни было экономических, культурных связей, а это значит обретение Эстонией подлинной национально-государственной независимости и самостоятельности с сохранением всех тех связей со всеми республиками странами, которые должны сохраниться у каждой цивилизованной страны, государства. Вот такая вот перспектива мне видится, её тоже можно было бы каким-то образом учесть.

– Как вы относитесь к тому, что у нас в республике во многом общество радикализовалось в том направлении, чтобы восстановить самостоятельную Эстонскую республику на основе признания действительности Тартуского мира 2 февраля 1920 года?

– Я вот за такое решение, считаю, что в этом направлении надо продвигаться. Какое будет окончательное решение, сказать и предвидеть очень трудно, но то, что Советский Союз не может существовать в теперешнем виде – это совершенно очевидно. Конечно, нужно не просто переокрасить фасад, а принципы этого устройства переосмыслить, и договор в Тарту дает хорошее основание, которое могло бы использоваться и сегодня, то есть в смысле принципов, отыскания принципов.

Москва, 7 февраля 1990 г.

Газета «Вестник» № 5 (39), март 1990 года

Аннели Рейгас (1989)
Фото из частного архива Аннели Рейгас

Аннели Рыйгас, журналист

Авторучка как оружие. Трудный путь Москвы к признанию сделки между Гитлером и Сталиным

Аннели Рыйгас в качестве журналиста участвовала в работе комиссии Съезда народных СССР по ПМР, присутствовала на заседаниях комиссии в Москве летом и осенью 1989 года. За репортажи, написанные о работе комиссии по ПМР, она получила в 1990 году ежегодную премию Союза журналистов Эстонии. Помимо работы журналистом в Эстонии (до 1999 года), с весны 1989 года пишет в международной прессе в качестве внештатного корреспондента финского информационного агентства «STT», с 2004 года работает журналистом в международном информационном агентстве «Agence France Presse» (Агентство Франс-Пресс) (AFP). В иноязычной прессе публикуется под именем Anneli Reigas.

Невозможно переоценить результаты работы и исключительно напряженной полугодовой борьбы комиссии по ПМР, созданной в начале лета 1989 года на Съезде

народных депутатов СССР. Я твердо уверена, что во всей истории внешней политики Эстонии на международном уровне не было ни одной победы подобной значимости, в достижении которой решающую роль сыграла совсем небольшая по численности группа эстонцев.

Совершенно исключительным является тот факт, что в результате проделанной работы высший орган власти Советского Союза – Съезд народных депутатов СССР признал 24 декабря 1989 года, что оккупации прибалтийских стран в июне 1940 года предшествовало подписание Советским Союзом и нацистской Германией в августе 1939 года секретного договора о разделе Европы, и в том числе прибалтийских стран, между двумя тоталитарными режимами. Это был один из тех редчайших случаев, когда Россия, на протяжении всей своей истории захватывавшая соседствующие с ней государства и нарушавшая международные нормы, признала одно из своих недостойных действий.

Такое исключительное событие, как признание высшим органом власти СССР существования тайной сделки Сталина и Гитлера, приведшей к аннексии прибалтийских государств, и ее осуждение, широко освещалось в эти дни и в международной прессе. Уже на следующий день «The New York Times» опубликовала большую, начинающуюся на первой полосе, статью на эту тему, озаглавленную: «Советский Съезд осудил пакт 1939 года, приведший к аннексии Прибалтики» (*Soviet Congress Condemns '39 Pact That Led to Annexation of Baltics, by Esther B. Feun, NYT, 25.12. 1989*).

Наша тогдашняя борьба и победа в Москве вдохнули силы в начавшееся в прибалтийских странах продвижение к восстановлению независимости и стали, как в своих позднейших интервью подтверждал и руководитель комиссии, тогдашний высокопоставленный советский государственный деятель Александр Яковлев, переломным моментом, после которого и Кремлю стало ясно, что вопрос не в том, будет ли восстановлена независимость Прибалтийских стран, а в том, когда это произойдет.

Самыми яркими воспоминаниями о нашей борьбе в Москве для меня стали следующие моменты:

- 1) Меткие замечания академика Энделя Липпмаа (сыгравшего ведущую роль в создании комиссии и ее работе) на заседаниях комиссии, которые он постоянно иллюстрировал извлекаемыми из своего тяжеленного, периодически с грохотом падавшего под столом портфеля, многочисленными историческими документами с печатями западных архивов, что каждый раз заметно нервировало нашу, так сказать, противную сторону, деятелей, поддерживавших официальную линию Кремля;

- 2) выступления сторонников кремлевской линии, абсолютно некомпетентные и с попытками исказить исторические факты, особенно на первых заседаниях комиссии;
- 3) радость от того, что многие российские демократы поддержали нас, хотя впоследствии мне и доводилось слышать, будто некоторые российские демократы делали это из каких-то своекорыстных соображений, якобы желая противопоставить себя тогдашнему главе Советского Союза Михаилу Горбачеву. Я верю, что большая часть поддержавших нас российских демократов, сделала это, все-таки, по велению сердца, понимая, что насилие, совершенное над прибалтийскими народами во времена Сталина, не может быть оправдано, и секретный сговор между Сталиным и Гитлером, предшествовавший утрате независимости прибалтийскими государствами, в интересах истины надо признать и в России;
- 4) полное разочарование в тогдашнем, начавшем перестройку, главе Советского Союза Михаиле Горбачеве, который всячески препятствовал работе комиссии, несмотря на то, что дал согласие на ее создание. Позднейшие публичные разоблачения тогдашних московских коллег М. Горбачева продемонстрировали, что он знал о наличии секретного протокола ПМР и явственно указывающих на него советских архивных документов. Однако, вместо того, чтобы дать распоряжение опубликовать их или предъявить членам комиссии по ПМР, он распорядился уничтожить эти документы, чего, к счастью, не посмели сделать те, кто получил данное распоряжение;
- 5) прибытие в Москву в аэропорт Шереметьево-2 Э. Липпмаа, прилетевшего из США, из Вашингтона, куда он летал летом 1989 года за документами из Национального архива США, которые были необходимы для работы комиссии по ПМР. В последний момент, абсолютно спонтанно я вдруг решила ехать его встречать из Таллинна, и в результате благоприятного стечения обстоятельств Э. Липпмаа прошел в Москве советский пограничный контроль так, что его чемодан полный западных архивных документов даже не открыли (но об этом подробнее немного ниже).
- 6) грандиозный финал работы комиссии по ПМР в Москве в Кремле 23 и 24 декабря 1989 года на Съезде народных депутатов СССР. А также последняя отчаянная попытка советского Министерства обороны нарушить ход событий и повлиять на народных депутатов большой пропагандистской выставкой в Кремле о «добрвольном» присоединении прибалтийских стран к Советскому Союзу. По случайной и благодаря везению нам удалось сорвать эту выставку, но подробнее об этом также далее.

Как «боеприпасы» Э. Липпмаа прибыли в Москву

Информация о том, что помимо пакта о ненападении СССР и Германия подписали также секретный протокол, предоставлявший Москве свободу действий в государствах Прибалтики, просочилась сразу после подписания протокола в августе 1939 года и была общеизвестна в прибалтийских странах и во время советской оккупации. Однако руководство Советского Союза на протяжении десятилетий отрицало существование подобного секретного протокола.

Когда в начале лета 1989 года на Съезде народных депутатов СССР была создана комиссия по ПМР, для подтверждения нашей правоты нам потребовались надежные документы. Благодаря Э. Липпмаа, который летом 1989 года ездил искать эти документы в западных архивах, в том числе и в Национальном архиве США в Вашингтоне, мы получили в свое распоряжение бесценное оружие – целый ряд архивных документов, официально заверенных печатями, в подлинности которых невозможно было усомниться.

Тогда, благодаря случаю, Э. Липпмаа прошел таможеню в московском аэропорту так, что его чемодан не открыли. Помню этот эпизод очень ярко, потому что ездила в Москву встречать его в аэропорту, о чем приняла решение совсем спонтанно. Я очень переживала, думала, что он со своими документами дальше таможи не пройдет. Приехав в аэропорт Шереметьево-2, я с уверенным видом вошла в VIP-зал, показала работавшей там даме журналистское удостоверение в твердых красных корочках с текстом на русском и эстонском языках, и приврала, что приехала встречать народного депутата СССР, так как нам необходимо «срочно ехать на совещание в Кремль». На это дама, работавшая в VIP-зале, сказала, что пойдет и приведет этого народного депутата прямо с самолета в VIP-зал.

Когда, в конце концов, дама прибыла с Э. Липпмаа, он сказал мне всего одну фразу «Немедленно уходим отсюда!» и более не промолвил ни слова, пока мы не сели в такси, и пока я не решила извиниться за то, что приехала его встречать. «Очень хорошо, что приехала, благодаря этому та женщина провела меня через таможеню, и они даже не открыли чемодан», – радовался Э. Липпмаа.

Уже в Москве я изучила привезенные Э. Липпмаа из США документы и копии исключительно интересных фотографий, сделанных во время заключения ПМР в Москве, а когда приехала в Таллинн, сразу же сделала копии и для себя. Тогда же я написала длинную серию газетных статей о материалах, разоблачавших интенсивное сотрудничество между Сталиным и Гитлером.

С этой серией статей связаны также интересные обстоятельства: после опубликования третьей части Э. Липпмаа срочно велел мне прийти к нему в институт (он находился в центре города, напротив тогдашнего здания ЦК Компартии Эстонии, ныне здания Министерства иностранных дел), и сообщил, что решил сам продолжить написание серии, поскольку сильно беспокоится за мою безопасность, так как, по его мнению, я «абсолютно не понимаю, какими опасными вещами» занимаюсь. И тут же сообщил мне, что ему бояться больше нечего – он свою жизнь уже прожил (тогда ему было 59, а во время написания этих строк, в мае 2009 года – 79, и он по-прежнему деятелен), а у меня (тогда 26-летней) вся жизнь впереди. Последним козырем было напоминание о том, что дома меня ждет пятилетний сын Оливер, у которого есть право на живую маму. Я выслушала Э. Липпмаа и сказала, что если он хочет что-то писать, то должен сделать это с самого начала, а я сама решу, буду ли я писать и о чем, а разговор о какой-то грозящей мне опасности, конечно, является преувеличением.

Больше на эту тему мы не говорили, для одного из выпусков серии он сам перевел один документ с немецкого языка. Два года спустя, летом 1991 года, я с интересом прочла в книге воспоминаний о работе комиссии по ПМР, что эту газетную кампанию он выделил в качестве одного из шагов, приведших к победе.

Мнение, что наша тогдашняя деятельность, связанная с комиссией по ПМР, представляла для нас опасность, высказывали мне и позже, в том числе, это заметил еще в начале 2009 года один эстонский эксперт, связанный с комиссией. Но я все-таки считаю, что опасной она может показаться скорее задним числом – тогда, летом и осенью 1989 года, мы так искренне сопереживали всему происходящему, что думать о какой-то опасности просто было недосуг. Теперь, когда я оглядываюсь назад, у меня возникает чувство, что деятельность журналистов и других участников событий того времени, направленная против московских властей, во времена перестройки в 1989 году была безопасней, чем, например, в России в последнее десятилетие.

За нашей тогдашней деятельностью внимательно следили и за рубежом. В конце лета 1989 года, когда я была в Вашингтоне, в министерстве иностранных дел США я видела свои статьи, вышедшие в Эстонии и переведенные на английский язык. Наверняка они также быстро появились и в других местах, и в том числе в Министерстве иностранных дел СССР, которое в отличие от Министерства обороны СССР, яростно противившегося нашим устремлениям в Москве, стало удивительно либерально относиться к разоблачению сговора Сталина и Гитлера. В связи с этим есть повод вспомнить тогдашнего министра иностранных дел Советского Союза – грузина Эдуарда Шеварднадзе.

Удивительные трансформации членов комиссии

Из 26 членов комиссии только часть обычно бывала на месте, и еще меньшая часть участвовала в работе комиссии активно. Некоторые члены комиссии практически не внесли ни малейшего вклада в это дела.

Из того, что происходило на заседаниях комиссии, мне особенно запомнилось, что аргументы представителей Кремля во главе с одним из заместителей председателя комиссии, заведующим Международным отделом ЦК КПСС Валентином Фалиным, постоянно предварялись мантрой о том, что решение Сталина заключить сделку с Гитлером являлось в тогдашней международной обстановке вынужденным шагом, что подписанный в августе 1939 года министрами иностранных дел правительств Сталина и Гитлера секретный протокол, по которому два режима поделили страны Европы на сферы своего влияния, никак не связан с присоединением государств Прибалтики к Советскому Союзу летом 1940 года.

В советских учебниках по истории обо всем этом, конечно, не говорилось, но не сомневаюсь, что, как Михаил Горбачев, так и представлявшие его точку зрения в работе комиссии по ПМР члены комиссии, а также консультировавшие их эксперты, знали историю прибалтийских государств, знали и о геноциде, осуществленном советским режимом по приказу Москвы в начале второй мировой войны и после нее, намного лучше, чем они это демонстрировали.

Ведь военные операции обоих государств и раздел Европы в сентябре 1939 года начались сразу же после подписания секретного протокола ПМР, а кроме секретного протокола ПМР позже Советский Союз и Германия подписали еще несколько секретных договоров, по которым поделили между собой чужие земли.

Подтасовка фактов представителями Кремля, особенно на первых заседаниях, возмутила и присутствовавших там литовцев. «Аргументы» В. Фалина и других на заседаниях 11 и 12 июля 1989 года неустанно парировал Эндель Липпмаа, демонстрировавший привезенные с запада архивные документы. Те заседания я описала в выпусках «Noorte Hääl» за 12 и 13 июля так:

«Вчера (11 июля 1989) в 11:00 в Москве в представительстве Эстонии начался очередной этап работы комиссии, образованной Съездом народных депутатов СССР с целью дать правовую и политическую оценку пакту Молотова-Риббентрона.

Эстонию представляли Эндель Липпмаа, перед ним на столе лежала полуметровой толщины пачка «обвинительных документов», точнее – копии всевозможных относящихся к делу оригинальных документов, все с подтверждающими их подлинность архивными печатями, в случае какого-либо ложного утверждения тотчас находился документ для обоснованного контрудара ... На месте была также группа московских экспертов – четыре доктора юридических наук из разных институтов города, один кандидат исторических наук и заведующий историко-дипломатическим управлением МИД СССР Феликс Ковалев. У последнего был с собой для комиссии двухстраничный отчет о переданных послом ФРГ восемнадцати относящихся к делу документах.

... Насчет постоянного подчеркивания исключительной необходимости заключения пакта Молотова-Риббентропа один из литовских представителей, в конце концов, заявил В. Фалину достаточно резко: если для спасения двух взрослых людей они решают разрубить на куски одного ребенка, то оправдать это невозможно.

Московские эксперты пришли на заседание с 40-страничной работой, в которой рассматривалась общеполитическая ситуация в мире, предшествовавшая подписанию пакта 23. 08. 1939. Коротко представляя эту работу, присутствовавшим они несколько раз пытались убедить, что, говоря о ГМР и делая выводы, нельзя концентрироваться на Прибалтике, говорить следует о так называемом общем фоне.

Слушать здесь, в Москве, оправдания предвоенной политики, в том числе, и оправдания И. Сталина действительно странно.

К счастью, это позиция только одной части комиссии, находящейся в устойчивом меньшинстве. С трудом, но кое-что все-таки приходится менять и консервативно настроенным членам комиссии. На вчерашнем заседании они смогли услышать много толковых выступлений...».

Особенно изменились за время работы комиссии два деятеля. Во-первых, уже упомянутый, яростно защищавший позицию Кремля, особенно в начале работы комиссии, зампреда Валентин Фалин, который поначалу отрицал наличие секретного протокола, потом вдруг поверил в него, и рискнул сообщить остальным о своем менявшемся мнении.

Второе превращение произошло с председателем комиссии, тогдашним членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС Александром Яковлевым. Он лично ни разу не участвовал в заседаниях комиссии, происходивших в эстонском представительстве,

в основном он действовал через своих представителей. Даже на конечном этапе работы комиссии, до первой речи А. Яковлева на тему ПМР в Кремлевском Дворце съездов 23 декабря 1989 года мы не были уверены, будет ли он в конечном итоге на нашей стороне или нет.

Приятно было видеть на заседаниях также тех российских демократов и историков, которые с самого начала были честны, и которым для признания исторической правды не потребовалось переживать подобной внутренней трансформации, прежде всего, Юрия Афанасьева, одного из трех заместителей председателя комиссии, работавшего тогда ректором Московского государственного историко-архивного института, а также других российских историков, таких, как доктора исторических наук Михаил Семиряга и Василий Кулиш.

Из российских экспертов особенно приятное впечатление произвел на меня профессор истории Михаил Семиряга, выступавший на заседании комиссии 12 июля 1989 года. Я написала об этом (13 июля 1989, «Noorte Hääl») так:

"Обсуждение началось ... с изложения позиции профессора истории Михаила Семиряга по вопросу о ПМР, которая, к нашей радости, была очень близка к нашей. Профессор М. Семиряга подчеркнул, что пакт был заключен отнюдь не в результате какого-то внезапно принятого решения. Предварительная работа началась значительно раньше, Советский Союз взял курс на сотрудничество с Германией в октябре 1938 года. Историк попросил комиссию учесть то, что претензии, связанные с этим пактом, могут поступить и от других государств (например, Финляндии). Он также подчеркнул, что заключение секретных протоколов – это нарушение элементарных международных правовых норм.

Валентин Фалин посоветовал Михаилу Семиряге задуматься о том, что в предвоенный период аналогичные договора заключали и другие государства. Семиряга ответил: «В международном праве все-таки существуют юридические и моральные нормы. За действия капиталистических стран в то время я не могу отвечать, я выступаю как гражданин Советского Союза. Одно абсолютно точно: нарушение суверенитета других государств всегда противоречит международному праву...

Прозвучал также вопрос, а советские ли граждане собрались здесь?

По поводу этого последнего наблюдения можно только сказать, что в Белом зале посольства Эстонской Республики, том самом, где 50 лет назад К. Сельтер, Ю. Улуотс и А. Рей обсуждали договор о базах, и откуда они отправились его под-

писывать, возникло ощущение, как будто после длинного антракта начался новый раунд переговоров...

Конечно, здесь в Москве речь шла и о различных послевоенных международных актах, согласно которым сложившиеся границы считались как бы незыблемыми. Но согласиться с этим невозможно.

Зашел недолгий разговор о вчерашней статье в «Правде» - «Федеративный союз», посвященной предстоящему пленуму ЦК КПСС по межнациональным отношениям. Валентин Фалин сообщил по этому поводу, что материал выражает точку зрения редакции, а не позицию высшего партийного руководства страны. Игорь Грязин тотчас поинтересовался, не будет ли В. Фалин так любезен и не представит ли нам изложение этой позиции в письменном виде, чтобы мы могли опубликовать это для сведения жителей нашей республики. Однако ничего в письменном виде мы не получили.

Позиция большинства членов комиссии МРП однозначна: необходимо делать то, чего ждут избиратели. Давайте прекратим, наконец, здесь в Москве дискуссии на тему, был ли Советский Союз вынужден подписывать пакт и дополнительные протоколы с Германией или нет. Потому что с позиции Эстонии-Латвии-Литвы это не имеет никакого значения!!! Всегда ли внешнеполитическая агрессивность этого государства оправданна? Было, по соображениям нашей безопасности, необходимо – и вошли в Латвию, Литву, Эстонию, Афганистан. А дальше? Будет необходимость, пойдём ещё куда-нибудь? .../».

Несмотря на то, что заместитель председателя комиссии Валентин Фалин, ревностно проводивший, особенно в начале работы комиссии, линию Кремля и высказывавший сомнения в подлинности секретного протокола, внезапно изменил свое мнение и сообщил, что больше не сомневается в существовании секретного протокола, или, как метко заметил Э. Липпмаа, – «принял веру в документы», в течение последующих месяцев Кремль пытался разными способами помешать окончанию работы комиссии.

Большую поддержку оказала нам организованная 23 августа акция «Балтийский путь», продемонстрировавшая как Москве, так и всему миру, что народы прибалтийских государств тоже выступают за необходимость признать существование секретной сделки между Гитлером и Сталиным.

В газете «Noorte Hääl» за 3 октября 1989 года в статье «Страусиные игры» я описала последующие шаги большинства комиссии, придерживавшегося, так сказать,

демократической линии, и попытку комиссии ознакомить общественность с результатами своей работы в ходе состоявшейся в Москве 29 сентября 1989 года пресс-конференции и продолжающееся противодействие Кремля работе комиссии. В частности, я писала:

«Честно говоря, это произвело более чем странное впечатление, когда на семинаре в пятницу утром в эстонском представительстве в Москве, на очередной встрече комиссии народных депутатов СССР по ПМР пришлось в который раз пересказывать высокопоставленному чиновнику историю событий, произошедших в 1940 году в Прибалтике.

Высокопоставленным чиновником на сей раз оказался помощник секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева Александров (по должности В. Александров был помощником заведующего отделом международных отношений ЦК КПСС В. Фалина, заместителя председателя комиссии Прим. ред.) Временами такого рода разъяснительная работа кажется совершенно бессмысленной. Чего слышать не хочется, того просто не слышат, сколько ни говори. Ведь невозможно поверить, будто Москва разгрызает этот страусиный спектакль только по причине исторического неведения.

Комиссия народных депутатов СССР по ПМР сделала по поводу этой страусиной игры запрос «Самому», т. е. М. Горбачеву уже 9 августа, выразив свою озабоченность по поводу трудностей с публикацией выводов комиссии. Как известно, в центральную прессу СССР это заявление так и не попало, тогда, как некоторые центральные издания работу комиссии освещали необъективно, в основном на своих страницах представляли взгляды, которые разделяет меньшинство членов комиссии. На ту, посланную 9 августа телеграмму М. Горбачеву даже не сочли нужным ответить, хотя известно, что телеграмма до адресата дошла.

Понятно, что подобное поведение Москвы вызывает все возрастающее недовольство. Для кого же или для чего тогда под вывеской перестройки избраны народные депутаты, если их слова не ставят ни во что, а государством по-прежнему правит немногочисленная всемогущая партийная клика...

В пять вечера в минувшую пятницу в зале Московского историко-архивного института состоялась международная пресс-конференция, она явилась шагом, направленным на то, чтобы продемонстрировать и остальному миру связи нашего народа и власти, а также результаты работы, проделанной одной из комиссий народных депутатов и отношение к ним (результатам) правительства СССР. (На семинаре, начавшемся в 11 утра в здании бывшего посольства Эстонской

Республики, а теперь представительства Эстонской ССР, согласно пункту пятому первого решения комиссии, приступили к обсуждению того, каким образом соглашения 1939 года привели к событиям 1940-го. На семинаре были также заслушаны обзоры работы комиссий, созданных Верховными Советами прибалтийских республик для изучения событий 1940 года.)

В начале пресс-конференции Юрий Афанасьев зачитал совместное заявление общественности заместителей председателя комиссии Эдгара Сависаара и Юрия Афанасьева. Между прочим, там было сказано: «Причиной неудовлетворенности комиссии являются не события 50-летней давности, во многом нами уже изученные и проанализированные, но события, произошедшие в последние полтора месяца и происходящие еще и сейчас.

Трудности и противостояние, с которыми пришлось столкнуться комиссии..., кроме того, бесконтрольная деятельность Президиума Верховного Совета СССР, отсутствие у депутатов элементарных условий для работы, противодействие ответственных лиц и их ведомств в отношении требований депутатов и т. п., приводит к выводам о существовании определенных общих и весьма тревожных намерений – стремления, делая политику, сохранить старые кабинетные методы, идеологический диктат, продолжающееся подчинение демократических органов государственной власти партийному и административному аппарату.

При этом создается впечатление, что мы, народные депутаты СССР, обладающие авторитетом демократически избранных представителей народа, являемся как бы ширмой для решений, с которыми мы сами не согласны, и к которым мы зачастую и отношения не имеем, и о которых узнаем только из прессы...»

Заявление комиссии о первом этапе ее работы одобрило большинство (из 26 членов комиссии под ним подписались 22), не подписал его председатель, и опубликовано оно так и не было. Вместо этого газета «Правда» напечатала интервью с председателем комиссии, мнения которого в значительной мере вообще не совпадают с мнением большинства членов комиссии...

Результаты первого этапа работы комиссии были сокрыты, что привело к различным политическим действиям... Так, например, в известном заявлении ЦК КПСС о положении в Прибалтике было сказано, что 23 августа 1989 года массовые политические акции прошли в обстановке, когда комиссия народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении еще не завершила своей работы... Этот же предлог в тот же день был выдвинут при разгоне прошедших в Москве мирных демонстраций...

На обращение Эдгара Сависаара и Юрия Афанасьева к председателю Комитета по теле- и радиовещанию с просьбой получить время в эфире последовал отрицательный ответ. Дополнительно сообщалось, что в случае возможности эфирное время будет предоставлено... только председателю комиссии или уполномоченному им лицу!!! И это невзирая на мнение большинства комиссии...

Не приступив еще к разрешению второй задачи стоявшей перед комиссией, т. е. к правовой оценке договора, связи договора с событиями, последовавшими вслед за его подписанием, члены комиссии услышали на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС готовое постановление по этому вопросу, что наводит, увы, на серьезные сомнения. Если выводы уже сделаны, к чему тогда наша работа? И нет ли тут политического давления на членов комиссии?

Как бы то ни было, работа в рамках второй задачи комиссии идет...

На вопросы журналистов на пресс-конференции отвечали Эдгар Сависаар, Юрий Афанасьев, Игорь Грязин, Эндель Липпмаа, Сергей Лавров, Ион Друце, Алексей Казанник, Витаутас Ландсбергис, Казимир Мотека.

... Игорь Грязин обратил внимание на некоторые вопросы, по которым взгляды председателя комиссии, секретаря ЦК КПСС А. Яковлева больше всего расходятся с мнением подавляющего большинства комиссии (об этом речь шла и в статье в «Noorte Hääl» за 22 августа). Спрашивали также, кто же из членов комиссии не подписался под первым проектом постановления? Совершенно неприемлемым посчитали тот текст Г. Арбатов и В. Кравец (кстати, последний до сих пор считает, что секретный протокол – это умело состряпанная Западом фальшивка). Заместитель председателя комиссии, заведующий отделом ЦК КПСС В. Фалин, хотя и подписал проект постановления, но не разрешает считать это подписью. Товарищ Александр Яковлев в принципе был не против подписания, однако сообщил, что прежде он должен свою подпись согласовать (до сих пор, видно, согласовывает).

Является ли Советская Армия в Прибалтике оккупационной армией? Витаутас Ландсбергис по этому поводу заметил, что советские вооруженные силы используют наши территории, не спросив на это разрешения наших народов. Эндель Липпмаа добавил – как известно, Верховные Советы, как Эстонии, так и Литвы, заявили, что вступление их государств в Советский Союз в 1940 году было неправомерно. Так и что же из этого следует? Оставаться ли нам в СССР (в который мы не вступали) или нет, это решать нам. На это Сергей Лавров мгновенно уточнил: эти слова выражают личное мнение, не так ли?

Эдгар Сависаар вкратце рассказал также об утреннем семинаре, на котором как раз обсуждались связь пакта с последовавшей за ним аннексией. Еще спрашивали, почему все-таки так долго ждали уже после опубликования интервью А. Яковлева. Эдгар Сависаар повторял: мы были поражены заявлением ЦК КПСС. Игорь Грязин продолжил: «Почему мы оказались в дурацком положении? Комиссия завершила свою работу, и тут такое заявление. Мол, что вы такое делаете, комиссия ведь еще не закончила свою работу!!! Ведь 1940-й – это, дескать, было волеизъявление народа, и пересматривать этот вопрос не имеет смысла. На это надо же было реагировать?!»

Эндель Липпмаа: быстрая реакция далеко не всегда бывает самой правильной, к тому же требовалось изучить все связанное с этим (связь пакта и аннексии). Теперь мы можем в подробностях доказать, как шаг следовал за шагом, и как в результате этого последнего шага прибалтийские государства оказались в составе Советского Союза.

Был разговор и о том, кому принадлежит монополия на Центральное телевидение. Собственность ли это ЦК КПСС или еще какие-то группы в обществе имеют на него права? Платит-то как бы народ?»

На той жаркой пресс-конференции в сентябре 1989-го в Москве присутствовали и представители международной прессы, например, журналист из «Washington Post» растерянно попросил прокомментировать критику, прозвучавшую в адрес А. Яковлева, отметив, что до сих пор к секретарю ЦК КПСС А. Яковлеву относились как к либеральному лидеру Политбюро. Юрий Афанасьев ответил: «Я также уважаю А. Яковлева, но факты есть факты, А. Яковлев дал повод для критики».

На это у членов комиссии стали допытываться, что же на самом деле происходит в зале пресс-конференции – это мятеж? Отлично ответил на это литовец К. Мотека: это не мятеж, это гласность...

Вскоре после этого в помещении, где проходила пресс-конференция, отключилось электричество, погас свет, а когда немного погодя после кромешной тьмы свет вновь зажегся, то встречу с журналистами посчитали законченной.

Рождество в Кремле

Больше, понятное дело, запомнились непередаваемая словами радость и эмоции в связи с успешным завершением работы комиссии. Для меня все эти переживания

кончились тем, что я впервые в жизни расплакалась на людях. Это случилось, когда я, стоя в первом ряду большого балкона зала заседаний Дворца съездов, во время заседания 23 декабря 1989 года и слушая речь председателя комиссии по ПМР Александра Яковлева, в какой-то момент поняла, что и А. Яковлев, в конце концов, на нашей стороне и говорит этому залу, обращаясь к примерно двум тысячам депутатов советского парламента, именно то, что было нам тогда так нужно.

В Кремль 23 декабря 1989 года мы проехали на бывшем в распоряжении тогдашнего Председателя Верховного Совета ЭССР Арнольда Рюителя советском лимузине, который пропускали в Кремль без досмотра. А. Рюитель сидел впереди рядом с водителем, Э. Липпмаа, помощник А. Рюителя и я – на заднем сиденье, а у нас в ногах лежала целая куча информационных материалов на русском языке для народных депутатов о событиях 1940 года в Эстонии. Из недолгой этой поездки запомнился один тревожный момент, когда машина вдруг остановилась на одной из кремлевских площадей, и сквозь лобовое стекло я увидела, что перед нами стоят какие-то мужики в ватниках с ломami в руках. Мгновение спустя, когда машина двинулась дальше, я поняла, что фигуры в ватниках – это женщины, и железными ломami они скалывали лед на кремлевском дворе. Эта картинка отчетливо врезалась мне в память. В том, что перед решающим для нас заседанием в Кремле ломami скалывали лед, было нечто очень символическое, и то, что этой тяжелой работой занимались именно женщины, сообщало всему нечто символически абсурдное, как и многое, что было в этом государстве.

Благодаря случайности и везению во время того решающего заседания съезда 23 декабря 1989 года нам посчастливилось помешать последней отчаянной попытке Министерства обороны СССР повлиять на депутатов с помощью большой экспозиции в фойе Дворца съездов о «добровольном вступлении» прибалтийских государств в Советский Союз. Однако ту выставку так и не развернули. Э. Липпмаа уже был в зале заседаний, но мне удалось немедленно известить его о готовящейся экспозиции, и, получив слово, он тут же высказался на эту тему, и сотрудникам Минобороны СССР пришлось самовольную агитационную экспозицию убрать еще до окончания заседания. Я тогда написала об этом (газета «Noorte Hääl» за 28 и 29 декабря 1989) следующее:

«Мои вновь зародившиеся сомнения вплоть до субботней речи А. Яковлева были связаны с одним странным эпизодом во время утреннего заседания в Кремлевском Дворце съездов... Субботним утром народные депутаты СССР получили доставленные из Таллинна в Москву книги – сборник материалов на русском языке

о событиях 1940 года в Эстонии. Всем депутатам они не достались, потому что многие брали по два, по три экземпляра. Интерес к ней был повышенный...

К концу утреннего заседания я пошла посмотреть, осталось ли еще сколько-нибудь тех книг. Книги были все разобраны, зато я совершенно случайно оказалась свидетелем того, как в большом фойе Дворца съездов группа военных в больших чинах устанавливает какие-то стенды. Подойдя поближе, я почувствовала себя совсем как заглавный персонаж оперы «Каменный гость», которую я слушала несколько дней назад в Большом театре. Оказалось, разворачивают обширную выставку о событиях 1940 года в Прибалтике. Я смотрела, не веря своим глазам. Вся эта экспозиция начиналась текстом о подписании 28 сентября 1939 года между Эстонской Республикой и Союзом ССР «пакте о взаимопомощи», о заключении которого мы якобы сами попросили. Завершала экспозицию, среди прочих, и такая, например, фотография: на мутном снимке с расплывающимся изображением, полная народу площадь Вабадузе и подпись: «Таллин, август 1940» (все на площади, естественно, требуют немедленного «включения» в состав Советского Союза). Часть стендов этой обширной экспозиции еще только ждала установки, но и по тому, что уже стояло, можно было безошибочно понять, к чему клонят устроители. До доклада председателя комиссии по ПМР оставалось несколько часов, до перерыва в заседании – какой-то час. Первые любопытствующие уже рассматривали «правду» о ПМР и 1940 году в Эстонии.

Из оцепенения меня вывела реплика грузинского коллеги: а на другой стороне стенда они наверняка установят такую же фальшивку о весенних событиях в Тбилиси... Я спросила стоявшего рядом полковника, что это за сюрприз и кто за него отвечает. Полковник (имени своего не назвал ни один из опрошенных военных) ответил, мол, эта выставка предназначена для депутатов Съезда народных депутатов, а идея и подготовка ее – дело Министерства обороны СССР.

На следующий вопрос о том, а есть ли разрешение на проведение выставки, призванной оказать давление на депутатов, ответа не последовало. Вместо этого приблизилась группа уже упомянутых высокопоставленных военных, поинтересовавшихся, чем я недовольна. Сказала, что дискутировать по поводу представленного «фактологического материала» я не собираюсь, таким «материалом» полны учебники по истории СССР, ничего нового здесь нет. А комиссию создали именно для выяснения правды. Я высказалась в том духе, что члены комиссии едва ли дали согласие на организацию такой выставки, я в этом совершенно уверена. Ответа не последовало, однако стоящие на ножках стенды быстро развернули, так

называемыми, «документами» и фотографиями во внутреннюю сторону образовавшегося круга. Пообещали развернуть, когда начнется перерыв...

Утром в пресс-центр, раздавая наши материалы, я услышала реплику заместителя заведующего пресс-центром: вы мне напомнили, что и нам надо скоро развернуть одну интересную экспозицию. Теперь эта реплика, конечно, мне вспомнилась, но руководство пресс-центра заверило, что им ничего ни про выставку, ни про то, есть ли на нее разрешение или нет, не известно...

Дальше пошло сплошное «кино». «Охранник», к которому я обратилась с просьбой, был настолько любезен, что вызвал из зала Энделя Липпмаа. Тот мгновенно понял, что замыслили военные. Бежит в секретариат (журналистов туда не пускают) и требует ответить, кто и по какому праву дал разрешение организовать подобную акцию. Разрешения нет, говорят в секретариате. Но от этого известия выставка еще не исчезает. Немного погодя Э. Липпмаа уже снова в зале, и ему вне очереди дают слово для реплики. Его слова: «Хочу заявить, что в фойе без ведома комиссии размещают материалы» в очередной раз выводят А. Лукьянова из себя, и микрофон ему немедленно отключают. Когда я возвращаюсь в фойе, я вновь вижу уже комичную картину: высокопоставленные военные, прихватив стенды, в сердцах покидают Кремлевский дворец...

Остается только строить предположения, кто именно затеял эту организованную Министерством обороны СССР акцию, чтобы повлиять на Съезд народных депутатов, как она была подготовлена и кто из тех, кто сидел, например, за столом президиума, поддержал это мероприятие.

«Случайно, по недосмотру» при той строгости контроля, какая была в Москве на съезде, подобная экспозиция во дворце оказаться не могла...

О том, что происходило на заседаниях Съезда 23 и 24 декабря, подробно написано в моих тогдашних репортажах. Эти свежие, непосредственные впечатления от заседаний комиссии в Москве, опубликованные в газете «Noorte Hääl» и впечатления от грандиозного финала в Кремле в Рождество 1989 года, наверняка, намного ярче, чем какие бы то ни было пересказы и воспоминания спустя десятилетия. Никаких компьютеров, Интернета, мобильных и даже факса в нашей редакции в 1989 году еще и в помине не было. Писать приходилось шариковой ручкой на бумаге и потом по телефону диктовать материал из Москвы в Таллинн редакционной машинистке, что означало полчаса и больше крика в телефонную трубку, потому что слышимость почти всегда была очень плохой.

Когда я утром 24 декабря 1989 года проснулась в Москве в гостинице эстонского представительства, еще ни в чем не было никакой уверенности, но уже вечером, дома, в Таллинне, когда я сидела с родными под рождественской елкой, моё сердце переполняла радость.

Вслед за эйфорией, переполнявшей нас от осознания того, что 24 декабря 1989 года мы сумели—таки выбить из советского парламента признание существования тайной сделки между Сталиным и Гитлером, предшествовавшей и напрямую связанной с оккупацией прибалтийских стран, потом, на протяжении полутора лет, пришлось пережить еще немало разочарований, прежде чем независимость была восстановлена.

Руководитель иностранной редакции финского информагентства STT Ильмари Сундبلاد, который одновременно работал и корреспондентом международного информационного агентства «Франс-Пресс» по Финляндии, предложил мне весной 1989 года, как раз перед тем как мы взялись за пакт Молотова—Риббентропа, сообщать о событиях в Эстонии через STT и в иностранную прессу. Благодаря тому, что И. Сундبلاد оформил меня нештатным корреспондентом STT, вскоре после завершения наших баталий в Москве в связи с ПМР передо мной открылась возможность участвовать в различных международных встречах, на которых делались попытки поднимать вопрос о Прибалтике.

Начиная с состоявшегося в июне 1990 года в Копенгагене Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, на котором я присутствовала как журналист, я принимала участие во многих встречах министров СБСЕ в Хельсинки, Вене, Нью-Йорке, Берлине и др. На собственном опыте я испытала, насколько прохладным было в тот период отношение многих руководителей западных стран к стремлению прибалтийских республик к восстановлению независимости, хотя США и многие страны Западной Европы никогда официально не признавали аннексию Прибалтики со стороны Советского Союза.

Наибольшее разочарование вызвала при этом тогдашняя администрация США во главе с президентом Джорджем Бушем и государственным секретарем США Джеймсом Бейкером. Они считали, что стремление прибалтов к освобождению может навредить горбачевской политике перестройки, и оказались не в состоянии адекватно и быстро отреагировать даже тогда, когда в конце 1990 года Москва командовала перестройке «задний ход», следствием чего стали кровавые события возле вильнюсской телебашни в январе 1991 года.

На международных встречах стремление прибалтийских народов к независимости, начиная с состоявшейся в июне 1990 года в Копенгагене встречи, решительно под-

держивал тогда один только отважный министр иностранных дел крохотной Исландии Йон Балдвин Ханнибальсон, который произнес тогда в Копенгагене сильную речь о необходимости восстановления независимости прибалтийских государств. По своему пытались содействовать прибалтийскому делу и министр иностранных дел Дании Уффе Эллеман-Йенсен и тогдашний оппозиционный политик, а впоследствии премьер-министр и министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт.

Восстановление независимости прибалтийских государств активно поддерживали и многие члены Конгресса США, в т. ч. конгрессмен Дан Риттер, один из тех, кто послал письмо М. Горбачёву, призывая его предать гласности секретный протокол ПМР, приведший к утрате прибалтийскими странами независимости. Когда я в сентябре 1989 года встретилась с Д. Риттером в Вашингтоне в его кабинете, он по ходу интервью, между прочим, рассказал и о том, как в то время, когда мы в Москве ломали копы по поводу ПМР, часть конгрессменов пытались повлиять на президента США, чтобы он активнее выступал в поддержку Прибалтики. К тому времени 113 конгрессменов подписались под обращением, в котором они призывали Д. Буша поддержать движения за независимость в прибалтийских республиках и сделать конкретные шаги для восстановления независимости прибалтийских государств мирным путем (интервью с Д. Риттером появилось в газете «Noorte Hääl» 17 и 18 октября 1989 г.).

О нашей тогдашней борьбе в Москве за прошедшие 20 лет говорилось мало, что, скорее всего, объясняется скромностью в оценке своей роли в истории освобождения прибалтийских государств немногочисленных её участников и, в первую очередь, направлявшего эту борьбу академика Энделя Липпмаа.

И после восстановления независимости он с той же принципиальностью сумел предотвратить не одно пагубное по существу для Эстонии начинание. Он развенчал поддержанное некоторыми высокими государственными деятелями псевдопатриотами намерение продать в частные руки принадлежащее государству и стратегически крайне важное для Эстонии предприятие «Eesti Energia». Под руководством Э. Липпмаа был сорван обнародованный на исходе лета 2007-го план, предусматривавший согласие на все более настойчивые требования российского Газпрома начать в эстонских водах исследования для прокладки частично в эстонских водах российско-германского газопровода, который потенциально может нанести большой ущерб экологическому состоянию морской среды Балтийского моря.

Маленькая предыстория – зимнее противостояние с Москвой в 1989-м в Силламяэ

Для Энделя Липпмаа и для меня наша тогдашняя борьба с Москвой фактически началась уже зимой 1989 года. В редакции газеты «Noorte Hääl», где я тогда работала журналистом, решили взять интервью у некоторых эстонцев, которые той зимой баллотировались в депутаты Съезда народных депутатов СССР. Мне хотелось сделать интервью только с одним кандидатом – академиком Энделем Липпмаа, он уже тогда произвел на меня впечатление крайне принципиального и честного человека. Э. Липпмаа сразу же согласился на интервью, но тут же сообщил, что это никак не отразится на его шансах быть избранным, поскольку он совершенно уверен, что народ в любом случае его изберет.

А после интервью он сказал, что если я хочу заняться чем-нибудь действительно полезным, то мы могли бы начать вместе борьбу против Силламяэского завода нерудных материалов, построенного после второй мировой войны на северо-востоке Эстонии на берегу Балтийского моря в Силламяэ и напрямую подчиненного Москве. Хранилище отходов этого советского военного производства, которые содержат опаснейшие радиоактивные материалы, построено в каких-то десятках метров от берега Балтийского моря, и есть основания подозревать, что опасности радиоактивного загрязнения подвержена и питьевая вода города, в основном населенного русскими. Естественно, я приняла предложение Э. Липпмаа, и в последующие недели переговорила и с другими специалистами, взяла интервью также в Силламяэ и написала несколько больших статей по поводу загрязнения, вызванного военным производством в Силламяэ.

И русское руководство завода и тогдашний – он тоже напрямую подчинялся Москве – заведующий отделом здравоохранения города Силламяэ, десятки лет закрытого для остальной Эстонии, поначалу категорически отрицали, что в расположенном на берегу моря заводском хранилище содержатся радиоактивные отходы, однако эта небольшая схватка имела положительный исход. В начале июня 1989 года руководители завода пригласили меня в Силламяэ, показали полученную из Москвы из Минатома СССР телеграмму, подтвердили наличие сверхопасного хранилища и сообщили, что на фоне разразившегося скандала, в Москве решили, что с начала 1990 года новыми отходами то хранилище больше пополняться не будет.

В то же самое время в Москве Съезд народных депутатов СССР образовал комиссию по ПМР, инициатором и вдохновителем создания которой был Эндель Липпмаа. На фоне предшествовавшей истории с Силламяэ было вполне естественным,

что наше сотрудничество продолжится, и я решила участвовать в работе комиссии по ПМР, в качестве журналиста освещая ее работу.

И хотя может показаться, что между ПМР и той историей с военным производством в Силламяэ нет настолько прямой связи, чтобы упоминать этот эпизод в воспоминаниях о той борьбе, которая развернулась вокруг ПМР, на мой взгляд, связь имеет самую прямую. Строительство в Силламяэ военного завода и вызванное этим заводом опаснейшее загрязнение – один из многочисленных примеров советской колониальной политики, в том числе в странах, оккупированных сталинской Россией в соответствии с секретным протоколом к пакту Молотова–Риббентропа. (Кстати, работы по санации силламяэского хранилища радиоактивных отходов, признанного Европейской комиссией в 1990-х годах одним из четырех опаснейших хранилищ отходов в Европе, закончились лишь осенью 2008 года.)

Неотъемлемой частью советской колониальной политики была и организация массовой миграции из России в Прибалтику.

ПМР и современность

Сведения о преступлениях сталинского времени по-прежнему неполны как на востоке, так и на западе. Работая в международной прессе, я заметила, что об интенсивном сотрудничестве Гитлера со Сталиным накануне второй мировой войны и о многих важных событиях, изменивших ход истории или оказавших более или менее заметное влияние на историю, в том числе и прибалтийских государств, не знали и не говорили не только в Советском Союзе и сегодняшней России. Огромные белые пятна на месте этих событий располагаются в исторической картине мира большей части послевоенных поколений западного общества.

Оккупация трех прибалтийских государств Советским Союзом в июне 1940 года во многом осталась без внимания, потому что это произошло почти одновременно с захватом Парижа войсками нацистской Германии. А начавшаяся незадолго до окончания второй мировой войны новая советская оккупация Прибалтики оказалась в тени радости, охватившей Европу в связи с окончанием долгой изнурительной войны.

В отличие от холокоста, большая часть россиян, да и граждан демократических западных стран знает о сталинском геноциде 1940-х годов в Прибалтике не слишком много. А ведь это также было одним из следствий тайного сговора между Сталиным и

Гитлером в августе 1939 года – после установления советского режима развернулся государственный террор и сотни тысяч людей из всех трех прибалтийских государств были депортированы в Сибирь в июне 1941-го и марте 1949-го года. Между прочим, и сами прибалты по большей части знают об этих депортациях, в основном, на примере собственного народа. Для подавляющего большинства эстонцев наверняка будет новостью известие о том, что еще до второй большой депортации из всех трех прибалтийских республик в марте 1949 года, уже в 1948 году сто тысяч литовцев в вагонах для скота вывезли в Сибирь.

После краха советского режима я неоднократно становилась свидетельницей того, как многие русские, когда речь заходит о страданиях прибалтийских народов, имеют обыкновение упирать на то, что от сталинского режима пострадали также и миллионы русских, и они не понимают, почему прибалты не испытывают чувства благодарности к Красной Армии, положившей конец нацистской оккупации. Разговаривая на эти темы с русскими, я просила их представить, насколько нормальной они сочли бы ситуацию, в которой американцы, после освобождения Франции от фашистской оккупации, превратили бы её в американский штат, устроили по всей стране военные базы, стали призывать молодых французов служить в своей армии, арестовали десятки тысяч французов, а миллионы французов депортировали бы на Аляску...

Прискорбно, что хотя у 1432 тогдашних советских народных депутатов и хватило смелости в 1989 году в Кремле предать гласности и осудить предшествовавший оккупации Прибалтики тайный сговор Сталина и Гитлера, начиная с президентства Владимира Путина Россия использует советскую историографию в качестве внутривосточного оружия и настойчиво создает в своей пропаганде имидж прибалтийских государств, как фашистских, имидж, оскорбительный для жителей этих стран, потому что в Прибалтике, на столетия утратившей свою независимость, никогда не считали и не считают Советскую Армию освободительницей во второй мировой войне.

Простые русские люди не виновны в преступлениях Сталина и его режима, однако те, кто отрицает эти преступления, неизбежно становятся в один ряд со сталинистами. Именно знание истории и понимание преступлений сталинского режима являются той лакмусовой бумажкой, которая и сегодня отличает демократичного русского от «совка» – носителя менталитета советского человека.

Что касается нашей борьбы в Москве в 1989 году, между прочим, запомнилась мне и то, какую ненависть вызывала наша тогдашняя деятельность в связи с пактом Молотова–Риббентропа у некоторых моих коллег. Состоявшая всего из четырех полос

газета «Noorte Hääl» была в то время одной из двух крупнейших эстонских ежедневных газет, и в ней работал не один журналист с обостренным чувством миссии, но работали в редакции и другие люди – и сотрудничавшие с КГБ, и молодые «красные» деятели с глубоко двойственной моралью. Их неприкрытая враждебность по отношению к нашей тогдашней деятельности, с одной стороны, была неожиданна и несколько тягостна, но с другой – и очень поучительна. Это показывало, что линия фронта борьбы за нашу независимость проходила отнюдь не по национальному признаку, но и между эстонцами, в том числе и в журналистике времен поющей революции попадались глубоко непорядочные типы.

Услышав о попытке государственного переворота в России 19 августа 1991 года, я решила (именно благодаря тем эмоциям, что были связаны с работой комиссии по ПМР и ее завершением) снова поехать из Таллинна в Москву в Белый дом, ставший штаб-квартирой русских демократов, и остаться в нём и на вечер 20 августа, хотя по внутренней трансляции нас неоднократно предупреждали о готовящейся вечером атаке военных подразделений, поддерживающих гекачепистов, к счастью, этого не случилось. В дни этого августовского путча в Москве я искренно поверила вместе с теми, кто выступил против ретроградов, но как оказалось, преждевременно, что и Россия возьмет твердый курс на быструю демократизацию.

С работой комиссии по ПМР и поддержкой, оказанной ей российскими демократами в деле предания гласности подлинных событий истории, следовало бы лучше знакомить и молодое поколение россиян.

Если бы и руководители сегодняшней России публично осудили советские массовые депортации и признали, что Советский Союз, нарушив нормы международного права, уничтожил независимость прибалтийских государств, это помогло бы существенно улучшить отношения России и стран Прибалтики и значительно ослабило бы глубоко укоренившееся в прибалтах недоверие к России и русским.

10 мая 2009, Таллинн.

III. Приложения

Приложение 1

Запись беседы Народного Комиссара иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом

17 августа 1939 г.

Шуленбург сообщает, что он уже получил ответ из Берлина. Очевидно, в Берлине работают быстро, добавляет он. Этот ответ он, по поручению германского правительства, хотел бы зачитать. Шуленбург подчеркивает при этом, что пункты, изложенные т. Молотовым 15 августа совпадают с желаниями германского правительства.

Затем Шуленбург зачитал полученный от германского правительства ответ.

Здесь Шуленбург делает от себя замечание, говоря, что пункт о совместной гарантии балтийских государств включен в этот ответ потому, что, как кажется германскому правительству, Советское правительство жалеет этого. Мы, добавляет Шуленбург, не совсем поняли т. Молотова, повторял ли он в беседе 15 августа план, изложенный Росо, или выразил этим и желание самого Советского правительства. Германское правительство, внося это, думало, что пойдет навстречу желаниям Советского правительства. Тов. Молотов заявляет, что этот пункт нуждается в уточнении.

В месте, где идет речь о принятии во внимание наступления серьезных событий, Шуленбург поясняет, что Германия не намерена терпеть польских провокаций.

В дополнение к зачитанной инструкции Шуленбург, согласно полученному им в частном порядке указанию, просит т. Молотова начать переговоры с Риббентропом на этой или следующей неделе. Вследствие этого, выполняя указание Риббентропа, Шуленбург просит ускорить ответ.

Тов. Молотов говорит, что он уже имеет ответ на германские предложения 15 августа и может вручить его Шуленбургу в письменном виде. Я должен предупредить, добавляет т. Молотов, что т. Сталин находится в курсе дела и ответ с ним согласован. Тов. Сталин разделяет то, что я передаю от имени Советского правительства. Поясняя прочитанный ответ Советского правительства, т. Молотов подчеркивает, что в ответе идет речь о том, что прежде чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, надо завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении. Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г., что имел, очевидно, ввиду Шуленбург, говоря об освежении договоров, или заключение договора о ненападении плюс протокол по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся стороны.

Переходя к вопросу о приезде Риббентропа, т. Молотов заявляет, что мы ценим постановку этого вопроса германским правительством, подчеркивающим серьезность своих намерений предложением послать в Москву видного политического деятеля, в отличие от англичан, пославших в Москву второстепенного чиновника Стрэнга. Но перед приездом Риббентропа необходимо провести соответствующую подготовку, и мы не хотели бы прежде времени поднимать много шума.

Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, нельзя ли не поднимать шума и делать то, что лежит на пути улучшения взаимоотношений. Затем т. Молотов задает вопрос, как оценивает Шуленбург перспективы первого и последних шагов. Что касается кредитно-торговых переговоров, отвечает Шуленбург, то у него складывается (так в тексте. *Прим. ред.*) впечатление, что соглашение не сегодня-завтра состоится. О втором шаге Шуленбург телеграфирует в Берлин и запросит проект договора. Но Шуленбург усматривает трудности в дополнительном протоколе.

Тов. Молотов заявляет на это, что надо иметь проект пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете. Необходимо сделать то или другое по выбору германского правительства. Хорошо бы получить схему пакта и тогда можно перейти к протоколу.

Шуленбург говорит, что будь то заключение нового пакта о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете, речь может идти лишь об одном параграфе. Центр же тяжести по его мнению будет

лежать в протоколе и поэтому желательно получить от Советского правительства хотя бы эскиз протокола. Протокол будет иметь важное значение, подчеркивает Шуленбург, так как при его составлении всплывут такие вопросы, как вопрос о гарантии Прибалтийским странам и пр. Тов. Молотов говорит, что он не располагал ответом германского правительства по поводу пакта о ненападении, вопрос о котором раньше германским правительством вообще не ставился. Надо рассмотреть сегодняшний ответ. Вопрос же о протоколе пока не детализируется. При его составлении как германской, так и советской стороной будут, между прочим, рассмотрены вопросы, затронутые в германском заявлении 15 августа. Инициатива при составлении протокола должна исходить не только от советской, но и от германской стороны. Естественно, что вопросы, затронутые в германском заявлении от 15 августа, не могут войти в договор, они должны войти в протокол. Германскому правительству следует обдумать это. Надо полагать, что договор будет содержать четыре–пять пунктов, а не один, как думает Шуленбург. Шуленбург заявляет, что он не сомневается, что германское правительство готово дать проект пакта. Заведующий правовым отделом МИД блестяще справится с такой задачей, как составление проекта договора. Но он, очевидно, встретит затруднения при составлении протокола и поэтому желательно, для облегчения работы, иметь предварительную наметку того, что он должен содержать. Например, остается открытым вопрос о гарантиях Прибалтийским странам. Может быть в протоколе надо отразить заявление 15 августа, в котором сказано, что Германия учтет интересы СССР в Балтийском море?

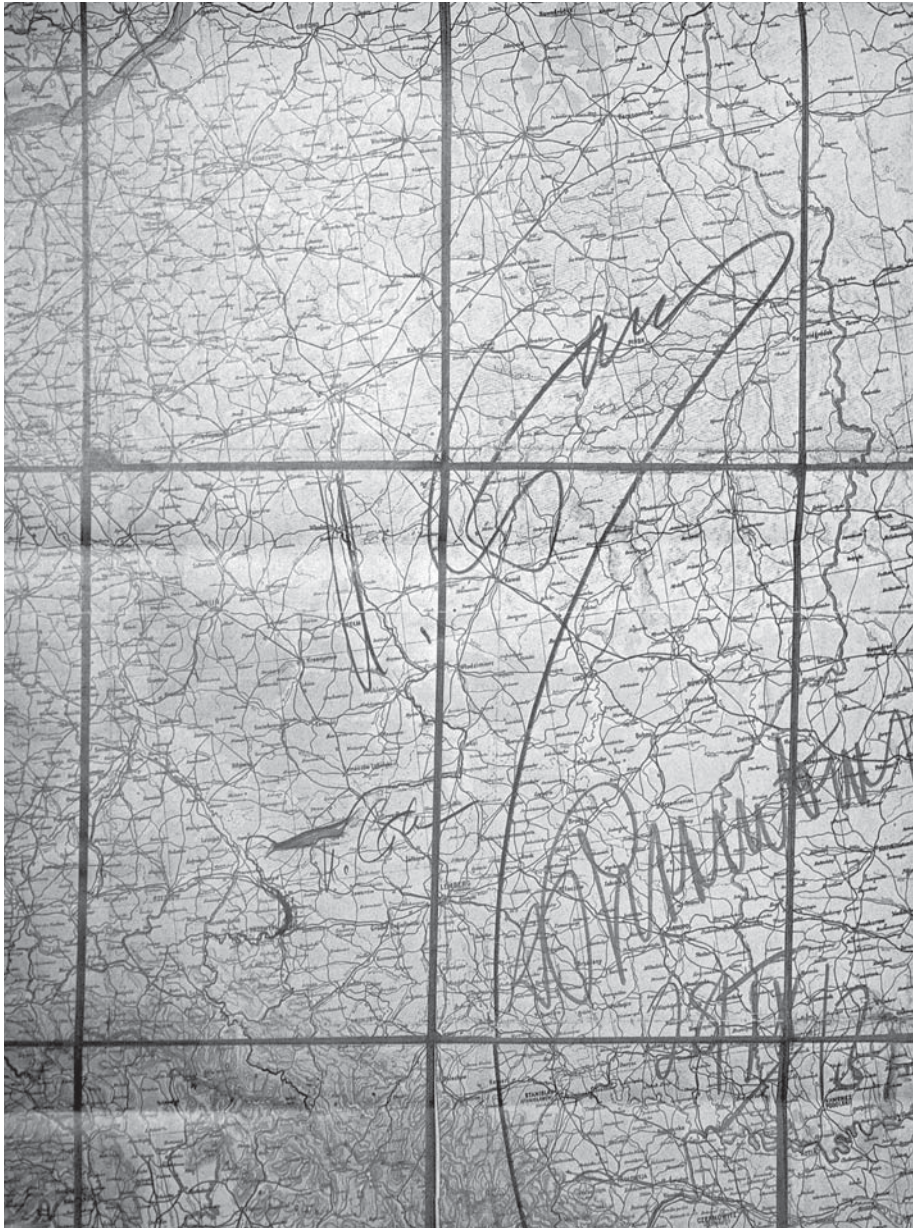
Тов. Молотов отвечает, что содержание протокола должно быть предметом обсуждения. Торговое соглашение находится уже в стадии завершения, надо готовить проект пакта о ненападении или подтверждение договора 1926 г., и в процессе рассмотрения этого можно будет подойти к более конкретным вопросам и содержанию протокола.

Шуленбург обещает запросить в Берлине проект договора. Что касается протокола, то он будет просить составить (его) на основе германского заявления 15 августа, внеся туда общую формулу об учете Германией интересов в Балтике.

Беседу записал В. Павлов

АВП СССР, ф. 0745, оп. 19, п. 45, д. 4, л. 122–125.

Карта Польши, подписанная Сталиным и Риббентропом и фиксирующая советско-германскую пограничную линию после оккупации Польши Германией и Советским Союзом, 28 сентября 1939

Приложение 2

Посол Шуленбург – в МИД Германии

Москва, 19 августа 1939 – 23 час. 30 мин.

Вне очереди. Берлин.

Срочно

Секретно

Телеграмма No 190 от 19 августа

Дополнение к моей телеграмме за No 189 от 19 августа

Советский проект пакта о ненападении гласит дословно следующее: «Правительство СССР и Правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений Договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

СТАТЬЯ 1. Обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого акта насилия и агрессивного действия в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

СТАТЬЯ 2. В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон окажется объектом акта насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Высокая Договаривающаяся Сторона не будет ни в какой форме поддерживать подобный акт этой державы.

СТАТЬЯ 3. В случае возникновения споров или конфликтов между Высокими Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны обязуются разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимных консультаций или, если необходимо, путем создания соответствующих арбитражных комиссий.

Статья 4. Настоящий договор заключается сроком на пять лет, причем если одна из Высоких Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

СТАТЬЯ 5. Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего договор вступит в силу.

Постскриптум

Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для Высоких Договаривающихся Сторон. Протокол является составной частью пакта».

Шуленбург.

Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы / Москва, Московский рабочий, 1991. Документ № 23

Приложение 3

Перевод с немецкого

Телеграмма А. Гитлера И. В. Сталину

21 августа 1939 г.

Господину Сталину, Москва.

- 1) Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения в качестве первого шага к перестройке германо-советских отношений.
- 2) Заключение с Советским Союзом пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгую перспективу. Тем самым Германия вновь займет политическую линию, которая на протяжении веков в прошлом была выгодной для обоих государств. Поэтому имперское правительство в данном случае решило сделать все необходимые выводы из такого решительного поворота.
- 3) Я принимаю переданный Вашим Министром иностранных дел Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю настоятельно необходимым самым скорейшим образом выяснить связанные с ним ещё вопросы.
- 4) Суть желаемого Советским правительством дополнительного протокола может быть выяснена, по моему убеждению, в самый короткий срок, если ответственный германский государственный деятель сможет сам вести об этом переговоры в Москве. Иначе имперскому правительству не ясно, как мог бы быть в короткое время выяснен и определен вопрос о содержании дополнительного протокола.
- 5) Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великой державе таково, что кризис может разразиться в любой день. Во всяком случае Германия полна решимости отныне всеми средствами защищать интересы рейха ввиду этих действий.
- 6) Я считаю, что в случае намерения обоих государств вступить друг с другом в новые отношения, целесообразно не терять времени. Поэтому я ещё раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, а самое позднее – в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет самые широкие генеральные полномочия для составления и подписания пакта о ненападении и протокола. Пребывание имперского министра иностранных дел в Москве в течение более чем одного, максимум двух дней, с учетом международной обстановки невозможно. Я был бы рад получить Ваш незамедлительный ответ.

Адольф Гитлер

Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918-1945*, Serie D; Bd.VII, Baden-Baden, 1956, S. 131.

Нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов подписывает советско-германский пакт о ненападении; позади него стоят министр иностранных дел Германии Иохим фон Риббентроп и Иосиф Сталин. Москва, 23 августа 1939

Фото: Администрация государственного архива

Подписание советско-германского Договора о дружбе и границе 28 сентября 1939 в Москве. На переднем плане Министр иностранных дел Германии Иохим фон Риббентроп.

Государственный архив ФРГ/архив фотоснимков

Приложение 4

Письмо Секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина Рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру

21 августа 1939 г.

Благодарю за письмо.

Надеюсь, что германо–советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

АВП СССР, ф. 0745, оп. 15, н. 38, д. 8, л. 149.

Приложение 5

Риббентроп – в МИД Германии

Telegram No.204, August 23rd 1939

Москва, 23 августа 1939 -- 20 час. 05 мин. Вне очереди Берлин
Телеграмма No 204 от 23 августа Срочно!

Пожалуйста, немедленно сообщите фюреру, что первая трехчасовая встреча со Сталиным и Молотовым только что закончилась. Во время обсуждения, которое проходило положительно в нашем духе, сверх того обнаружилось, что последним препятствием к окончательному решению является требование русских к нам признать порты Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) входящими в их сферу интересов. Я буду признателен за подтверждение до 20 часов по германскому времени согласия фюрера. Подписание секретного протокола о взаимном разграничении сфер интересов во всей восточной зоне, на которое я дал свое принципиальное согласие, обсуждается

22 сентября 1939 года Красная армия и Вермахт провели в городе Брест-Литовск совместный парад, ставший своего рода символом окончания раздела Польши. В центре фотографии генерал-майор Гейнц Гудериан и комбриг Семён Кривошеин.

Государственный архив ФРГ/архив фотоснимков

Пауза во время совместного советско-германского парада в Брест-Литовске 22 сентября 1939 года

Государственный архив ФРГ/архив фотоснимков

Приложение 6

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенный 23 августа 1939 г.

Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья I. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения как в отношении друг друга, так и совместно с другими державами.

Статья II. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III. Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой Стороны.

Статья V. В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе Стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI. Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII. Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР В. Молотов
За Правительство Германии И. Риббентроп

Приложение 7

Секретный дополнительный протокол о границе сфер интересов Германии и СССР

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 г.

По уполномочию Правительства СССР **В. Молотов**
За Правительство Германии **И. Риббентроп**

Приложение 8

Посол Шуленбург - Риббентропу

Телеграмма

Москва, 26 ноября 1940 -- 5.34 Получена 26 ноября 1940 -- 8.50

№ 2362 от 25 ноября

Срочно! Совершенно секретно!

Имперскому министру иностранных дел лично!

Молотов пригласил меня к себе сегодня вечером и в присутствии Деканозова заявил следующее: Советское правительство изучило содержание заявления имперского министра иностранных дел, сделанное им во время заключительной беседы 13 ноября, и заняло следующую позицию: Советское правительство готово принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, схематично изложенный имперским министром иностранных дел во время беседы 13 ноября 1940 г., на следующих условиях:

1. Предусматривается, что германские войска немедленно покинут Финляндию, которая по договору 1939 г. входит в советскую зону влияния. В то же время Советский Союз гарантирует мирные отношения с Финляндией и защиту германских экономических интересов в Финляндии (экспорт леса и никеля).

Предусматривается, что в течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны Проливов гарантируется заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, которая географически находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза, а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды.

Предусматривается, что зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений Советского Союза.

Предусматривается, что Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

В соответствии с вышеупомянутым проектом протокола о разграничении сфер интересов, схематично изложенный имперским министром иностранных дел, должен быть изменен таким образом, чтобы центр тер-

риториальных устремлений Советского Союза был перемещен южнее Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива.

Точно так же проект протокола или соглашения между Германией, Италией и Советским Союзом в отношении Турции должен быть дополнен таким образом, чтобы гарантировать базу для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды.

Предполагается, что, в случае заявления Турции о ее желании присоединиться к пакту четырех держав, три державы [Германия, Италия и СССР] гарантируют независимость и территориальную целостность Турции.

В протоколе должно быть указано, что в случае, если Турция откажется присоединиться к пакту четырех держав, Италия и СССР совместно выработают и практически применят военные и дипломатические санкции. Относительно этого должно быть заключено отдельное соглашение.

Кроме того, необходимо согласовать:

- а) третий секретный протокол между Германией и Советским Союзом относительно Финляндии (см. пункт 1);
- б) четвертый секретный протокол между Японией и Советским Союзом об отказе Японии от нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине (в обмен на соответствующую компенсацию);
- в) пятый секретный протокол между Германией, Советским Союзом и Италией, с признанием того факта, что Болгария географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ СССР и что заключение советско-болгарского договора о взаимопомощи, который ни в коем случае не затронет внутреннего режима Болгарии, ее суверенитета и независимости, является политической необходимостью.

В заключение Молотов заявил, что советское предложение предусматривает пять протоколов вместо двух, намеченных имперским министером иностранных дел. Он [Молотов] будет очень признателен германской стороне за ответное заявление.

Шуленбург

Приложение 9

Постановление Верховного Совета Эстонской ССР. Об отношении к пакту Молотова-Риббентропа

Верховный Совет Эстонской ССР, исходя из Декларации о суверенитете, принятой Верховным Советом Эстонской ССР 16 ноября 1988 года, и руководствуясь установками XIV (1989 г.) пленума ЦК Компартии Эстонии, считает необходимым дать ясную оценку заключенному Союзом ССР и Германией 23 августа 1939 г. договору о ненападении, а вместе с ним и секретному протоколу к этому договору, по которому Восточная Европа была поделена на сферы интересов этих государств. В соответствии с положениями этих соглашений под военно-политическим давлением великих держав насильственно решались судьбы народов, чем непосредственно нарушались принципы международного права и права нации на самоопределение.

Вследствие вышеуказанного правительство Эстонской республики было вынуждено заключить пакт о взаимопомощи с Союзом ССР, на основе которого в Эстонию были введены войска СССР, что явилось предпосылкой июньских событий 1940 года. За этим последовал режим сталинского террора, и Эстония оказалась беззащитной перед великодержавным давлением.

Верховный Совет Эстонской ССР постановляет:

1. Осудить и ходатайствовать перед Съездом народных депутатов СССР объявить недействительным с момента его подписания договор о ненападении, заключенный 23 августа 1939 года между СССР и Германией (пакт Молотова-Риббентропа), вместе с секретным протоколом к нему.

Переговоры о формировании советско-германской оси 14 ноября 1940 года в Берлине

Государственный архив ФРГ/архив фотоснимков

2. Обратиться к Съезду народных депутатов СССР с ходатайством образовать специальную комиссию с участием народных депутатов СССР, избранных от Эстонии, Латвии и Литвы, и специалистов, чтобы разработать и в течение июня с.г. предать гласности заключение об историко-юридических, политических и этических аспектах пакта Молотова-Риббентропа и последовавших за его заключением событиях.

Председатель Президиума Верховного Совета Эстонской ССР

А. Рюйтель

Секретарь Президиума Верховного Совета Эстонской ССР

А. Альманн

Таллинн, 18 мая 1989 г.

Приложение 10

Состав комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года.

Председатель комиссии:

ЯКОВЛЕВ Александр Николаевич, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС.

Заместители председателя:

АФАНАСЬЕВ Юрий Николаевич, ректор Московского государственного историко-архивного института;

ФАЛИН Валентин Михайлович, заведующий Международным отделом ЦК КПСС;

САВИСААР Эдгар Эльмарович, заместитель директора специального проектно-конструкторского бюро «Майнор».

Члены комиссии:

АЙТМАТОВ Чингиз, писатель, председатель правления Союза писателей Киргизской ССР;

АРБАТОВ Георгий Аркадьевич, директор Института США и Канады Академии наук СССР;

АРУТЮНЯН Людмила Акоповна, заведующая кафедрой Ереванского государственного университета;

БЫКОВ Василий Владимирович, писатель, секретарь правления Союза писателей СССР;

ВУЛЬФСОН Маврик Германович, старший преподаватель Академии художеств Латвии;

ГРЯЗИН Игорь Николаевич, заведующий отделом Института философии, социологии и права Академии наук Эстонской ССР;

ДРУЦЭ Ион Пантелеевич, писатель, Молдавская ССР;

ЕРЕМЕЙ Григорий Исидорович, председатель Молдавского республиканского совета профсоюзов;

КАЗАННИК Алексей Иванович, доцент кафедры Омского государственного университета;

КЕЗБЕРС Ивар Янович, секретарь ЦК Компартии Латвии;

КОРОТИЧ Виталий Алексеевич, главный редактор журнала «Огонек»;

КРАВЕЦ Владимир Алексеевич, Министр иностранных дел Украинской ССР;

ЛАВРОВ Сергей Борисович, заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета;

ЛАНДСБЕРГИС Витаутас Витаутович, профессор Государственной консерватории Литовской ССР;

ЛАУРИСТИН Марью Йоханнесовна, заведующая кафедрой Тартуского государственного университета;

ЛИППМАА Эндель Теодорович, директор Института химической и биологической физики Академии наук Эстонской ССР;

МАРЦИНКЯВИЧИУС Юстинас Мотеевич, писатель, Литовская ССР;

МОТЕКА Казимир Владиславович, адвокат 1-й Вильнюсской юридической консультации;

НЕЙЛАНД Николай Васильевич, заместитель Министра иностранных дел Латвийской ССР;

РИДИГЕР Алексей Михайлович, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей;

ШИНКАРУК Владимир Илларионович, директор Института философии Академии наук Украинской ССР;

ШЛИЧИТЕ Зита Леоновна, адвокат Клайпедской юридической консультации;

Приложение 11

Срочная телеграмма. Председателю Верховного Совета СССР товарищу М. С. Горбачеву

Настоящим выражаем свою озабоченность необоснованным затягиванием публикации документов, подготовленных комиссией по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года, это вызывает тревогу и накаляет обстановку в республиках Прибалтики. Каждый день нашего молчания работает против всех нас. Умное решение не даст ничего, если запоздать с его принятием.

Результаты нашей работы и согласованный документ отражают реальность и на данный момент не нуждаются в доработках. Комиссия приняла этот текст при единственном голосе против.

Для смягчения сложившейся напряженной обстановки мы решили опубликовать заключительный документ и просим Вас срочно дать органам центральной печати и телевидению указание незамедлительно опубликовать его.

Народные депутаты СССР,
заместители председателя комиссии Э. Сависаар, Ю. Афанасьев,
члены комиссии М. Вульфсон, И. Грязин, В. Ландсбергис, М. Лауристин, Э. Липпмаа, Ю.Марцинкявичюс, К. Мотека, З. Шличите

09.08.1989 г.

Приложение 12

От Комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 года

Открываясь перед страной перспектива строительства правового государства требует, по убеждению Комиссии, воспроизведения подлинной картины политического прошлого страны. Как полагают все члены Комиссии, только полное раскрытие исторической правды может служить целям подлинного уважения между народами, их взаимного доверия, утверждать нашу твердую приверженность новому политическому мышлению, делу строительства общеевропейского дома.

Основываясь на документах и научных данных, выслушав мнения экспертов, Комиссия пришла к следующему заключению:

1. Подписанный 23 августа 1939 г. договор о ненападении между Германией и СССР имел приложение – секретный дополнительный протокол. Хотя подлинник протокола не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах, следует признать доказанной достоверность текстов сохранившихся копий, которые публикуются.
Обязательства по договору вступали в силу немедленно после его подписания, но сам договор подлежал ратификации. В процессе его ратификации Верховным Советом СССР 31 августа 1939 г. секретный протокол не предъявлялся и в докладе Председателя СНК СССР и наркома иностранных дел В.М.Молотова ни прямо, ни косвенно не упоминался.
2. Комиссия находит, что секретный протокол, как по методу его составления, так и по содержанию являлся отходом от ленинских принципов советской внешней политики, а предпринятое в нем разграничение

сфер интересов СССР и Германии находится с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран.

Комиссия констатирует, что в тот период отношения СССР с Латвией, Литвой и Эстонией регулировались целой системой договоров. Основой этих отношений являлись мирные договоры 1920 г. и договоры о ненападении, заключенные в 1926-1933 гг., по которым их участники обязывались взаимно уважать, при всех обстоятельствах, суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга.

3. Комиссия констатирует, что переговоры с фашистской Германией по секретному протоколу велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, партии, ЦК ВКП(б) и депутатов Верховного Совета СССР. Таким образом, его заключение никоим образом не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за деяния сталинского руководства.

Внезапный поворот от непримиримой борьбы с фашизмом к сотрудничеству с нацистской Германией дезориентировал массы, оказывал деморализующее воздействие на силы, выступавшие против агрессии и войны.

4. Принимая во внимание большое политическое значение данного вопроса, Комиссия рекомендует Съезду народных депутатов СССР:

- a) подтвердить специальным актом аннулирование – с момента нападения Германии на СССР – договора от 23 августа 1939 г., договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября того же года, равно как и других советско-германских договоренностей 1939-1941 гг., и признать все секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания;

- b) осудить, как несовместимые с ленинской внешней политикой, нарушение предвоенным советским руководством правовых обязательств, взятых СССР перед третьими странами, использование во внешней политике чуждых социализму методов ультиматумов и силового давления.

5. С учетом важности событий 1939-1941 гг. Комиссия высказывается в пользу дальнейшего их комплексного изучения. Комиссия продолжает свою работу.

Заместители председателя Комиссии:

Афанасьев Юрий Николаевич, Сависаар Эдгар Эльмарович

Члены:

Айтматов Чингиз, Арутюнян Людмила Акоповна, Быков Василий Владимирович, Вульфсон Маврик Германович, Грязин Игорь Николаевич, Друцэ Ион Пантелеевич, Еремей Григорий Исидорович, Казанник Алексей Иванович, Кезберс Ивар Янович, Коротич Виталий Алексеевич, Лавров Сергей Борисович, Ландсбергис Витаутас Витаутович, Лауристин Марью Йоханнесовна, Липпмаа Эндель Теодорович, Марцинкявичюс Юстинас Мотеевич, Мотека Казимир Владиславович, Нейланд Николай Васильевич, Шинкарук Владимир Илларионович, Шличите Зита Леоновна

Август-сентябрь 1989 года

Из: Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised, 1990, N 39/2, lk. 165–166

Приложение 13

Не дать прикрыть отсутствие правды

Заявление квалифицированного большинства (3/4) членов комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора от 23 августа 1939 г.

Вопреки прямому назначению нашей комиссии предметом нашей сегодняшней особой тревоги являются не события 50-летней давности, нами уже в основном изученные и проанализированные, а происходившие за последние полтора месяца и происходящие сегодня. Те трудности и препятствия, с которыми столкнулась наша комиссия, дезинформация о ее работе могли бы быть отнесены нами за счет ее частного неблагоприятия и рассмотрены в качестве понятных трудностей становления авторитета народных депутатов СССР и их органов. Это было бы так, если бы за происходящим в нашей комиссии в сопоставлении с другими фактами (бесконтрольные действия президиума от имени всего Верховного Совета, не создание депутатам элементарных условий работы, сопротивление должностных лиц требованиям депутатов и их органов, бульварные инсинуации в центральной прессе в адрес отдельных народных депутатов СССР и т. п.) не угадывалась бы некая общая и весьма тревожная тенденция - тенденция сохранения старых, келейно-кабинетных методов ведения политики, идеологического диктата, подавления демократических органов государственной власти партийным и правительственно-административным аппаратом. При этом ощущается, что мы, народные депутаты СССР, имеющие авторитет демократически избранных народных представителей, должны порой служить лишь прикрытием тем решениям, с которыми мы не согласны и к которым нередко не имеем вообще никакого отношения, узнавая о них лишь задним числом из газет.

Не будучи вправе говорить за других, мы все же считаем нашим долгом обратить, от имени большинства членов комиссии, внимание лишь на некоторые моменты, связанные с ее работой. Тем более что сокрытие правды о ее деятельности и искажение ее позиции имело уже весьма существенные политические последствия. Осознавая свою ответственность, мы не желаем нести ее за то, что нам лишь приписывается.

Наша комиссия завершила первый этап своей работы принятием (при одном голосе "против") заявления, которое предполагалось опубликовать до 23 августа с. г., то есть в преддверии 50-летней годовщины подписания советско-германского пакта о ненападении и секретных протоколов к нему. Почти полное единогласие относительно текста заявления, достигнутое в июле, скреплено 20 подписями и одной визой из 26 членов комиссии. (С двумя членами комиссии нам после этого заседания связаться просто не удалось.) Задним числом мы не беремся рассуждать о несомненно благих последствиях такого шага как для внутренней, так и для внешней политики нашей страны. Не будем говорить о том, в какой мере этот шаг на пути действительной десталинизации нашей страны и акт нового политического мышления вернул бы доверие многих народов нашей страны к ее политике и повысил бы ее авторитет на международной арене. Факт остается фактом - заявление комиссии по первому этапу ее работы, одобренное ее квалифицированным большинством, председателем подписано не было и огласки не получило. Вместо этого в газете "Правда" было опубликовано интервью нашего председателя, в значительной мере не совпадающее с мнением подавляющего большинства членов комиссии и содержащее положения, разрушающие достигнутое совместным кропотливым трудом единство взглядов. Сокрытие того обстоятельства, что первый этап работы комиссии практически завершен, послужило основой ряду политических действий. Так, известное заявление ЦК КПСС о положении в Прибалтике имеет в своей основе лишь одно фактическое обстоятельство - осуществление в этих республиках массовой политической акции, связанной с требованиями денонсации так называемого пакта Молотова - Риббентропа, в условиях, когда соответствующая комиссия народных депутатов СССР свою работу по этому вопросу якобы не завершила. Этот же предлог был использован при разгоне мирных демонстраций в г. Москве и в других местах 23 августа с. г. Нет сомнений, что несколькомиллионная политическая акция народов Прибалтики, которая могла бы вылиться в шаг в сторону единения с центром, приобрела конфронтационное звучание в условиях, когда молчание центра по волнующему народы Молдавии и Прибалтики вопро-

су приобрело значение политического жеста. Тем самым действие, которое несло в себе созидающее начало, было заменено бездействием, порождающим новое недоверие и подозрительность.

Несмотря на то что материалы, отражающие истинную позицию комиссии, предлагались для официальной публикации, на нас все же ложится доля вины за то, что мы не действовали достаточно решительно в поисках альтернативных возможностей обнародования итогов первого этапа нашей работы. Тем более что - и это следует повторить - по вопросу о самом договоре от 23 августа и его секретных приложениях наша работа была практически завершена к 19 июля, о чем депутаты от Прибалтики сообщили своим избирателям. Правда, в складывавшейся в августе ситуации, когда мы оказались лишенными допуска к официальным средствам массовой информации, мы обратились еще в августе с соответствующей телеграммой к председателю Верховного Совета СССР. Ответ нами не получен по сей день, и игнорирование мнения большинства комиссии продолжается по сей день. Последним примером тому служит то обстоятельство, что на официальное обращение нижеподписавшихся к председателю Гостелерадио СССР о предоставлении эфирного времени для изложения заявления комиссии и ее позиций на Центральном телевидении дан отрицательный ответ. К нему было добавлено объяснение, что соответствующие возможности Гостелерадио СССР готово предоставить лишь председателю комиссии или его доверенным лицам. Беспрецедентность этого ответа председателя Гостелерадио СССР заключается в присвоении руководителем исполнительного органа себе права делить народных депутатов СССР по своему усмотрению на ранги и категории, в небывалом нарушении им своих полномочий путем открытого сопротивления органу, созданному непосредственно съездом народных депутатов СССР.

Не приступив к решению своей второй задачи - к правовой оценке непосредственных последствий договора, являющегося предметом нашего изучения, члены комиссии услышали на сентябрьском пленуме ЦК КПСС готовый вывод по этому вопросу, вызывающий, однако, серьезные сомнения и возражения. Но если вывод уже готов и если он представлен на столь высоком уровне, то к чему вся наша работа? И не является ли такое предвосхищение формой политического давления на нас? Как бы то ни было - работа по второму этапу идет, и идет она с тем уважением к результатам соответствующих парламентских и академических комиссий Молдавии, Литвы и Эстонии, которого они заслуживают. Упрек, высказанный в их адрес, что они в чем-то опережают нас, исходит не от нас. Мы против монополизма в политике и лысенковщины в науке и ни в коей мере не согласны способствовать политическому диктату в отношении научных изысканий. Комиссии республик, аналогичные нашей, являются для нас партнерами и коллегами, а не подчиненными или учениками.

Говоря о наших проблемах, мы считаем необходимым заявить, что нами оценена попытка политической инсинуации против одного из наших членов в центральной прессе, и мы сделали по этому поводу должные выводы.

В заключение повторим: дело не в частном неблагополучии нашей комиссии, а в созвучности наших трудностей с проблемами других комиссий и многих народных депутатов СССР. Сегодня мы, народные депутаты СССР, лишены власти. Мы лишены полного голоса. Мы слышим, как от нашего имени говорят не наши слова. Но мы не лишены совести и ответственности - перед всем миром, перед страной, перед своими избирателями и перед самими собой. Сегодня нам нужна правда, какой бы горькой она порой и ни была. Правда во имя очищения, покаяния, во имя рождения нового доверия между народами, во имя рождения истинно демократической советской федерации. И мы не только вправе, но мы и обязаны ее сказать. Или же сложить свои полномочия, чтобы не дать прикрыть отсутствие правды, ее половинчатость и условность демократичностью государственного статуса народного депутата СССР. Наша работа близка к завершению, и до тех пор, пока ее завершение не потребует сговора со своей совестью и торга с исторической правдой, до тех пор мы продолжим ее.

Заместители председателя: Ю.Н. Афанасьев, Э. Э. Сависаар

29 сентября 1989 г.

Приложение 14

От комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года (Пояснительная записка от 14 декабря 1989 г. Съезду народных депутатов СССР)

В соответствии с мандатом Первого Съезда народных депутатов СССР Комиссия изучила документальные материалы, связанные с обстоятельствами заключения в 1939 году советско-германского договора о ненападении. Соответствующее внимание было уделено как международным условиям того времени, так и объективным и субъективным факторам, определявшим внешнюю и внутреннюю политику СССР предвоенных лет.

Комиссия исходила из того, что перспектива строительства правового социалистического государства требует воспроизведения подлинной картины прошлого. Лишь полная историческая правда отвечает принципам нового политического мышления, и только вся правда может служить целям взаимного доверия и уважения между народами Советского Союза.

Комиссия отмечает высокую степень заинтересованности советских людей в раскрытии причинно-следственных связей кануна второй мировой войны, отражающую желание не только разобраться в происхождении жесточайшей трагедии, постигшей человечество, но и извлечь должные уроки на будущее. Широкое участие в дискуссии вокруг событий 1939 года граждан различных возрастных и профессиональных групп, национальной и религиозной принадлежности практически из всех регионов страны, принявшее массовый характер в республиках Советской Прибалтики, в западных районах Украинской ССР и Белорусской ССР, в Молдавской ССР, свидетельствует также о неудовлетворенности советских людей долгим отсутствием адекватных ответов на ряд капитальных вопросов прошлого.

Ожидания и интерес общественности поднимали планку ответственности за выводы, которые предстояло сделать комиссии в осуществление поручения Съезда народных депутатов СССР. В этих условиях изначальной задачей стала мобилизация материалов, позволяющих с максимальной точностью воссоздать ход событий полувековой давности, проследить существовавшие тогда взаимообусловленности.

По запросам комиссии в советских архивах был проведен поиск документов, характеризующих суть отношений СССР накануне войны с Германией, Англией, Францией и другими государствами. Ряд документов, важных для сравнительного анализа, поступил из Политического архива ФРГ и из некоторых других зарубежных источников. В целом выявлено немало материалов, ранее оставшихся вне научного оборота и проливающих дополнительный свет на развитие ситуации 1939 года.

Члены комиссии ознакомились со свидетельствами – в том числе здравствующих поныне – непосредственных участников контактов и переговоров 1939 года между СССР и Германией, Англией и Францией. Были заслушаны, кроме того, соображения советских и иностранных ученых и экспертов, занимающихся проблематикой второй мировой войны.

В адрес комиссии поступило большое количество писем, авторы которых сообщали личные наблюдения и впечатления касательно событий 1938–1941 гг. Естественно, здесь отражался весьма широкий спектр взглядов. Во многих письмах проводится мысль о необходимости избегать в заключениях одномерности, содержаться предостережения против антиисторизма, приспособления прошлого к настроениям настоящего.

На заседаниях комиссии высказывались разноречивые суждения насчет действий главных участников событий 1939 года, предлагались различные методики исследования предмета и его временных рамок.

С одной стороны, говорилось о «запрограммированности» катастрофы 1939 года, с другой – делался акцент на невнимание к резервам дипломатии, на упущенные политические возможности предотвратить худшее. Давали себя знать разные критерии при определении меры ответственности за случившееся отдельных стран, которые сами стали мишенями гитлеровской агрессии.

Весьма значительным оказался разброс мнений ученых-политологов, юристов, дипломатических работников по предвоенной политике СССР, приглашавшихся для заслушивания в комиссию. Часть специалистов отстаивает мнение, что заключение советско-германского договора о ненападении было актом самозащиты Советского государства, позволило отодвинуть нашу вооруженную схватку с нацизмом почти на два

года. Им противостояла точка зрения, что заключение договора с Германией было одним из просчетов Сталина, в результате чего к моменту нападения Германии Советский Союз попал в худшее, чем прежде, положение.

Выводу, что договор от 23 августа 1939 года внес раздор в «Антикоминтерновский блок» и серьезно ослабил его, противопоставлялся тезис о том, что «сговор Сталина с Гитлером» облегчил последнему развязывание войны.

Одни эксперты указывали на то, что договоренности августа 1939 года ставили предел продвижению нацистских войск на Восток, заставляли Германию считаться с советскими интересами. Те же факты интерпретируются другими специалистами как показатель тяги Сталина к «выигрышу территорий», установлению «опеки» над сопредельными с СССР районами и государствами, вмешательству в их внутренние дела.

Как важный этап исторического процесса консолидации украинского и белорусского народов характеризовалось воссоединение в 1939 году западных районов с Украинской ССР и Белорусской ССР. В то же время в глазах широких слоев населения Прибалтийских государств советско-германские договоренности 1939 года являются отправной точкой для оценки последовавших в 1940 году событий, приведших к включению Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. Решения той поры вызывают дискуссии в широких кругах общественности Молдавской ССР.

На заседаниях комиссии отмечалось, что международная обстановка 1930-х годов, особенно осложнившаяся после предательства Англией и Францией Чехословакии, обязывала советское руководство заботиться об ограждении безопасности страны. Вместе с тем эта обязанность не снимала с него ответственности за соблюдение договоров и соглашений, регулировавших отношения СССР с другими государствами. Широко распространенные в тот период произвол, насилие, двойная мораль в международных делах не оправдывали отступлений и искажений Сталиным принципов ленинской внешней политики.

Истекшие полвека дают возможность критически осмыслить каждый эпизод перехода Европы от мира к войне, тщательно выверить всю совокупность фактов до и после августа 1939 года. К такому прочтению истории нас обязывает память о бесчисленных жертвах и горе, не обошедших ни одну советскую семью от Балтики до Камчатки. В этой переоценке ценностей не может быть ни запретных тем, ни поставленных выше правды личностей.

Взвешивая слагаемые прошлого в его связи с настоящим и будущим, Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года пришла к следующим выводам:

1. Договор с Германией о ненападении заключался СССР в критической ситуации надвигавшегося конфликта в Европе и в условиях, когда попытки СССР, Англии и Франции прийти к эффективному согласию о совместном отпоре агрессии оказались безрезультатными. Подписанный 23 августа 1939 года договор подлежал утверждению Верховным Советом СССР, хотя обязательства сторон по договору вступали в силу немедленно. Постановление о ратификации было принято в Москве 31 августа, а обмен ратификационными грамотами состоялся 24 сентября 1939 года.
2. Содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятой тогда для подобного рода урегулирований. Аналогичные договоренности с Германией имелись в тот период у Англии и Франции. Однако ни при заключении договора, ни в процессе его ратификации, ни в какой-либо другой связи не раскрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Но в свете имеющихся в распоряжении комиссии документов и материалов 1939–1941 годов из советских и зарубежных источников не вызывают сомнения существование секретного протокола и достоверность сохранившейся его копии. Текст этой копии воспроизведен в изданиях МИД СССР.

3. Комиссия находит, что «секретный дополнительный протокол» как по методу составления, так и по его содержанию являлся отходом от ленинских принципов советской внешней политики, а предпринятое в нем разграничение «сфер интересов» СССР и Германии находилось с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран.

Комиссия отмечает, что в тот период отношения СССР с Латвией, Литвой и Эстонией регулировались системой договоров. Согласно мирным договорам 1920 года и договорам о ненападении, заклю-

ченным в 1926–1933 годах, их участники обязывались взаимно уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Сходные обязательства Советский Союз имел перед Польшей и Финляндией.

4. Комиссия констатирует, что переговоры с Германией по секретному протоколу велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и правительства СССР. Таким образом, решение о его подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор.
5. Последовавший за подписанием договора и «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года внезапный поворот от непримиримой борьбы с фашизмом к сотрудничеству с нацистской Германией, совершенный Сталиным и его окружением, оказал значительное дезориентирующее воздействие на силы, выступавшие против агрессии, войны и фашизма.
6. Принимая во внимание большое политическое и нравственное значение данного вопроса, комиссия рекомендует Съезду народных депутатов СССР в контексте вышеизложенного:
  - а) Подтвердить, что договор о ненападении от 23 августа 1939 года, а также договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября того же года, равно как и другие советско-германские договоренности 1939–1941 годов, в соответствии с нормами международного права, утратили силу в момент начала Германией войны против СССР, то есть с 22 июня 1941 года.
  - б) Осудить факт подписания одновременно с договорами от 23 августа и 28 сентября 1939 года секретных протоколов, поскольку их существование подтверждается выявленными данными, как отход от ленинских принципов советской внешней политики.

в) Признать принятые втайне от советского народа, от Верховного Совета СССР, изъятые из процедур ратификации протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Констатировать, что протоколы не создавали новой правовой базы для отношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы предвоенным руководством СССР для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств.

Комиссия исходит из того, что осознание сложного и противоречивого прошлого есть часть процесса перестройки и нового политического мышления, призванных обеспечить каждому народу Советского Союза возможности свободного и равноправного развития в условиях целостного, взаимозависимого мира и расширяющегося взаимопонимания.

Текст пояснительной записки подписан 14 декабря 1989 года комиссией в полном составе:

Г. ЕРЕМЕЙ	М. ВУЛЬФСОН
Э. САВИСААР	Л. АРУТЮНЯН
Ю. АФАНАСЬЕВ	А. ЯКОВЛЕВ
К. МОТЕКА	Э. ЛИПГМАА
Ю. МАРЦИНКЯВИЧЮС	Н. НЕЙЛАНД
З. ШЛИЧИТЕ	И. ДРУЦЭ
В. ФАЛИН	В. БЫКОВ
Г. АРБАТОВ	В. ШИНКАРУК
В. ЛАНДСБЕРГИС	Ч. АЙТМАТОВ
И. ГРЯЗИН	В. КРАВЕЦ
М. ЛАУРИСТИН	И. КЕЗБЕРС
МИТРОПОЛИТ АЛЕКСИЙ (А. РИДИГЕР)	С. ЛАВРОВ
А. КАЗАННИК	В. КОРОТИЧ

Приложение 15

Выступления Э. Липпмаа и Э. Сависаара на Втором Съезде народных депутатов СССР, 23 декабря 1989 года

Э. Липпмаа:

Уважаемый Съезд! Это исторический документ, который мы рассматриваем теперь. Очень важно одобрить это Постановление. Мы должны проявить принципиальность. Можно понять сговор с Гитлером в 1939 году, но нельзя понять продолжение этого сговора 50 лет позднее. Этого мы не должны делать. Поэтому абсолютно необходимо его осуждение. Мы не можем просто одобрить первый пункт, как товарищ Кравец хочет. Он зря озабочен границей Украины. Она была оговорена в Ялте, и, я думаю, там больших проблем нет. Кроме того, Гельмут Коль тоже недавно выразил надежду, что западные границы Польши твердые, так что, я думаю, особых проблем здесь нет.

Мы должны признать, что был сговор. Но теперь надо конструктивно работать, чтобы определиться, как жить дальше. Это касается экономики, военных тем, национальных вопросов, глобальной политики. Сказать теперь, что мы сами хотели быть участниками сговора – это просто оскорбление. А оскорбление стран и наций, больших и маленьких, никогда не может быть мудрой политикой, и лучше этого не делать. Давайте работать всё-таки конструктивно. Для того, чтобы создать хорошую базу для взаимного доверия во всем мире, а это нам крайне важно теперь, надо одобрить Постановление в целом, как есть, со всеми пунктами без изменений. Тем более что они одобрены комиссией, всеми специалистами, а это веский довод в том, что это мудрое, продуманное и нелегкое решение. Кроме того, это намного увеличивает авторитет наших действий и содействует росту доверия к нашей стране.

Есть, конечно, и другой аспект – продолжение работы. Конечно, это имеет смысл, работа всегда продолжается. Но это уже другой вопрос. Я уже подчеркнул, что сейчас действительно важно. А пересказывать ещё раз всё, что уже было сказано, вряд ли имеет смысл. Например, подлинность подписи Молотова на сохранившихся в ФРГ фотокопиях подтверждается специалистами. Это есть и в письме товарища Шеварнадзе товарищу Яковлеву. Это нужно знать, но, я думаю, это уже детали, и не хочу вникать в эти детали. Поэтому я ещё раз призываю Съезд одобрить Постановление в целом. Спасибо.

Э. Сависаар:

Я был одним из заместителей председателя комиссии, поэтому просил слова. Здесь высказывалось мнение, что по данному вопросу можно было бы ограничиться кратким решением и констатацией, что Съезд принимает к сведению выводы комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года (пункт 1 проекта Постановления). Однако это равнозначно остановке на полпути. Выводы комиссии представляют собой лишь рекомендации для верховной власти, но никак не выражают волю государства. Я строго придерживаюсь мнения, что второму Съезду народных депутатов СССР следует принять именно развернутое собственное решение в виде подготовленного комиссией Постановления.

Председательствующий. Ваша позиция ясна.

Сависаар Э. Поэтому я предлагаю поименное голосование. Именно поименное. (Аплодисменты).

Второй Съезд народных депутатов СССР, 12–24 дек. 1989: Стенографический отчет. Том IV. М., 1990. С. 284–285, 296.

Из доклада председателя Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года А.Н.Яковлева 23 декабря 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР

Товарищи депутаты! Начну с исторической справки. 23 августа 1939 года был подписан, а 31 августа ратифицирован Верховным Советом СССР советско-германский договор о ненападении. 24 августа он был опубликован. 24 сентября состоялся обмен ратификационными грамотами.

В 1946 году на Нюрнбергском процессе впервые упоминается факт существования секретного протокола. 23 мая 1946 года протокол публикуется в газете «Сан-Луи пост диспетч», а в 1948 году появляется в изданной в США книге «Национал-социалистская партия Германии и Советский Союз. 1939-1941 годы». До этого о содержании протокола не знала не только общественность, но и Верховный Совет СССР, не знало об этом и Политбюро ЦК партии.

С 1939 года никакой информации по этому поводу у нас не публиковалось. Причины умалчивания понятны: суть секретного протокола сводилась к тому, что Сталин и Гитлер поделили «сферы интересов», куда вошли соседние суверенные государства.

Все это обошлось нам дорого - и политически, и морально. До сих пор строятся всевозможные гипотезы относительно того, как пошло бы развитие событий в Европе без договора и протокола: в частности, началась бы в этом случае война 1 сентября 1939 года или нет. Общественное мнение и сегодня подпитывается идеями, будто определенные аспекты современного положения в Европе, притом касающиеся не только Советского Союза, выглядят так, как если бы они складывались на базе или под влиянием договора от 23 августа 1939 года и секретных протоколов августа-сентября.

Все это побудило первый Съезд народных депутатов образовать 2 июня 1989 года комиссию в составе 26 народных депутатов. Хочу подчеркнуть, что мы касались только 1939 года, но не последующих лет. Подчеркиваю это потому, что в комиссию поступило очень много разного рода заявлений и записок, касающихся 1940 года и последующих лет. Так вот, я хотел бы подчеркнуть еще раз, что компетенция комиссии ограничилась 1939 годом и отвечать на другие вопросы и делать суждения о событиях она не правомочна.

Такова предыстория.

Комиссия пришла к соглашению по выводам. Я сразу скажу: консенсус дался нелегко. Споров и столкновений мнений было немало, но они не подрывали общей конструктивной атмосферы обсуждений.

При всем многообразии подходов, точек зрения, эмоциональных оттенков превалировало стремление раскрыть не разрозненные эпизоды прошлого, но осмыслить предвоенную действительность комплексно, в ее реальных взаимосвязях и взаимообусловленностях.

Дело не упрощалось и тем, что наша официальная историография долго уклонялась от прояснения многих страниц внешней политики СССР всего послеоктябрьского периода. Конечно, здесь есть свои условия и ограничители, связанные с интересами третьих стран. Но немало и такого, что лежит под спудом в силу инерции и сложившихся стереотипов. В любом случае, некоторые ключевые документы из советских архивов, относящиеся к обсуждаемой теме, стали доступными лишь в самое последнее время.

Попутно замечу, что бытующее мнение, будто Англия и США без остатка раскрыли свои документальные досье, не более чем легенда. Лондон, например, установил, что значительная по объему и крайне важная для постижения былого часть правительственных архивов останется засекреченной до 2017 года, а Вашингтон по ряду документов вообще не назвал таких временных ограничителей.

Тем не менее, уже накопленный запас достоверных данных позволяет воспроизвести картину влзания человечества и отдельных государств во вторую мировую войну и сделать на основе анализа совокупности фактов адекватные выводы.

И еще несколько замечаний предварительного характера.

Во-первых, приступая к анализу и оценкам прошлого, мы, понятно, не в состоянии даже на мгновение вырвать из наших сердец события, последовавшие за 1939 годом. Наше сознание и поныне мучает скорбь по миллионам и миллионам погибших рабочих и крестьян, ученых и поэтов, которых нет с нами сегодня. Не утихает и гнев

к фашизму, и презрение к тем, кто продемонстрировал свою неспособность обуздать убийц. Тут нелегко удержаться строго в фарватере фактов, не поддаваться натиску естественных чувств. Но отвергнуть, осудить что-либо слишком просто. Надо еще понять. Понять, как рождались соглашения, сделки, сговоры, что двигало их вдохновителями и создателями. Понять, чтобы оградить себя от повторения уже пройденного.

Применительно к прошлому время остановилось. Постигание любого события - независимо от эмоционального шлейфа, который оно тянет за собой, - возможно при условии, если его анализ проводится в конкретном контексте исторического развития. Мы же часто оказываемся во власти априорных мнений, но не фактов, в плену удобных нам схем; пасуем перед искусом обелять свое и чернить чужое или - что не лучше - идеологизировать историю до степени, когда она теряет свое действительное содержание. И лишь трезвый, честный анализ, лишенный ослепляющих эмоций и унижающих достоинство предвзятостей, способен утихомирить взбаламученное море страстей.

Борение за истину и есть двигатель истории. Историческая совесть призвана сберечь прогресс от лукавства, от дьявольского соблазна сыграть с прошлым в прятки. Мы совершили бы двойную ошибку, попытавшись вывести за скобки «неудобные» темы. Оправдывать собственные падения грехами других - путь не к честному самопознанию и обновлению, а к историческому беспамятыству.

Во-вторых, в процессе работы комиссии мы еще раз убедились в том, как далеко ушел мир за последние полвека. Как сильно разнятся политические, правовые и моральные нормы мира современного и того, в котором жила Европа пять десятков лет назад. Все это приходилось учитывать, погружаясь в прошлое, но в надежде вернуться в политическое сегодня. Главное было - не перепутать внешнее с сущим. <...>

Политическая и правовая оценка советско-германского договора о ненападении дана в заключении комиссии и в проекте Постановления, предложенных вниманию Съезда. Это, как полагают члены комиссии, итог анализа фактов и синтеза мнений, адекватно передающий особенности крайне противоречивой ситуации того времени и нашего отношения к ней с позиций нового политического мышления.

Комиссия сформулировала оценки и в отношении протокола. Они таковы.

Первое. Секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года существовал, хотя его оригинал не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. Имеющиеся в распоряжении правительств СССР и ФРГ копии могут быть на уровне современных знаний признаны достоверными. Да и сами последующие события развивались точно «по протоколу».

Второе. Исходный протокол был составлен в МИД Германии и принят Сталиным и Молотовым с небольшими поправками. Советские участники переговоров, не к их чести, забыли свои изначальные пожелания о двойных гарантиях независимости прибалтийских стран. Они не настаивали на отражении в протоколе готовности Германии образовать Японию, удовлетворившись устными обещаниями Риббентропа на сей счет.

Третье. О факте подготовки протокола не ставились в известность политические и государственные инстанции Советского Союза. Молотов не имел должным образом оформленных полномочий на его подписание. Протокол был изъят из процедуры ратификации и не утверждался законодательными или исполнительными органами страны.

Четвертое. Будучи принят в обход внутренних законов СССР и в нарушение его договорных обязательств перед третьими странами, протокол в юридическом смысле являлся изначально противоправным документом, представлял собой сговор, выражавший намерения подписавших его физических лиц. Наконец, пятое. Метод выработки протокола и примененные в нем категории и понятия («территориально-политическое переустройство» и прочие) были явным отходом от ленинских принципов советской внешней политики.

Верно, что народы Украины и Белоруссии возвратили себе территориальную общность. Но разве по тем же общечеловеческим меркам нельзя понять и чувства тех, кто оказался бессильной игрушкой более сильных, кто через призму содеянных Сталиным несправедливостей стал оценивать всю свою последующую историю?

Встав на путь раздела добычи с хищником, Сталин стал изъясняться языком ультиматумов и угроз с соседними, особенно малыми, странами. Не счел зазорным прибегнуть к силе оружия - так произошло в споре с Финляндией. В великодержавной манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии, восстановление Советской власти в республиках Прибалтики. Все это деформировало советскую политику и государственную мораль.

Наверное, впервые о событиях трудного предвоенного времени говорится в столь жестких и безоговорочных формулировках. Но когда-то должна была быть сказана вся правда, даже самая горькая.

Секретный протокол от 23 августа 1939 года точно отразил внутреннюю суть сталинизма. Это не единственная, но одна из наиболее опасных мин замедленного действия из доставшегося нам в наследство минного поля, которое мы сейчас с таким трудом и сложностями хотим очистить. Делать это надо. Ответственные мины коррозии не знают. Мы не можем не сделать этого во имя перестройки, ради утверждения нового политического мышления, для восстановления чести социализма, попорченной сталинизмом.

Комиссия считает, что в результате проделанной работы вносится определенность в ряд вопросов, занимающих умы людей, сформулирован верный в правовом и нравственном смысле вердикт, прежде всего, секретному протоколу.

Члены комиссии выразили эти свои выводы, взвешивая каждое слово и сверяя их со своими убеждениями.

Если Съезд сочтет возможным согласиться с предложениями комиссии, это дополнительно послужит очищению атмосферы от реликтов прошлого, несовместимых с социализмом и справедливостью.

Товарищи депутаты!

В заключение хочу сказать следующее. История сама себе прокурор и судья. Но, погружаясь в нее, мы не можем абстрагироваться от того, что предвоенные события развивались в другой системе координат. Тогда страны еще не осознали себя в едином потоке человечества; ни общеевропейские, ни общемировые идеалы справедливости и гуманизма не пробились к общественному и особенно государственному сознанию; голос мыслителей, увидевших предел цивилизации, перекрывался топотом солдатских сапог и овациями в честь вождей; судьбы мира вершились замкнутыми группами политиков и политиканов с их амбициями и эгоизмом, демагогией и отстраненностью от масс; уделом народов многие хотели навсегда сделать обслуживание этих групп, да еще участие во взаимном истреблении.

Понадобилось свергнуть мир в пучину безумия, прежде чем идея взаимосвязанности и судеб, и коллективных действий во имя избавления Земли от тирании и возрождения мира начала утверждаться как объективная истина.

Рано или поздно правда выходит на свет божий, фальшь отбрасывается. Без такого нравственного очищения немислимо развитие цивилизации. Сегодня признать это важнее, чем когда-либо прежде. Народы могут спокойно жить и быть уверенными в будущем только все вместе и никак не друг против друга.

Спасибо за внимание.

Приложение 17

Выступление А. Н. Яковлева 24 декабря 1989 года на Съезде народных депутатов СССР

Товарищи депутаты!

Представленный вчера вниманию Съезда документ – комиссия уполномочила меня повторить это – результат долгой и кропотливой работы и членов комиссии, и многочисленных экспертов, ученых, организаций и институтов.

По поручению комиссии были изучены относящиеся к началу второй мировой войны материалы в архивах МИД СССР, Министерства обороны СССР, КГБ СССР, Главного архивного управления, Института марксизма-ленинизма, Общего отдела ЦК КПСС. По запросу комиссии архивные материалы передало по поручению своего правительствa посольство ФРГ в СССР.

Вчера вечером комиссия снова обсудила итоги своей работы, сделанные ранее выводы, замечания и соображения, высказанные народными депутатами в ходе заседания. Она работала вместе с представителями Министерства иностранных дел СССР.

От имени комиссии хотим просить вас еще раз рассмотреть представленные ею соображения, с отдельными поправками, о которых я доложу ниже.

А теперь о проблеме, которая вызвала наибольшее количество вопросов: о секретных протоколах.

Действительно, оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Тем не менее, комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года

Выступление Александра Яковлева перед голосованием по вопросу о Пакте Молотова-Риббентропа
Кадр из документального фильма Юхана Ааре «Эстонцы в Кремле», 2006

существовал. Я извиняюсь, вчера просто не расслышал вопрос товарища Сухова – тут не очень комфортная обстановка для того, чтобы слушать вопросы, – не расслышал и не смог на него вчера, таким образом, ответить. Но отвечу сегодня. Докладываю.

Первое. В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 года подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым – Подцеробу. Таким образом, оригиналы у нас были, а затем они исчезли. Куда они исчезли, ни комиссия, никто об этом не знает. Вот текст этой записки: «Мы, нижеподписавшиеся, заместитель заведующего Секретариатом товарища Молотова Смирнов и старший помощник Министра иностранных дел Подцероб, сего числа первый сдал, второй принял следующие документы особого архива Министерства иностранных дел СССР.

1. Подлинный секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 года на русском и немецком языках, плюс 3 экземпляра копии этого протокола».

Дальше не относящиеся к этому делу, в одном случае 14, в другом – еще несколько документов. Подписи: «Сдал Смирнов; принял Подцероб». Это – первое.

Следующий факт. Найдены заверенные машинописные копии протоколов на русском языке. Как показала экспертиза, эти копии относятся к молотовским временам в работе МИД СССР.

Третье. Криминалисты провели экспертизу подписи Молотова в оригинале договора о ненападении, подлинник которого, как вы сами понимаете, у нас есть, и в фотокопии секретного протокола. Эксперты пришли к выводу об идентичности этих подписей.

Четвертое. Оказалось, что протоколы, с которых сняты западногерманские фотокопии, были напечатаны на той же машинке, что и хранящийся в архивах МИД СССР подлинник договора. Как вы понимаете, таких совпадений не бывает.

И наконец, пятое. Существует разграничительная карта. Она напечатана, завизирована Сталиным. Карта разграничивает территории точно по протоколу. Причем на ней две подписи Сталина. В одном случае –

общая вместе с Риббентропом, а во втором случае Сталин красным карандашом делает поправку в нашу пользу и еще раз расписывается на этой поправке.

Таким образом, дорогие товарищи, эти соображения не вызывают малейших сомнений в том, что протокол такой существовал. Это первый вопрос.

Второй. На основании вчерашнего обсуждения и на основании того, что я вам только что сказал, комиссия вчера ночью еще раз обсудила проект и просит Съезд еще раз его рассмотреть со следующими поправками.

В пункте 2, который вызвал критику, после слов «Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации» вместо слов «и имел объявленной целью» записать так: «в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигающейся войны». Записать здесь: «войны», а не «вооруженного конфликта в Европе», как вчера предлагали некоторые депутаты. Дальше, в следующей фразе: «в конечном счете, эта цель не была достигнута» вместо «иллюзии, порожденные» записать: «просчеты, связанные с наличием обязательств». И наконец, в конце дополнить этот абзац следующими словами: «в это время страна стояла перед трудным выбором».

Дальше. Последний абзац третьего пункта, где говорится о протоколах, сформулировать следующим образом: «В подлиннике протокола не обнаружено ни в советских, ни в зарубежных архивах», и добавить: «Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соотвественные последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования». Мы избегаем слова «достоверность», поскольку юристы говорят, что для достоверности надо иметь оригинал. Точнее, как считают юристы, записать: «подтверждают факт его подписания и существования».

Наконец, было замечание насчет слов «предвоенным советским руководством». Комиссия считает целесообразным заменить эти слова: «Сталиным и его окружением».

И наконец, снять пункт 8, в котором говорится о демобилизующем влиянии договора на антифашистские силы, поскольку эта тема нашла свое отражение достаточно и в докладе, и в объяснительной записке. Таковы соображения и дополнительные предложения комиссии.

Дорогие товарищи! Комиссия убеждена: вердикт сформулирован верно и в правовом, и в нравственном смысле; и в отношении договора о ненападении, и по секретному протоколу. Вердикт, нужный социализму, перестройке, новому политическому мышлению, нужный каждому из нас.

Какое бы решение ни принял Съезд – поддержать выводы комиссии, отклонить, просто принять к сведению или какое-то иное – оно уже не изменит историю.

Прошлое останется таким, каким оно сложилось в те годы.

Оно, это решение, не изменит юридического статуса рассмотренных комиссией договора и протокола. Как уже отмечалось, с нападением Германии на Советский Союз были перечеркнуты любые существовавшие на тот момент двусторонние соглашения.

А послевоенный мир строился уже на иных основах. Наш мандат ограничен 1939 годом, и делать какие-либо выводы по другим периодам нет оснований.

Но решение Съезда может изменить нашу политическую и нравственную оценку конкретных документов, ничего более, как только этих документов, я это подчеркиваю. Мы проведем – или не проведем – четкую границу между правоммерным, обоснованным, каким является договор, и морально негодным, неприемлемым, несовместимым с социализмом, каким является протокол.

Теория относительности, товарищи, великое открытие в постижении Вселенной. Но относительность не может существовать в сфере морали. Мы обязаны вернуться на твердую, здоровую почву незыблемых нравственных критериев. Пора осознать – беззаконие страшно не только своим прямым эффектом, но и тем, что оно калечит сознание, создает ситуации, когда аморальность и оппортунизм начинают считать нормой. Любое наше решение, товарищи депутаты, будет одновременно не только политическим, но и нравственным. Спасибо за внимание.

«Известия», 25 декабря 1989 г.

Приложение 18

Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года».

1. Съезд народных депутатов СССР принимает к сведению выводы Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года.
2. Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей – отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. В конечном счете эта цель не была достигнута, а просчеты, связанные с наличием обязательств Германии перед СССР, усугубили последствия вероломной нацистской агрессии. В это время страна стояла перед трудным выбором.

Обязательства по договору вступали в силу немедленно после его подписания, хотя сам договор подлежал утверждению Верховным Советом СССР. Постановление о ратификации было принято в Москве 31 августа, а обмен ратификационными грамотами состоялся 24 сентября 1939 года.

3. Съезд считает, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации, скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

Подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования.

4. Съезд народных депутатов СССР настоящим подтверждает, что договор о ненападении от 23 августа 1939 года, а также заключенный 28 сентября того же года договор о дружбе и границе между СССР и Германией, равно как и другие советско-германские договоренности, – в соответствии с нормами международного права – утратили силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 года.
5. Съезд констатирует, что протокол от 23 августа 1939 года и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 годах, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Предпринятые в них разграничения «сфер интересов» СССР и Германии и другие действия находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран.

Съезд отмечает, что в тот период отношения СССР с Латвией, Литвой и Эстонией регулировались системой договоров. Согласно мирным договорам 1920 года и договорам о ненападении, заключенным в 1926–1933 годах, их участники обязывались взаимно уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность, и неприкосновенность друг друга. Сходные обязательства Советский Союз имел перед Польшей и Финляндией.

6. Съезд констатирует, что переговоры с Германией по секретным протоколам велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР; эти протоколы были изъяты из процедур ратификации. Таким образом, решение об их подписании было по существу и по форме актом личной власти и никак не отражало волю советского народа, который не несет ответственности за этот сговор.
7. Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания.

Протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств.

8. Съезд народных депутатов СССР исходит из того, что осознание сложного и противоречивого прошлого есть часть процесса перестройки, призванной обеспечить каждому народу Советского Союза возможности свободного и равноправного развития в условиях целостного, взаимозависимого мира и расширяющегося взаимопонимания.

Председатель Верховного Совета СССР
М. ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль. 24 декабря 1989 г.

«Правда», 28 декабря 1989

Приложение 19

Постановление Верховного Совета Эстонской ССР.

О государственном статусе Эстонии

Верховный Совет Эстонской ССР утверждает, что оккупация Эстонской республики Союзом ССР 17 июня 1940 г. не прервала существование Эстонской республики де-юре: территория Эстонской республики является оккупированной до настоящего времени.

Верховный Совет Эстонской ССР, учитывая ясно выраженную волю эстонского народа к восстановлению самостоятельности Эстонской республики и законной государственной власти:

- признает незаконной государственную власть Союза ССР в Эстонии с момента ее установления и провозглашает начало восстановления Эстонской республики (*restitutio ad integrum*);
- объявляет переходный период, который закончится формированием конституционных органов государственной власти Эстонской республики.

Верховным Советом Эстонской ССР разрабатывается временный порядок правления на переходный период, включающий правовые гарантии для всех жителей, независимо от национальности.

Настоящее Постановление вступает в силу с момента принятия.

Председатель Верховного Совета
Эстонской ССР

А. Рюйтель

Таллинн, 30 марта 1990 г.

Результаты голосования по вопросу о Пакте Молотова-Риббентропа
Кадр из документального фильма Юхана Ааре «Эстонцы в Кремле», 2006

Приложение 20

Постановление Верховного Совета Эстонской Республики. О государственной независимости Эстонии.

Исходя из преемственности Эстонской Республики как субъекта международного права, основываясь на волеизъявлении о восстановлении государственной независимости Эстонской республики, четко выраженном населением Эстонии на проведенном 3 марта 1991 года референдуме, учитывая Постановление Верховного Совета Эстонской ССР от 30 марта 1990 года «О государственном статусе Эстонии» и «Декларацию Верховного Совета Эстонской ССР о сотрудничестве Верховного Совета Эстонской ССР и Конгресса Эстонии», принимая во внимание, что состоявшийся в Союзе ССР государственный переворот ставит под серьезную угрозу происходящие в Эстонии демократические процессы, и сделал невозможным восстановление государственной независимости Эстонской Республики путем двусторонних переговоров с Союзом ССР,

Верховный Совет Эстонской Республики постановляет:

1. Подтвердить государственную независимость Эстонской Республики и добиваться восстановления дипломатических отношений Эстонской республики.
2. Для выработки Основного закона Эстонской республики и представления его на референдум образовать Конституционную Ассамблею, состав которой формируется путем делегирования высшим

законодательным органом государственной власти Эстонской республики – Верховным Советом Эстонской Республики и представительным органом граждан Эстонской Республики – Конгрессом Эстонии.

3. Провести в 1992 году на основании новой Конституции Эстонской Республики выборы в парламент Эстонской Республики.

Председатель Верховного Совета Эстонской Республики А. Рюйтель

Таллинн, 20 августа 1991 г.

Ведомости Эстонской республики № 25, 21 августа 1991 г.

Приложение 21

О признании независимости Эстонской республики

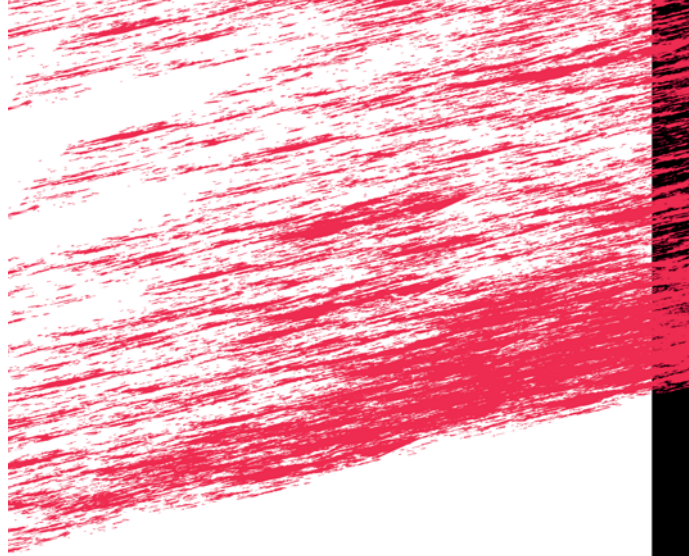
Учитывая конкретную историческую и политическую обстановку, предшествовавшую вхождению Эстонской республики в СССР, Государственный Совет СССР постановляет:

1. Признать независимость Эстонской республики.
2. Исходя из постановления 5 (внеочередного) Съезда народных депутатов СССР, провести переговоры с Эстонской республикой для решения всего комплекса вопросов, связанных с обеспечением прав граждан и интересов СССР и образующих его государств, касающихся экономических, политических, военных, пограничных, гуманитарных и иных вопросов.
Сформировать государственную делегацию Союза ССР для переговоров с Эстонской республикой, предоставить ей необходимые полномочия.
Учитывая особую заинтересованность РСФСР, граничащей с Эстонской республикой, включить ее представителей в указанную государственную делегацию Союза ССР.
3. При решении вопросов, связанных с признанием независимости Эстонской республики, учитывать необходимость выполнения обязательств СССР перед мировым сообществом, а также соблюдения общепризнанных норм международного права, прав и свобод человека и национальных меньшинств, закрепленных в международных договорах и иных актах, участником которых является СССР.
4. Исходя из Декларации прав и свобод человека, принятой 5 (внеочередным) Съездом народных депутатов СССР, признать, что граждане СССР, выразившие пожелание остаться в Эстонской республике или переехать в СССР, подлежат правовой защите СССР и той республики, гражданство которой они примут.
5. МИД СССР заявить о поддержке обращения Эстонской республики о ее вступлении в ООН, а также высказаться в пользу ее присоединения к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Государственный Совет СССР.

Москва, Кремль

6 сентября 1991 года

23 августа 1939 Нарком иностранных дел СССР В. Молотов и министр иностранных дел Германии И. Риббентроп подписали договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, впоследствии более известный под названием «Пакт Молотова-Риббентропа». В дополнение к основному тексту договора был подписан секретный дополнительный протокол о разделе стран Восточной Европы на «сферы интересов» Третьего Рейха и Советского Союза. Впоследствии, уже в ходе начавшейся Второй мировой войны, договор вместе с секретным протоколом послужил основой для аннексии Советским Союзом Эстонии, Латвии, Литвы и части территорий других стран. По прошествии пятидесяти лет была сформирована специальная комиссия, которая должна была дать оценку законности и исторических последствий пакта, предопределившего судьбу нескольких стран, в том числе, и стран Балтии, в деятельности которой сыграли значительную роль несколько эстонцев. В канун рождества 1989 года, когда участились массовые выступления жителей Балтии за отделение от Советского Союза, комиссия одержала историческую дипломатическую победу, разрушившую до этого момента нерушимые советские «догматы веры» – Пакт вместе с секретными протоколами был денонсирован (признан юридически недействительным) высшим органом власти Советского Союза. Спустя 2 года СССР распался.

Книга содержит драматические истории о работе комиссии. Второе издание (первый перевод на русский язык), основу которого составил текст первого издания под редакцией Хейки Линдпере (эксперта, который консультировал вышеупомянутую комиссию в 1989 году) дополнено комментариями, воспоминаниями и интервью с участниками этих событий о тех памятных днях и о работе комиссии. В данный сборник также включены исторические документы, сыгравшие ключевую роль в этой истории, в том числе – тексты Пакта и секретных договорённостей, переписка официальных лиц Третьего Рейха и Советского Союза, заявления комиссии от 1989 года и выступления, которые позволили опровергнуть ложь, окружавшую Пакт, и гарантировавшие победу.